Крым на фоне России

Роман СЕНЧИН

В марте произошло грандиозное, небывалое в новейшей истории событие – воссоединение Крыма с Россией. Повсюду в мире государства распадаются, делятся или готовы распасться, раскрошиться, а здесь один большой кусок земли вышел из состава одного государства и стал частью другого.

Сейчас российские политики, экономисты, бизнесмены наперебой обсуждают, как лучше обустроить полуостров, восстановить инфраструктуру, сделать его «привлекательным». То и дело прорываются потаённые мечты о присоединении к России других земель, принадлежавших некогда Российской империи...

А как дела внутри России?

Да, есть процветающие, цивилизованные, «привлекательные» территории. Даже не регионы, не области целиком, а именно – территории. Островки цивилизации, уюта, благополучия. А вокруг прежняя, оставшаяся нам с давних времён, усугубившаяся в ельцинский «переходный период», разруха и одичание.

Уже несколько лет назад мы толкуем о необходимости возвращения в Арктику, об освоении Севера, Дальнего Востока, Сибири. Пока толкуем, остатки того, что было построено в годы советской власти, а то и раньше, разваливается и гибнет. А ведь строили прочно, на века, и потом бросили. Бросали, судя по всему, быстро, торопливо. В квартирах стоит мебель, в гаражах «жигули». Это похоже на эвакуацию. «Принудительное переселение».

Мы до сих пор привыкли в бедах России винить Ельцина и его окружение, олигархов. Но у нас уже почти пятнадцать лет вроде бы другая власть, а признаки возрождения до сих пор очень слабые. Еле заметные.

Мы вернули Крым. Да, хорошо. Но в то же время на Ангаре расползается пятно Богучанского водохранилища, площадь которого в итоге должна составить без малого десятую часть Крыма. Планируем строить санатории и профилактории в Крыму, а в Сибири санатории и профилактории закрываются. Кто-то скажет: «Сравнил Сибирь и Крым! В Сибири холод и тоска, в Крыму – теплынь и море». Нет, в Сибири лето и солнце не хуже крымского, а озёра – целебней Чёрного моря. Поесть настоящих арбузов можно не только в Крыму, но и на Ангаре. Помидоры без всякой химии можно выращивать и под Магаданом...

Но сегодня в тренде Крым. Север, Дальний Восток, Сибирь, видимо, снова должны подождать.

МИР СЕВЕРА

№ 2 (90), 2014

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Роман СЕНЧИН

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Евгений БОГАЧКОВ (Москва),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Обложка 2-3 стр: автор работ-художник Владимир Распутин

Подписано в печать
23 апреля 2014 года.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации № 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 315

Я жалею, что о многом не написал, многое пропустил, быть может, очень важное. Я хочу снова попасть туда. Потому что Север только начинает жить, его пора только настаёт. И мы застанем эту пору, при нас она грянет и процветёт со всей силой, доступной нашей эпохе.

Юрий КАЗАКОВ

СОДЕРЖАНИЕ

3 Пробъёмся
Олег ХИМАНЫЧ. Русскому человеку без морей не жить

7 Прецедент
Александр ЛАТКИН. Кто заступится за эвенков

10 Вызов эпохи
Вячеслав СУХНЕВ. Арктика: третья мировая

38 Фантасмагория
Алина ЧАДАЕВА. Мифические ратоборцы

51 Без лжи
Владимир ФЁДОРОВ,
Иван ЧЕРЕМПЕЙ. Непревзойдённый поход

Говорят документы

61 Вернисаж
Валентина ВАНУЙТО. Картины – это жизнь

66 Рассказ
Валерий ПОВОЛЯЕВ. Хохлатка по прозвищу Кис – Кис

78 След в жизни
Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ. Оберегатель Тулумского мира

Читайте новые книги о Севере
издательства «Литературная Россия»

Русскому человеку без морей не жить

Олег ХИМАНЫЧ

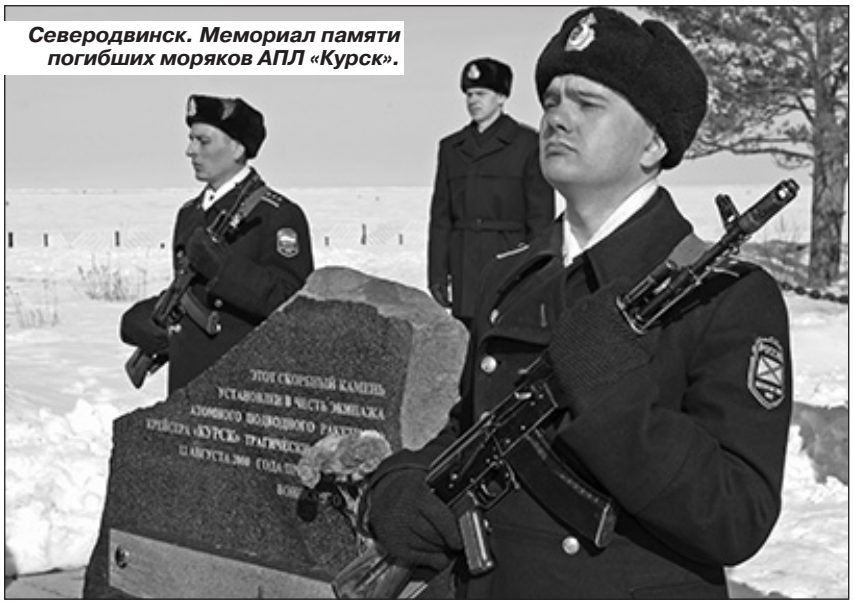
По строгому спросу истории 19 марта, конечно же, условная дата. Хотя бы потому, что и до царского указа 1906 года подводные лодки в России были. Или мы запамятовали об изобретении Ивана Фёдоровича Александровского? Или о подлодках Степана Карловича Джевецкого, одна из которых до последнего времени стояла в главном зале Центрального музея Военно-морского флота? Но раз уж сложилось так с точкой отсчёта, спорить не будем. В канун праздника вспомним об уникальной общности людей и кораблей – нашем подплаве. Потому, что доброе слово он заслужил, и потому, что к нему имеет отношение Северодвинск и практически большинство из его горожан…

1

Впервые подводную лодку я увидел подростком с палубы каботажного парохода – «дизелюшку» 613-го проекта, как я понял много лет спустя. Ни я, ни другие пассажиры так и не взяли в толк, откуда вдруг взялась она – мокрая, серая, хищная в ярком июньском море. Форштевень её решительно кромсал заштилевшую гладь, на верхнем мостике почти недвижно хохлилась вахта. Бежала лодка встречным курсом, промелькнула справа, всколотила пенные буруны за кормой и вскоре растворилась. До этого я видел подлодку только в кино и на картинках, а эта, реальная, но нежданная, если оставила впечатление, то корабля-призрака, невесть откуда взявшегося и неизвестно куда пропавшего.

Много позже я вспоминал этот эпизод и ту подлодку-фантом – была она, как и причастность Северодвинска к флоту, которую при всей очевидности окутывала большая тайна. На наших улицах, особенно в праздники, всегда было полно моряков, а цензоры старательно вымарывали тексты городской газеты, погоны и бескозырки, случайно попавшие в объектив фотокора, на отпечатках решительно закрашивались тушью – никаких намёков на флот…

Я родился и вырос в Северодвинске, чьим предназначением изначально было – строить корабли. Но кораблей мы,



Северодвинск. Мемориал памяти погибших моряков АПЛ «Курск».

Великая Отечественная война. Ещё один орден на груди Героя Советского Союза подводника Григория Щедрина.

мальчишки, почти не видели. Мы учились в школе, и некоторые из нас даже не догадывались, чем заняты родители на заводе, а они тогда уже строили атомные лодки и не распускали языки. Зато впечатлений было через край, когда практикантом-электромонтажником я впервые спустился в 10-й отсек заводского заказа № 470 – будущей атомной ракетной подлодки К-444.

Было это в знаменитом «полсотом цехе», который в ту пору был сплошь заставлен подобными кораблями. Специфические запахи электросварки, перекалённого металла и кабельной изоляции помнятся мне до сих пор. Затем каждый новый день приносил новые впечатления – подлодка росла, меняла облик, вбирала несметное количество конструкций, механизмов, приборов, труб, кабеля, и постепенно в её отсеках рождалась особая профессиональная среда обитания подводников – привычная им и нечеловеческая в понятии простых смертных.

Лодка день ото дня оживала, поражала своими масштабами на стапеле и окончательно изумляла мощью и грациозностью на воде. Затем в море её учили ходить, нырять и стрелять, чтобы океан стал для неё родной стихией, где могла она достойно противостоять врагу. А потом лодка уходила служить, и её место на потоке верфи занимала другая…

В 70–80-е даже для тех горожан, кто был по эту сторону заводских заборов, редкие летние ночи были тихими. В июльском безветрии над крышами домов повисали звуки огромной безостановочной верфи: приглушённые расстоянием лязг и стук механизмов, мерный гул вентиляции, вскрики гудков и сирен на рейде, дробь лодочных компрессоров… Северодвинск без устали строил боевые корабли, и не надо лицемерить пацифизмом – все мы гордились этим.

2

У каждого причастного к российскому подплаву, будь то служивый или же гражданский специалист, наш город на особом счету. Хотя метафора «столица подводников» всё же погрешит против истины, ведь история нашего подводного флота родилась вдали от Северодвинска, как и стратегия его последующих эволюций. И путь большинства поколений его моряков начинался не здесь. Без сомнений, у нашего города выдающийся вклад в создание атомных подводных кораблей, но с метафорой «столица подводников» надо бы обращаться аккуратнее.

Нынче не составит труда подсчитать, сколько кораблей сошло с наших стапелей, сколько их со временем возвращалось сюда же, чтобы приобрести новые качества,

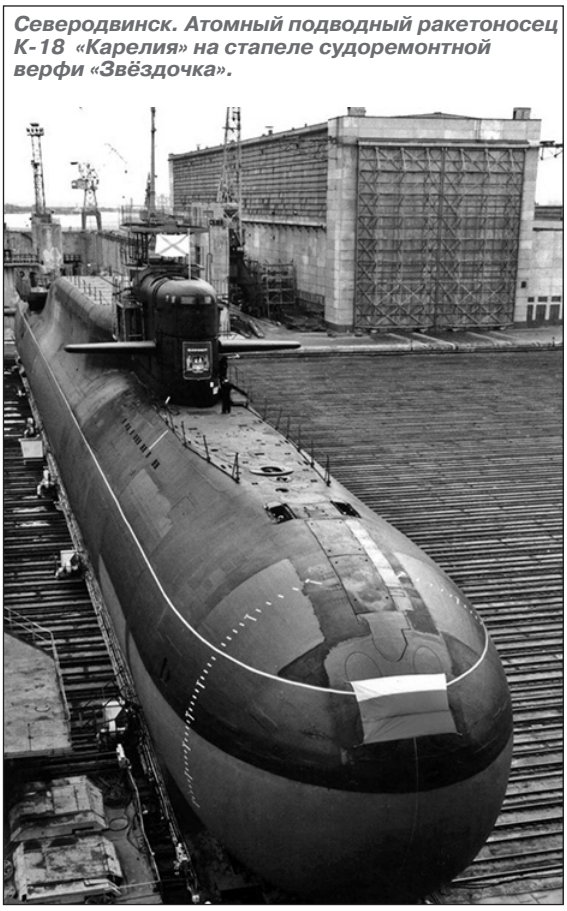
4 ракетоносец проекта 667а

а то и вторую жизнь. Но всё это явит лишь количественную оценку. По-настоящему воздать должное Северодвинску возможно, лишь обратившись к былым реалиям великой «холодной войны».

О советском подплаве сегодня пишут много и многие, в том числе и сами подводники. Рассказывают они о событиях прошлого по-разному. Своя правда у Анатолия Штырова, своя у Эрика Ковалёва, своя у Вадима Березовского, и у Александра Покровского правда тоже своя. И это нормально. Хотя бы потому, что всех нас Бог создал разными. Что же до содержания написанного, то умный, если прочитает, из всего поймёт: легендарный советский подплав не был гигантской казармой, жившей по уставу. Это была жизнь со всеми её человеческими проявлениями. Другое дело, что у подплава тогда была цель, которая всех объединяла. И чтобы достичь её, был заведён строгий распорядок, и люди постоянно пребывали в экстремальных условиях, проще говоря, была война.

Эту «холодную войну» мы проиграли. Честным историкам ещё предстоит сказать, в самом ли деле наш флот оказался слабее супостата либо причина поражения в предательстве политиков. Но в любом случае я почтительно обнажаю голову пред советскими моряками – теми, кто вынес все тяготы негласных сражений на море.

Мне всё же везло на встречи с яркими личностями подплава. Я горжусь знакомством с каперангами Николаем Алексеевичем Тушиным и Юрием Александровичем Зеленским. Мне очень памятны беседы с адмиралами Юрием Флориановичем Бекетовым, Николаем Павловичем Пахомовым, Леонидом Петровичем Кучеровым, Львом Давыдовичем Чернавиным и, конечно, с его однофамильцем – последним главкомом державы Чернавиным Владимиром Николаевичем. Было это на традиционной встрече ветеранов 3-й флотилии атомных подлодок Северного флота...



Северодвинск. Атомный подводный ракетоносец К-18 «Карелия» на стапеле судоремонтной верфи «Звёздочка».

3

Признаюсь, никогда раньше я не видел такого количества адмиральских звёзд, волею случая собравшихся вместе: тогда в Москву приехали около двухсот старших офицеров флота. И никогда раньше я не видел вместе такого числа заслуженных звёзд нашего подплава, походы которых непременно будут вспоминать. Видеть в одном зале две сотни седых мужчин, испытанных моряков, дни и ночи державших ядерный щит страны в океане, – это сильное впечатление! И настоящая писательская удача, ведь этим людям есть что рассказать: практически все ракетоносные лодки их флотилии были получены от северодвинских корабелов.

Наш город постаревшие гаджиевцы на своём подводницком сленге частенько называли сокращённо – Двинск – и почти всякий раз добавляли с шутливым восторгом: «О, как не вспомнить Двинск! Столица!»

И вот они собрались – живая история, пожалуй, самого яркого периода нашего подплава. Собрались и сразу же провели поверку своих рядов: встаньте, кто служил в 19-й дивизии! Затем те, кто в 13, 31, 18, 16, 24-й... Вспомнили и своих пращуров, тех, кто ведёт отсчёт службы от наших подводных ракетоносцев на дизельной тяге. И первые атомные корабли вспомнили, и тех, кто первым на них столкнулся с враждебным атомом. В тот вечер было множество тостов: за флотилию, за командиров, за русских моряков в океане, за жён, которые «на пирсе тихом в час ночной». И дважды выпили молча, в тишине: за тех, кто в море, и за тех, кого нет уже с нами. Одних забрало море, другие ушли позже, на берегу.

Тому, как они беззаветно служили, я уверен, потомки удивятся не раз. Так самоотверженно уже не служат. А они служили честно, часто на пределе. Никто не подсчитывал, а ныне уже и невозможно подсчитать, чего стоил им тот паритет, который поручила держать страна. Остались с тех времён молчаливые обелиски на кольских берегах и могилы на отдалённых от Заполярья русских кладбищах.

К слову, вот ведь удивительная и несправедливая вещь: многие годы о своём подплаве Россия чаще узнавала, когда в море случалась беда, – старались журналисты, падкие на всякую аварийщину, сотни автономок – тяжёлой подводницкой работы безо всяких ЧП их интересовали меньше...

Ещё в тот ноябрьский вечер, быть может, впервые так ясно, я осознал, как порой устало считают годы ушедшие в отставку моряки. Считают и по-прежнему верят, что жизнь прожита не зря, верят, даже глядя на нынешний разбитый и разворованный флот. Иначе не прозвучал бы тогда тост Анатолия Петровича Матвеева, известного гаджиевца, ныне вице-адмирала: «Мы выживем и пробьёмся!»

...О «холодной войне» ещё не сказано всей правды, и не названы имена всех героев, и не всех их нашли награды. Простите, моряки, Россию, снова впавшую в беспамятство...

4

Позволю несколько «неюбилейных» строк. Чтобы у иных не возникло опасного «головокружения от успехов».

Не так давно в Северодвинске чествовали некоего капитана II ранга за пять... выходов в море на заводские (!) испытания. Вот уже и пять рядовых выходов приравняли к подвигу. А ведь было время, когда нормой считалось семь, а то и более полноценных боевых служб. Пусть простят

меня подводники нынешние, но до настоящих героев им сегодня далеко. Все награды и звания, которыми их щедро одаривают по поводу едва ли не каждой дежурной даты, – это большие и пока не возвращённые авансы.

Откуда же взялась эта неизбежно развращающая флот беда? От бесцельности! За все годы, пока военные корабли России ходят под Андреевским флагом, мы так и не услышали внятного ответа на вопрос: нужен ли России флот? Есть великодержавные амбиции, заявленные в Морской доктрине государства, но нет мощи, способной поддержать их. Уж не «москитный» ли флот из фрегатов и корветов будет отстаивать наши интересы в Мировом океане?! К тому же переданные морякам корветы пока можно сосчитать, загибая пальцы одной руки, а головной фрегат всё ещё подпирает достроечную стенку питерской верфи...

Мне выпало знать Григория Ивановича Щедрина – легендарного подводника Великой Отечественной. Скажу больше, в определённой степени он напутствовал меня на путь флотского историка, дав очень лестные отзывы первым моим работам, чем я горжусь. Последний раз мы разговаривали – адмирал тяжело болел, ему отказывали застуженные палубным металлом ноги. Ещё помнится, как Григорий Иванович был раздосадован вакханалией ельцинских реформ и, прощаясь, сказал тогда: «Русскому человеку без морей не жить. Возможно, когда-нибудь Россия и вернёт себе звание державы, но будет это не скоро, сомневаюсь, застанут ли это время сегодняшние лейтенанты...» Выходит, как в воду глядел. Иные лейтенанты 1993 года, повидавшие море только с берега, сегодня уже примеряют адмиральские погоны. А флота нет!

Но «русскому человеку без морей не жить...» Быть может, оттого и живёт ещё надежда: «Когда-нибудь Россия вернёт себе звание державы...»

Олег ХИМАНЫЧ,
член Союза писателей России

г. СЕВЕРОДВИНСК

Александр
ЛАТКИН

КТО ЗАСТУПИТСЯ ЗА ЭВЕНКОВ?

В губительных изменениях ноосреды тайги особенно серьёзное и унижающее достоинство российского народа – лишение прав эвенков России, с явными и скрытыми признаками геноцида, начатого со времён Чингисхана, жестокого и кровавого также в период российской колонизации Сибири, определяемого заштатными историками, лицемерно и угоднически, как «открытие земель». Ранее и ныне, кроме линии национальной политики «прыжка через столетия», без учёта интересов (не функционеров, тщательно отобранных и поставленных властью «для согласований», а народа, мало что смыслящего в казуистике рваческой цивилизации) строятся дороги, проводятся трубы, разрабатываются месторождения, засоряя всё вокруг, без необходимой рекультивации, беспощадно уничтожаются леса, как, например, в Амурской области, нарушая гидрологическое равновесие территории (взрослое дерево держит минимум тонну воды, а лесин уничтожено миллиарды) и привело к наводнениям и серьёзным климатическим изменениям.

***

А что государство и малочисленные народы, не кстати оказавшиеся на землицах, «открытых «великими» путешественниками»? В.В.Путин ясен и чёток: «Поддержать экономическое и социальное развитие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Подкрепляется достаточными для первого этапа средствами. Остаётся «включить» разработанные схемы духовного (культура, образование) и экономического развития.

Да не тут-то было! Вдруг, на уровне региона, остроумно меняется целенаправленность (совсем чуть-чуть) – к программному распоряжению добавляются безобидные слова «мероприятия по поддержке», создавая извращённый смысл значения: и деньги плывут на мероприятия, а не «на развитие».

В Республике Бурятия, в 2009–2014 гг. на реализацию мероприятий (подготовили, провели и успокоились) выделено в пределах 80 миллионов рублей. Чиновники радостно (оптимизм непременное условие сидящего у нац. денежного потока) сообщили, что «за этот период проведено (обязательный налёт таинственной значительности) 50 мероприятий (каких? не раскрывается, дескать, не вашего ума дело), что «эффективность использования субсидий контролируется рядом показателей». Какая эффективность?! Всё отвратительно ухудшается. А вот официальный ответ Комитета правительства Бурятии (руководитель Михаил Харитонов), ведущего межнациональную работу: «Динамика результативности предоставления субсидий положительна». А эвенки? Им выделяется часть денег, из расчёта 1400 руб. на одного. В этом году – тысяча. Эти-то деньги на «демократических» началах делят среди одних и тех же людей и организаций. В результате помилованные крохи денег, не сработав, «проскальзывают» мимо эвенков, остающихся в молчаливой, настороженной неизменности.

***

Окончательно эвенки поставлены «на место» как бесправное быдло 12 марта 2013 года решением Баунтовского районного суда Республики Бурятия, когда семейно-родовая община «Дылача» была

ликвидирована. 15 июля 2013 года прецедент был поддержан судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда Бурятии. Верховный Суд Российской Федерации отказал нам в рассмотрении сего дела (судебного постановления), как нарушающего Конституционные права эвенков-общинников «Дылачи», так и эвенков в целом.

В самом начале прецедента приведения целого народа во второсортность и лишения его Конститутционных прав, мною было подчёркнуто в материале «Историческая трагедия эвенкийского народа» (см. интернет), что меня подвигает к активным действиям не уголовное преследование эвенков «Дылачи», так как в то время ситуация была непонятной, и я всегда далёк от намерения как-то влиять на ход следствия, а нарушение Конституционного права эвенков быть полноправными россиянами. Однако, особенно тупоголовыми чиновниками, мои действия расцениваются как выступления только в защиту «Дылачи», чтобы увести от сути глобальной проблемы.

Но если говорить о «Дылаче», то кроме рейдерской направленности (см. мою статью в интернете «Подлежат ликвидации»), и все другие якобы благие действия были и есть незаконные. К примеру, община «Дылача» создана в начале девяностых годов. Разрешение (лицензия) на добычу нефрита выдано общине в 1997 году до 2017 года. А Баунтовский районный суд права СРЭО «Далача», в том числе, и добычи нефрита, лишил по закону от 20 июля 2000 года № 104-ФЗ, бесцеремонно игнорируя статью 54, 1. Конституции РФ: «Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет». Что касается судебных аргументов ликвидации, то они носят номинативный и бездоказательный характер и не подтверждены экспертизами, заключениями

специалистов, владеющих материалом и имеющих лицензии (оленеводство, охотничий промысел и скотоводство). В решении суда просто-напросто перечислено подряд, что можно «притянуть» к делу, применяя ссылки районных специалистов, одного охотника «Дылачи»... Даже при поверхностном рассмотрении, это лишь предвзятые мнения, а не экспертные заключения... Именно поэтому судья Баунтовского районного суда сделал основной упор на «НЕ ТРАДИЦИОННОСТИ» недропользования эвенками вообще и на том, что учредители не зарегистрированы на месте работы общины.

С этого момента, решением суда, эвенки становятся вне рамок Конституции РФ, то есть низшей кастой. Это-то и разъяснил Баутовский районный суд 01.04. 2013 года, информируя о своём решении ликвидировать семейно-родовую эвенкийскую общину «Дылача» (см. интернет): « Поводом к возбуждению гражданского дела в суде стало исковое заявление прокурора Республики Бурятия (Петрова В.Г.), из которого следует, что Община фактически деятельность по традиционному хозяйствованию и занятию традиционными промыслами не осуществляет, занимается преимущественно коммерческой деятельностью (прошу заметить: на законных основаниях!) по добыче нефрита... что не имеет никакого отношения к ТРАДИЦИОННЫМ видам хозяйственной деятельности ЭВЕНКИЙСКОГО НАРОДА, а является грубым нарушением закона (речь о законе № 104-ФЗ, который использовал суд вопреки Конституции РФ...)

Прецедент создан! А непоколебимая, на первый взгляд, преамбула законов, что они «Настоящие Федеральные законы в соответствии с Конституцией РФ», отброшена как ненужная препона. То есть законность вывернута наизнанку, так как кроме прав, которые гарантирует Конституция, законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» дополнительно закрепляют права на национальный образ жизни малочисленных народов, отнюдь не аннулируя права тех же эвенков по Конституции как граждан России. Баунтовский районный суд, без лишних

раздумий, своим решением всё переиначил, рявкнув: цыц, тунгусы, по своим норкам и не высовывайтесь! Вы низкие твари, быдло, вы даже не граждане и Конституция не про вас!

***

Большим числом эвенков мне поручено отстаивать их право быть гражданами России. Опираясь на статью 376 (часть 1) Гражданского Кодекса РФ, я обратился от себя лично и от имени эвенков-чилчагиров в Верховный Суд РФ с жалобой на решения судов о ликвидации эвенкийской общины «Дылача» по национальному признаку, как «лицо не участвующее в деле», но относящееся « к другим лицам, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями». Верховный Суд РФ, в лице Е.С. Ревиной (ведущий консультант) отказал, поддержав правомерность нарушения Статьи 69 Конституции РФ. Конечно же, я обжаловал такой ответ и получил подтверждение «правоты» Ревиной Е.С. от имени Репиной В.П. – начальника отдела по работе с процессуальными жалобами и иными обращениями. Далее: всё изложенное здесь я послал и Президенту РФ. Конечно, прекрасно понимаю, что письмо только адресуется Президенту, на самом деле, особенно в последнее время, любое сообщение попадает в этакую «отписочную» контору, иногда называемую в народе КБП – комитет безопасности Президента, старательно оберегающий первое лицо государства от тьмы неприятных проблем российского народа. Однако пройти через данную лицемерную инстанцию необходимо, потому что двигаясь дальше, сталкиваешься с наивным вопросом: а вы писали Президенту!? Ведь случай исключительный, когда целый народ выведен за рамки Конституции. Ни один чиновник не посмеет отмахнуться... Ещё как посмеет! Письмо, попадая в КБП, читается по диагонали, что видно по ответам-штампам, направляется, как правило, тем же людям, которые своими действиями вызвали это письмо. Такая отписка – это и подстава, что низко, и отвратительно, и подтверждение истины, о которой писал ещё А.С. Пушкин: « Нет правды на земле, нет её и свыше!» Наше письмо (третье обращение к В.В. Путину + несколько открытых писем), так же было прочитано с пятое на десятое. Ответ: чиновничья тарабарщина: «Действующим законодательством не предусмотрена подчинённость и подконтрольность судов иным государственным органам и иным лицам, занимающим государственные должности Российской Федерации». Кто бы спорил! Если бы вы, представляющее первое лицо государства, прочитали наше письмо, то увидели бы, что речь идёт не о конкретном судебном постановлении буквально, а о попрании прав человека в судебном порядке на всех судебных инстанциях, то есть об утверждённом Прецеденте, законно дающим отныне право любому лишить меня возможности зарабатывать себе на жизнь, так как «не традиционность» той или иной профессии, делает меня, как эвенка, беззащитным перед конкурентом другой национальности.

От имени Президента, признав справедливость антиконституционного отношения государства к эвенкам, ответ подписала заместитель начальника департамента аналитического и правового обеспечения О.Александрова. Такой полуграмотный юридически и политически ответ-отписка нас категорически не устраивал. В ответ на обжалование унижающей Президента отписки О.Александровой нам сердито провещал начальник департамента аналитического и правового обеспечения Р.Байкин, который также не усмотрел (ещё бы!) нарушений Конституционных прав эвенков и процедил: «При несогласии с ответами на обращение вы вправе обжаловать их в судебном порядке». Думаю, что до этого не дойдёт, а вот повод усомниться в компетентности департамента скоро будет... Попутно замечу, что я обратился и в Думу, о чём очень жалею, потому что вовсе горько-смешно. За Нарышкина С.Е. ответила консультант отдела Д.В. Кожухова, что моё обращение направлено именно в прокуратуру Республики Бурятия, которая как раз инициировала данное бесправие и беспредел. Что ж, очередная подстава – не привыкать!

Не дай Бог всем этим людям оказаться в таком бесправном положении, в унизительной дискриминации, когда с вами обращаются как с неполноценными гражданами России.

село УОЯН,
Республика Бурятия

Вячеслав СУХНЕВ

АРКТИКА: ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

Тёплая земля

В отношении Арктики существует два главных устоявшихся мнения, которые весьма мешают разглядеть подлинную картину.

Первый стереотип: Арктика – это вечные льды и бесконечная ночь. В этих условиях человеку трудно выжить, тем более, вести какую-то хозяйственную деятельность. Разведка и добыча полезных ископаемых здесь неимоверно дороги. Поэтому нечего делать в этом мрачном холодном мире, не нужно тратить силы и средства на его освоение, человечеству хватит забот в других, более тёплых, краях. Лучше большой Ташкент, чем маленькая Сибирь, как говорили лет тридцать назад.

Отсюда второй стереотип: Арктика не стоит того, чтобы доводить столкновение государственных интересов до вооружённой конфронтации. В прошлом здесь не было боевых действий, сравнимых с битвами на просторах Центральной и Восточной Европы или в Юго-Восточной Азии. И в будущем пронесёт. А потому не нужно пугать обывателя сценариями грядущих сражений на полярных льдах. Это всё – пиар, пропаганда, под которую ушлые дельцы выгребают бюджетные средства на бессмысленные оборонные программы!

Конечно, доля истины в таких рассуждениях есть. Но – только доля.

Сначала посмотрим на нашу Землю с Северного полюса, чтобы лучше представлять, о чём пойдёт речь. Если принять за границу Арктики Северный полярный круг, как это практикуется во многих международных договорах, то на этой территории окажутся Северный Ледовитый океан, половина Норвегии, почти вся Гренландия, север Канады и часть штата Аляска. И конечно, всё арктическое побережье России с принадлежащими ей архипелагами и отдельными островами. По некоторым подсчётам – это больше трети территории нашей страны. Везде здесь живут и работают люди: добывают полезные ископаемые, ловят рыбу, пасут оленей, водят торговые корабли, занимаются научными изысканиями.

Границы государств в Арктике проходят по внешнему пределу территориальных вод. Для одних государств этот предел составляет 12 миль, для других – 3 мили. Чтобы «не толкаться локтями», в 1922–1927 годах СССР, Норвегия, США, Канада и Дания, владеющая Гренландией, разработали концепцию «полярных секторов» – об особых правах арктических государств на соответствующей территории Арктики. Наши правоведы по этому поводу замечают: «Наличествует молчаливое длительное согласие с этой законодательной практикой большинства государств мира».

Согласно концепции в состав государственной территории входят все земли и острова, находящиеся в пределах полярного сектора соответствующего государства, а также постоянные ледяные поля, припаянные к берегу. Полярный сектор – это пространство, в основании которого лежит северная граница государства, а на вершине – Северный полюс. Боковыми границами являются меридианы, соединяющие Северный полюс с крайними точками северной границы государства. В соответствии с такой геометрией арктические сектора пяти приполярных государств «нарезаны» неправильными треугольниками и выглядят, как дольки апельсина, правда, разного размера. Самая большая «долька» – российская.

Обращаю внимание: границы арктических государств и

границы полярных секторов – совсем не одно и то же. Если к вашему дачному участку примыкает лужок, то вы можете на нём загорать, ставить машину и жарить шашлыки. И даже беседку соорудить. Но с таким же правом на этот лужок может претендовать любой дачник вашего посёлка. И в российском или в канадском секторе может попросить подвинуться «законных хозяев», допустим, Буркина-Фасо, одна из самых маленьких стран в Африке. Понятно, это только в теории. А на практике некоторые страны, в том числе, Япония, уже рассматривают такую возможность. Правовой статус арктических секторов довольно запутан. Предки тут на совесть постарались. Об этом надо говорить отдельно и подробно.

Арктика – не такая уж холодная и мрачная преисподняя, как её представляют. Это ведь не только ледяные поля вокруг Северного полюса. На российской территории за Северным полярным кругом лежат Нарьян-Мар, Воркута, Норильск, Дудинка, Игарка, Тикси. И Мурманск со всем Кольским полуостровом. Зимой тут холодно, но и лето бывает – с довольно высокими температурами, с разнотравьем, цветами, грибами и ягодами. Главным врагом человека в Арктике считается мороз. Хотя, если уж на то пошло, на всей территории России, за исключением районов крайнего юга, полгода стоят морозы, лежит снежный покров, а реки скованы льдом. И никто не кричит «караул!», не говорит, что тут нельзя ни жить, ни работать.

Саамы, ненцы, эвенки, нганасаны, чукчи, коряки, якуты, эскимосы и другие народы Севера за много веков существования в суровых природных условиях выработали собственные стандарты и принципы изготовления одежды – прочной и тёплой, которая защищает от холода не хуже современных высокотехнологичных моделей. У разных народов она и называется поразному: ирын, малица, парка, кухлянка, махил, камлейка, кукашка, керкер. Основу составляют две меховые рубахи – одну обычно надевают мехом внутрь, другую сверху – мехом наружу. Керкер, правда, больше похож на комбинезон, а махил – на халат, но принцип многослойного расположения меховых частей одежды тот же. Некоторые коренные северяне зимой надевают ещё меховые натазники, вроде трусов, и нагрудники – вместо жилетов. Зимние сапоги северные народы шьют, в основном, из оленьей шкуры, камуса, и носят их с меховыми чулками.

Известный наш этнограф, исследователь Севера, Владимир Германович Тан-Богораз, так вспоминал свою полярную одежду: «Длинная двойная парка давила мне плечи, как броня. Шапка, рукавицы, сапоги – всё состояло из двойного, даже тройного меха и соединялось так плотно, как вооружение средневекового латника. Это действительно было вооружение, и враг, против которого оно давало оборону, – жестокий властитель полярной пустыни, мороз...».

Русские, живущие на территории, где снег и мороз – привычное дело, тоже внесли свою лепту в зимнюю моду: тулупы, шубы, меховые шапки и сапоги, валенки, овчинные рукавицы, вязаные шерстяные носки. Недаром у нас издавна бытует поговорка: нет плохой погоды, есть плохая одежда. Так что бороться с холодом в России издавна научились. А при современных технологиях и материалах давно уже делают тёплую, лёгкую и удобную одежду для геологов, буровиков, моряков, учёных, работающих в Арктике. Посмотришь на такую полярную куртку – и сразу хочется вспотеть...

По Крайнему Северу я разъезжал в китайском пуховике, стёганых штанах и меховых сапогах. Эта немудрящая одежда хорошо «держала» мороз от 30 до 40 градусов. Под пуховик надевал бязевую тельняшку, толстую рубаху и свитер. Конечно, не забывал про шерстяные кальсоны, пуховые носки, ондатровую шапку и рукавицы. То есть обычная одежда, подобранная на случай командировки, спасала от холода не хуже специальной.

Заключённые северных лагерей в своё время экипировались несравненно хуже. Перед Великой Отечественной войной, когда ГУЛАГ практически стал министерством по переработке «человеческого материала» в энергию индустриализации, вышел приказ НКВД СССР № 00943 от 14 августа 1939 года. Он назывался «О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключённых в ИТЛ и ИТК НКВД СССР». По этому приказу, подписанному начальником ООС ГУЛАГ НКВД интендантом 1-го ранга Силиным, зекам выдавались

телогрейки, ватные шаровары, валенки, варежки шерстяные, рукавицы и даже полушубки. Но не всем. В приложении № 13 к приказу отмечалось особо:

«1. Для Норильлага выдаются меховые шапки.

2. Суррогативная обувь выдаётся вместо кожаной 1 пара на 4 месяца.

3. Портянки бумазейные выдаются только тем, кто работает на наружных работах, а также в неотапливаемых помещениях.

4. Телогрейка выдаётся только работающим на наружных работах и в неотапливаемых помещениях.

5. Шаровары ватные выдаются только работающим на наружных работах и в неотапливаемых помещениях.

6. Полушубки отпускаются из расчёта 7 % к составу заключённых, работающих на открытом воздухе и неотапливаемых помещениях.

7. Валенки выдаются только работающим на открытом воздухе. Валенки могут быть заменены бахилами, ватными чулками с резиновыми чунями».

Из этого списка становится понятно, что его разработчики плохо представляли себе, как работать на морозе в портянках бумазейных, заправленных в «суррогативную» обувь. Или, наоборот, очень хорошо представляли... Поэтому и выдавали меховые шапки только заключённым Норильлага. Как будто по соседству, на Печоре, например, можно было обходиться без шапок.

Вообще, к холоду на Севере привыкаешь быстро, и при нормальной одежде даже сильные морозы не давят на психику. Другое дело – отправление естественных надобностей. В суровых условиях это становится проблемой, от которой не отмахнёшься. Военный врач и парашютист, участник четырёх секретных полярных экспедиций Виталий Волович писал в дневниках, что у многих полярников быстро обострялся радикулит, «что неудивительно при наших экзотических походах «до ветру». Но это – на

льдине. И в пятидесятых годах прошлого века. Сегодня ситуация лучше, но в большинстве северных посёлков туалеты и сейчас устроены так же, как в «отдалённых местностях» Центральной России – дощатый коробок, продуваемый всеми ветрами. Бывает и «эксклюзив». В Якутии в некоторых посёлках на Лене сортир устраивают в углу сеней дома. Под дырку ставят деревянный короб на полозьях. Весной короб вытаскивают на реку, и когда начинается ледоход – посылки белым медведям плывут по реке до моря Лаптевых... В городских панельных и блочных домах вода в туалетные бачки поступает зимой в час по чайной ложке. Отходы человеческой жизнедеятельности смываются плохо, а потому в квартирах всю зиму отчётливо пахнет говнецом.

В одном административном здании на Крайнем Севере я обнаружил в туалете выбитое окно, забранное фанеркой на двух гвоздях. Чтобы фанерка не улетела от порыва ветра, её придавили сиденьем от сломанного стула. Поскольку стоял апрель, и температура за выбитым окном не опускалась ниже тридцати градусов, сквозняк в туалете был терпимым. Я спросил: неужели в посёлке нет куска стекла, чтобы забрать окошко. Оказалось, стекло есть, но его берегут на «сурьезный» случай. То есть, голая поясница на режущем сквозняке к таким случаям не относилась.

Так что после мороза в качестве врага я бы поставил наш туалет. Походы в северный сортир не прибавляют здоровья. Но эти проблемы – не природного, а психологического характера. Не привыкли мы комфортабельно обустраиваться в кочевых условиях. Недаром столько анекдотов о том, как ходят «до ветру» на Крайнем Севере. Эту бы самоиронию – да в созидательное русло... В последние годы российские умельцы разработали утеплённые высокотехнологичные туалетные комплексы с унитазами и душевыми кабинами для северных районов – из самых современных материалов. Красота неописуемая. Просто

космический корабль! Однако подобные сетевые модули требуют подключения к электросети, канализации и водопроводу. Да где ж этого напасёшься – особенно, в полном комплекте? Есть, правда, варианты, когда туалет может работать без подключения к канализации и водоснабжению. Нужно лишь электричество. То есть получается тот же запашистый курятник, только из современных материалов. Интересно, для чего тогда нужно электричество? Для освещения – чтобы не промахнуться?

Другой серьёзный враг человека в Арктике – авитаминоз. При недостатке витамина А развивается куриная слепота, витамина С – цинга. Связь заболевания цингой с недостатком витамина С была научно доказана только в 1930-х годах, но на практике с болезнью стали бороться с незапамятных времён. В английском флоте морякам давали еловый отвар, голландцы включали в морской рацион апельсины и лимоны. Пётр Первый тоже пошёл на поводу у голландских традиций. А в наших северных деревнях от цинги или скорбута отбивались квашеной капустой и клюквой.

В рацион заключённых в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР по тому же приказу № 00943 включали, помимо хлеба, мяса, круп и жиров, томат-пюре, сухофрукты и стручковый перец. Доходили ли эти деликатесы до зеков – вопрос другой. Интересен для нас второй пункт этого приказа: «Для заключённых, работающих за полярным кругом, а также на подземных работах, указанные нормы увеличиваются на 25 %, исключая нормы хлеба, соли, лаврового листа и перца».

Но оставим эту грустную тему.

Овощи на Северах и сегодня – дорогое удовольствие. А кое-где и совсем редкое. В советское ещё время обедал я в столовой посёлка Дебин на трассе Магадан-Усть-Нера. В Дебине когда-то писатель Варлам Шаламов работал фельдшером в больнице для заключённых. Заказал я олений бифштекс и зелёный салат. Здоровенный кусок сочной оленины на всю тарелку стоил пятьдесят копеек, а салат – два кусых луковых пёрышка и прозрачный кружочек огурца – обошёлся в три рубля. Если кто не помнит или не знает, бутылка водки тогда стоила два восемьдесят семь... Естественно, я полюбопытствовал: почему маленький салат такой дорогой, а большой бифштекс – дешёвый. Потому, ответила буфетчица, что бифштекс сразу за посёлком бегает, а салат на самолёте прилетает.

Как же боролись с авитаминозом коренные жители Заполярья? Оказывается, витамин А в огромных количествах содержится в печени белого медведя и других животных, в том числе, морских, а витамина С вполне достаточно в лососёвых рыбах. Ягода морошка, произрастающая в приполярных областях, давно известна как настоящий кладезь витаминов и органических кислот. Кроме неё в Заполярье растёт голубика, брусника и даже малина.

Таким образом, сама природа позаботилась о здоровье коренных народов Севера. Хотя стол коренных северян кому-то может показаться, мягко говоря, неприглядным.

Тот же Тан-Богораз сообщал, что колымские и чаунские чукчи, когда не хватает обычных продуктов, едят мышей и собак. Доктор Ирвинг Розе, участник спасательной экспедиции на пароходе «Томас Корвин», писал в Журнале Американского географического общества в 1883 году, что мясо и печень медведей, моржей и других полярных животных для эскимосов так же привычны, как для жителей умеренных широт мясо свиней или коров. *«Конечно, есть более аппетитные вещи, чем медвежатина или гага, но я знаю многих, кому улитки, оливковое масло, и паштет фуагра кажутся более отвратительными*, – замечал И.Розе. – *Сырая печень, запёкшаяся кровь и гнилостная рыба не очень привлекательное лакомство, но они имеют свои аналоги в пище некоторых наших фермеров, которые едят свиную требуху, кровавый пудинг и лимбургский сыр»*.

Однако северный рацион неизбежно скуден. И люди в Заполярье никогда не надеялись только на дары дикой природы. Учёный из Сыктывкара Владимир Андрианов, вице-президент Коми республиканской ассоциации независимых экспертов, много лет занимается проблемами хозяйственного освоения Арктики. Он рассказывал мне, как на заре становления Воркутинского угольного бассейна, в 1930-х годах, за полярным кругом работали совхозы,

снабжавшие продуктами шахты. Здесь выращивали мясомолочный скот, а для его прокорма заводили в тундре окультуренные сенокосные угодья, которые вполне обеспечивали кормами коров и коз. С началом Великой Отечественной войны прекратились поставки продовольствия из оккупированных Украины и Белоруссии, которые были главными кормильцами жителей Воркуты, Инты, Ухты. Тогда буквально за несколько месяцев под Воркутой было создано пять новых совхозов. Подсобные хозяйства организовали при шахтах и участках. Многие жители разводили огороды, на которых выращивали лук, укроп, петрушку и даже картофель. И это в зоне вечной мерзлоты, за полярным кругом. То есть, в Арктике.

Сегодня в городах и посёлках Крайнего Севера хватает овощей и фруктов, хотя возить их сюда трудно и дорого. Например, до Норильска контейнеры с зелёной продукцией идут на баржах через всю Сибирь – из Хакасии, из Абакана (ближний свет!) по Енисею до Дудинки, а это почти полторы тысячи километров. Потом по железной дороге от порта до Норильска – ещё сто километров. И это не предел для путешествующих овощей и фруктов – они прибывают в Заполярье из Центральной России, Поволжья и даже с Северного Кавказа. Поэтому в магазинах никелевой столицы зелени хватает, но цены кусаются. Своих дешёвых витаминов нет и, наверное, не предвидится.

Между тем, выращивать овощи и даже фрукты в Норильске давно научились. На перекрёстке Талнахской улицы и Вальковского шоссе стояли некогда теплицы совхоза «Норильский», площадью примерно три гектара. Потом ещё один такой же тепличный комплекс построили неподалёку, напротив 16-го микрорайона. Здесь росли помидоры, огурцы, морковь, лук, чеснок, петрушка, капуста. И редисом баловались. И даже лимоны пытались выращивать. Понятное дело, северян эти теплицы не могли по уши завалить зеленью, однако норильчане вполне разнообразили стол, получали свою пайку витаминов. Старый тепличный комплекс в годы перестройки и реформирования снесли, а тот, что новее, пока стоит – но в руинах. Их видно от магазина «Колобок». В части теплиц жизнь, так сказать, ещё теплится – их арендуют бизнесмены, выгоняя к праздникам цветы.

Вообще на наших Северах многое потеряно – не только теплицы. В Норильске, благодаря действующему градообразующему производству, жизнь пока кипит, хоть город и считается одним из самых экологически грязных мест на восток от Урала. А вот в арктических портах – Амдерме, Диксоне, Тикси или Певеке жизнь замерла.

Тикси помнится светлым, уютным городком в изножии нависающей серой сопки. Портовые краны виднелись издали, когда выпуклость тёмно-синей тяжёлой воды ещё скрывала причалы, склады и белые ёмкости нефтебазы на низком берегу. Город словно поднимался из бухты и постепенно прорисовывался на фоне берега. После долгого скучного плаванья в рукавах ленского устья и вдоль изрезанного морского берега, земля, уставленная домами, с настоящей бетонной дорогой, казалась надёжной и обжитой. Не было впечатления края света, оторванности от Большой земли, потому что люди жили здесь так же, как в других российских местностях, ходили на работу и в школу, служили в воинских частях. В магазине Военторга можно было купить хоть тёплую шапку-ушанку, хоть вкусную рыбу – муксун. Военторг поражал: здесь во времена развитого, но нищего социализма, лежали вещи и продукты, которых нельзя было тогда найти даже в Москве. Работали в старом двухэтажном домике почта и сберкасса, в кинотеатре «Лена» показывали новые фильмы. Вдоль пятиэтажек, стоящих на невысоких сваях, гуляли мамы с колясками. Один из лучших аэродромов за Полярным кругом регулярно принимал самые современные самолёты, даже рейсы из Москвы.

Сегодня в Тикси изредка садятся только «борта» из Якутска. Если бы у посёлка не было статуса районного центра, или в свете административных новаций, центра Булунского улуса Республики Саха, то и воздушное сообщение, скорей всего, прекратили бы «по экономическим причинам». Половина жителей Тикси (из двенадцати тысяч человек в конце 1980-х) из-за резкого сокращения рабочих мест «эмигрировала» на Большую землю. Остались дома с выбитыми окнами и ободранными кровлями,

руины недостроя, щербатая ухабистая бетонка на улицах, а в молчащем порту – ржавые бочки из-под солярa, разбитые туши двигателей, гнутые трубы, искорёженные суда. Совсем недавно, в разгар полярной зимы, в Тикси произошла крупнейшая авария на теплосетях. Устранять её съехались специалисты со всей Якутии. Глава администрации улуса заявил потом, что аварии не было, а случилась самая настоящая диверсия. Мол, кое-кто хочет, чтобы посёлок закрыли, а людей переселили на материк.

Вот каков Тикси в наши дни. Здесь без грима можно снимать кино про цивилизационную катастрофу. Но ведь не было тут ядерной войны! Сегодня северные территории попросту забросили. А если начистоту, то ведь не только Севера забросили. Чтобы в этом убедиться, не надо и в Арктику ехать – достаточно сгонять на электричке за полсотни километров от любого областного центра... Не слишком ли много приходится диверсантов на квадратный километр нашей бесхозной земли?

Ну и при чём тут морозы или авитаминоз? Судьба так распорядилась, что многочисленным народам России досталась в удел от любознательных, отважных и трудолюбивых предков огромная территория, большая часть которой пока не поддаётся активному хозяйственному освоению. И не потому, что холодно, а потому что далеко от обжитых районов и нет современной инфраструктуры – промышленной и жилой. Понятно, что возить в Арктику из Средней России или из

сибирских городов каждую гайку да пачку макарон очень дорого. И не всегда можно точно рассчитать, сколько этих гаек понадобится и хватит ли макарон до следующего завоза. Хотя, замечу, лет тридцать-сорок назад такие потребности высчитывали довольно точно – без компьютеров... Значит, надо научиться делать гайки и макароны на месте. Как? А я не знаю. Моя задача ставить вопросы.

В интервью с одним большим сибирским начальником я услышал когда-то аргумент, который поначалу произвёл сильное впечатление. У нас тут, сказал начальник, зимой страшные морозы. Техника не выдерживает, сталь ломается. А вы хотите от нас высокой производительности труда? Дайте климат, как в Краснодарском крае, мы завалим страну хлебом. Интервью у начальника я брал в начале сентября. Зерновые только-только созрели, их начали убирать, но уже подошли заморозки вперемежку с дождями, и было ясно, что на большой хлеб в этих краях, действительно, можно не рассчитывать. Поэтому тоску начальника о краснодарском климате я вполне понимал.

Возвращался в Москву на самолёте. И услышал по трансляции лайнера: «Наш полёт проходит на высоте восемь тысяч метров. Температура за бортом – сорок три градуса ниже нуля». Тут я и задумался: самолёты летают по двадцать лет и больше в температурных условиях, мало отличающихся от условий в местностях, подведомственных начальнику, с которым я недавно беседовал. Другой металл, или другое отношение к технике?

Потом я не раз слышал подобные аргументы: холодно, неустроенно, дорог нет, снабжение плохое. Поэтому люди и бегут на запад, за Урал. И опять же – из моей практики... В Магадане познакомился с водителем, который отработал некогда семь лет «по приговору», а потом ещё столько же – «по договору» и уехал в тёплые края, к родственникам в Астраханскую область. Прожил там чуть больше года и вернулся в Магадан. Причём он успел купить на Волге дом с садом – северные надбавки позволяли. А вот не смог вписаться в новую жизнь. Отравился Северами, как он признался. Вернулся и начал всё практически с нуля. Подобные истории о

«возвращенцах» я слышал и на Курилах, и на Камчатке. Мой хороший приятель – ещё по студенческим временам – уехал в Петропавловск-Камчатский на работу по распределению. Лет через десять вернулся на родину, под Смоленск, но тоже не прижился и вернулся на край света. Это для нас, в Центральной России, Камчатка – край света. А для тех, кто не представляет другого места для жизни и работы, это та самая Родина, которая пишется с большой буквы.

Есть в наших Северах что-то притягательное, по себе знаю. Если вы хоть однажды увидите, как летят гуси в синем небе над проливом Лонга, когда возвращаются на остров Врангеля, то вы поймёте, о чём я говорю. Скажите уроженцу Тикси о том, что там холодно, темно и жить невозможно – я представляю, что вам ответят...

В 1921 году канадский полярный исследователь Вильялмур Стефансон выпустил в Нью-Йорке книгу о Канадской арктической экспедиции, которую он возглавлял в 1913–1918 годах. Книга называлась «The Friendly Arctic: The Story of Five Years in Polar Regions». В русском переводе – «Гостеприимная Арктика: Рассказ о пяти годах в полярных краях». Вот выдержка из рецензии на эту книгу. *«На первый взгляд может показаться, что слово «гостеприимный» в названии книги употреблено лишь затем, чтобы подчеркнуть, что в арктических областях Стефансон встретил дружески расположенных людей. Тем более что он уже описал в своей предыдущей книге доброту и гостеприимство эскимосов. Однако значение этого слова здесь гораздо шире, с его смыслом непосредственно связано то, что и делает саму экспедицию настолько выдающейся и пионерской. Стефансон имеет в виду, что северный полярный регион сам по себе дружественен и гостеприимен по отношению к человеку, что он, вопреки всем предвзятым мнениям, вовсе не является бесплодным, безжизненным, неприступным необозримым пространством, угрожающим смертью от голода или невыносимого холода»*.

Наш современник, российский писатель Станислав Олефир много лет учительствовал под Магаданом. Написал множество книг. Один из его рассказов начинается так: *«Наверное, нет ничего в мире холоднее колымской земли. Май на исходе, с далёкого юга возвратились кулики, пеночки и дрозды, а она всё прячется под глубоким снегом»*. Затем герой-повествователь обнаруживает проталину, на которой проклюнулся листок сон-травы. *«Присаживаюсь у этого листка, опираюсь рукой о землю и неожиданно ощущаю тепло. Значит, я ошибся и наговорил здесь совершенно напрасно. Это снег холодный... А земля – она везде тёплая»*.

Золотые слова! Тёплая земля в Заполярье. В том числе – от крови и пота тех, кто шёл первыми. Отказываться от Арктики могут только люди без корней, которые с таким же равнодушием откажутся сегодня от Курил и Сахалина, а завтра – от Сибири. Да и от России вообще... И не о них, слава Богу, речь!

В общем, Краснодарский край всех желающих не вместит. Придётся обустраивать Красноярский. Наверное, надо думать не о том, как ужать весь хозяйственный комплекс страны до одной грядки на Черноморском побережье, а о том, как в условиях нашей земли, далеко не парниковых, нормально, по-хозяйски работать. Везде.

О морозах мы поговорили. Как видите, не мороз в Арктике страшен, а страшен ленивый и равнодушный дурак, по вине которого может остаться без тепла и канализации посёлок и без хлеба – его жители.

Вот теперь о том, что мы в Арктике «забыли» и стоит ли из-за неё портить отношения с соседями.

Чужие флаги над островом Врангеля

Этот сюжет вполне мог бы стать основой боевика. Коротко всё выглядело так: на русский остров Врангеля высадились канадцы с англичанами, потом к ним присоединились американцы. Однако явилось советское судно «Красный Октябрь» и выдворило с острова незваных гостей. Ранее на перехват «Красного Октября» был послан американский крейсер, но сошёл с дистанции из-за поломки винта. Тогда в гонку включилась китобойная шхуна – её экипаж должен был высадиться на острове Врангеля раньше экспедиции с «Красного Октября», водрузить американский флаг и сделать, таким образом, «заявку» на право обладания территорией. Но и китобоям не повезло – шхуну

затёрло льдами. Удача оказалась на стороне русских. А кроме удачи, добавлю, за русскими было международное право.

О спорах вокруг острова Врангеля и стычках на его скалистых берегах писали и пишут до сих пор российские и зарубежные авторы. Однако эта литература полна противоречивых сведений и недомолвок. И, главное, настолько политизирована, что с ней надо разбираться, постоянно имея в виду время её создания, национальную принадлежность автора и господствующие в мире идеологические настроения – разные настроения в разное время. Например, «Красный Октябрь» в источниках называется то гидрографическим судном, то ледоколом, вооружённом пушками, то канонерской лодкой. Канадцев и американцев, высадившихся на острове, одни авторы именуют браконьерами и хищниками, другие – мирными исследователями и героями-первопроходцами.

Почти сто лет прошло с инцидента на острове Врангеля, а точка в его оценке, кажется, так и не поставлена. Между тем, драматическая история открытия и освоения острова – весьма впечатляющая иллюстрация к освоению Арктики в целом. Ещё в 1935 году энтузиаст Арктики и пропагандист её героев Борис Островский писал: *«Эпопея открытия острова Врангеля – любопытнейшая и поучительнейшая страница не только в истории исследования Арктики, но и в истории географических исследований вообще»*.

Вот почему необходимо подробно рассказать о международной «гонке» к острову Врангеля. В моём распоряжении большой массив литературы, но из-за противоречивости сведений и оценок, зачастую конъюнктурных, пришлось пожертвовать стройностью повествования – ведь необходимо сопоставить и критически осмыслить эти сведения.

***

На крайнем востоке российского арктического сектора, на стыке Восточно-Сибирского и Чукотского морей, расположен остров Врангеля. Его площадь составляет около 7 670 квадратных километров. Для сравнения: площадь Москвы в пределах МКАД – 870 квадратных километров.

О земле, лежащей в холодном море на север от Колымского устья, российские промышленники и мореходы ещё в XVII–XVIII веках знали от приморских чукчей, которые называли эту землю Умкилыр – Белые медведи. Ломоносов предполагал существование большой земли в море на востоке русской Арктики и даже обозначил на карте остров Сомнительный. Слухи об острове проверил в начале XIX века Фердинанд Петрович Врангель, который молодым лейтенантом флота в 1820–1824 годах возглавил Колымский отряд для описи берегов северо-востока Сибири. На основании опросов местных жителей и скудных материалов прошлых исследований Врангель тоже нанёс на карту предполагаемую землю. Как показали дальнейшие события, он почти не ошибся в расчётах. Врангелю, кстати, приписывают остроумное изобретение. Чтобы защитить лапы собак от холода и порезов о твёрдый наст, Фердинанд Петрович распорядился сшить для них башмачки из прочной кожи. Это помогло экспедиции сохранить собак, которые служили основной тягловой силой.

Потом Врангель был главноуправителем русских поселений в Америке, директором Российско-Американской компании, вёл переговоры с Мексикой о приобретении земель вокруг форта Росс в Калифорнии. Николай I не признал Мексику и сделка сорвалась. Адмирал Врангель работал директором гидрографического департамента, председателем комиссии по пересмотру морских уголовных законов и

морским министром, был одним из учредителей Русского географического общества. Почти в семьдесят лет вышел в отставку, успев поучаствовать в организации экспедиций на Дальний Восток и в Русскую Америку. В бытность Врангеля директором департамента и морским министром прошли замечательные экспедиции М.Д. Тебенькова, А.М. Гаврилова, В.С. Завойко, Л.А. Загоскина и других исследователей, составивших карты Алеутской гряды, Южных Курил, Северо-Западной Америки и Восточной Сибири. В эти же годы состоялась экспедиция Г.И. Невельского, в результате которой к России был присоединён обширный район Приамурья. Фердинанд Петрович резко протестовал против планов продажи Аляски. И не зря протестовал – жаль, что к нему тогда не прислушались. Русскую Америку Александр II продал за 7,2 миллиона долларов. В 1867 году Аляска перешла под протекторат США, а в 1897 году здесь началась знаменитая «золотая лихорадка». Добыча золота за век с момента открытия первой жилы составила около 400 тонн. Много это или мало? Для сравнения: примерно столько же сегодня в золотом запасе России.

Мы ещё поговорим о геополитических и прочих выгодах на аляскинских «торгах». Вернёмся к острову Врангеля.

Официально его открыл английский исследователь, капитан судна «Геральд» (или «Джеральд» по Брокгаузу и Ефрону) Генри Келлет в 1849 году. Он шёл по следам экспедиции земляка, Джона Франклина, который в 1845 году оправился искать так называемый Северо-Западный проход, могущий значительно сократить путь для европейских мореплавателей из Атлантики в Тихий океан. Франклин на двух судах «Эребус» и «Террор» должен был пройти по канадским водам и достичь Берингова пролива. Но экспедиция из почти двухсот человек бесследно затерялась в ледовых просторах.

Генри Келлет, пустившись в путь от берегов Аляски в сопровождении вспомогательного судна «Плоуер», прошёл Чукотское море и обнаружил небольшой скалистый остров. Келлет назвал его в честь своего судна – Геральд. Моряки высадились на Геральде и установили британский флаг. Дальше цитирую Бориса Островского:

«Благоприятные атмосферные условия позволили Келлету в первый же день его пребывания на новооткрытом острове сделать интереснейшее наблюдение. С корабля ясно различали в западном и северном направлениях вырисовывавшиеся вдали вершины гор. Не было никаких сомнений, что впереди расположена довольно значительных размеров земля, спускавшаяся к морю уступами. К сожалению, льды не дали возможности приблизиться к замеченному острову. В честь другого корабля флотилии Келлета неведомая территория была названа островом Плоуер».

По возвращению экспедиции домой, на карты была нанесены остров Геральд и Земля Келлета – так теперь именовали остров Плоуер.

В 1867 году в Чукотском море побывал американский капитан Томас Лонг. На китобойном барке «Нил» он искал новые промысловые угодья. Лонг прошёл вдоль побережья до Чаунской губы, на восточном берегу которой сегодня стоит наш порт Певек. А это уже Восточно-Сибирское море. Потом Лонг повернул на северо-восток и, пройдя около 170 миль (примерно 300 километров), вышел к большому массиву суши. Утром 15 августа китобои приблизились к ней настолько, что могли различать горные цепи, отдельно стоящие вершины и зелёные низменности на побережье. Несколько дней «Нил» шёл вдоль берегов суши, а поскольку погода стояла тихая и ясная, Лонг смог описать и измерить почти всю южную часть острова, определить его координаты. Впрочем, капитан «Нила» не был уверен, что видит остров, так как льды не дали барку обогнуть сушу, а высадиться на неё Лонг не смог. Он не знал, насколько открытая суша простирается на север. Тем не менее, капитан нанёс на карту новую землю и назвал её островом Врангеля – «желая принести должную дань человеку, который 45 лет назад доказал, что полярное море открыто». С тех пор на картах осталось и имя Лонга – так называется пролив, отделяющий остров Врангеля от материка.

Попытку переименовать остров в 1881 году предпринял Келвин Хупер, капитан американского судна береговой охраны «Томас Корвин». Как и Келлет тридцать лет назад, он отправился в Чукотское море искать пропавшее судно. На сей раз

им стала американская паровая яхта «Жанетта», которая в свою очередь искала пропавшую экспедицию Норденшельда.

Вообще, об этой истории стоит рассказать подробнее, чтобы можно было лучше представить переплетение событий в истории исследования северо-восточного побережья русской Арктики.

Итак, выдающийся шведский полярник Нильс-Адольф Эрик Норденшельд в конце июля 1878 года на пароходе «Вега» отправился из норвежского порта Тромсё к Беринговому проливу, чтобы доказать перспективность Северного морского пути. У Норденшельда был огромный опыт плавания в арктических водах: он ходил на Шпицберген, в Гренландию и к Северному полюсу, открыл путь из Норвегии к устью Енисея, которым, кстати, пользуются до сих пор. Значительную часть средств на новую экспедицию дал русский золотопромышленник Александр Михайлович Сибиряков. «Вегу» сопровождали транспортные суда, которые везли двухгодичный запас продуктов. Норденшельд прошёл вдоль российского побережья до Чукотского моря, и в Колючинской губе 28 сентября суда были затёрты льдами. В двух сутках пути от Берингова пролива! Зимовка длилась почти десять месяцев, затем экспедиция двинулась к Беринговому проливу и дальше – вокруг Азии. Норденшельд очень жалел потом, что потерял несколько дней на первоначальном этапе пути. Именно этих дней и не хватило ему, чтобы добиться цели – пройти Северным морским путём за одну навигацию.

Радио тогда ещё не изобрели, самолётов ледовой разведки – тоже. Поэтому об экспедиции Норденшельда долгое время не было ни слуху, ни духу. Сибиряков снарядил пароход на поиски Норденшельда. Однако судно попало в сильный шторм и затонуло. Американский морской офицер Джордж Вашингтон Де-Лонг в июле 1879 года, то есть, через год после старта экспедиции Норденшельда, отправился из Сан-Франциско на паровой яхте «Жанетта» на поиски шведа. Уже в конце августа Де-Лонг обнаружил место зимовки «Веги» и узнал, что Норденшельд благополучно прошёл Беринговым проливом в Тихий океан. Казалось бы, можно спокойно возвращаться в Калифорнию. Однако Де-Лонг решил идти к Северному полюсу, и «Жанетта» взяла курс на остров Врангеля. Но через несколько дней путь яхте преградили тяжёлые льды у острова Геральд. И «Жанетта», вмёрзшая в лёд, почти два года дрейфовала на северо-запад. Де-Лонг открыл группу небольших островов, названных потом его именем, в большом архипелаге Новосибирские острова. В июне 1881 года яхту раздавили льды. Сняв сани и шлюпки, экипаж отправился к сибирскому берегу, до которого было примерно 600 миль. Удивительно, но моряки на двух шлюпках добрались до устья Лены. Команду с одной шлюпки спасли эвенки. Де-Лонг, который с частью экипажа «Жанетты» шёл на другой лодке, заблудился в протоках ленского устья... Тела моряков и судовой журнал нашли местные жители и передали уцелевшим американцам.

Именно на поиск Де-Лонга и ещё двух пропавших китобойных судов оправился в 1881 году упомянутый выше капитан Хупер. Через полтора месяца вслед за его пароходом «Томас Корвин» вышло другое судно, «Роджерс», под командой лейтенанта Роберта Берри. Спасатели полагали, что китобои и «Жанетта» рано или поздно могли прибиться к острову Врангеля. Либо при крушении кораблей люди ушли по льдам к этой надёжной суше. Первым в начале августа здесь высадился Хупер. «Жанетту» он не нашёл. Капитан «Томаса Корвина» поднял над островом американский флаг и переназвал его. Теперь он стал Новой Колумбией. Уже в конце октября Келвин Хупер вернулся в Сан-Франциско. Новое название не прижилось – на всех картах остров оставался островом Врангеля.

Более планомерно действовал экипаж «Роджерса». По имени корабля была названа удобная бухта на острове Врангеля, где судно и бросило якорь. Роберт Берри организовал изучение острова: магнитное наблюдение, точную съёмку, состояние льдов, сбор коллекций флоры, фауны и минералов. Отдельная группа целенаправленно искала пропавшую яхту «Жанетта».

Моряки «Роджерса» наткнулись на стоянку экипажа «Томаса Корвина» и флагшток, который установил Хупер совсем недавно. Под оборванным ветрами американским флагом была привязана

бутылка с запиской, где говорилось, что никаких следов «Жанетты» на острове не найдено. Хупер оставил коллегам часть провианта на всякий случай. Этот случай не подвернулся – «Роджерс» отправился домой.

Борис Островский пишет: *«Составленная по прибытии на материк первая карта острова Врангеля, естественно, страдала многими неточностями и искажениями, но, всё же, впервые намечая довольно подробные географические данные острова, она долгое время являлась единственной. Труднодоступный остров впервые получал, таким образом, определённые очертания»*.

Суета зарубежных флотов в северных морях заставила шевелиться и российское правительство. Ещё до американцев, в 1876 году, к острову направился русский крейсер «Всадник» с целью описать берега и, по возможности, взять его точные координаты. Однако не приспособленный для плавания во льдах «Всадник» до острова «не доскакал». Изучение его отложили до лучших времён. Они наступили лишь в 1911 году, когда к острову подошёл русский ледокол «Вайгач» из Гидрографической экспедиции Северного ледовитого океана (ГЭСЛО). Эта масштабная экспедиция была разработана ещё в 1908 году. Некоторое время в ней участвовал капитан второго ранга Александр Васильевич Колчак.

«Вайгач» вместе с другим ледоколом, «Таймыром», проводил опись Северного морского пути от Берингова пролива до устья Колымы и Лены. Руководил гидрографическими работами опытный полярник, полковник корпуса флотских штурманов, Иван Семёнович Сергеев. Но в самом начале похода он слёг с инсультом и начальником экспедиции был назначен 28-летний капитан «Таймыра», гидрограф и геодезист Борис Вилькицкий. Жизнь и путешествия Вилькицкого и его отца, начальника Гидрографического управления России Андрея Ипполитовича Вилькицкого, заслуживает отдельного повествования. Именами этих полярных исследователей названо девять объектов на карте Арктики.

С «Вайгача» на остров Врангеля была высажена целая бригада специалистов. Русские учёные определили астрономический пункт, то есть широту, долготу острова и азимут направления на земной предмет, установили флаг Российской Империи. Провели магнитные измерения, создали подробную топографическую карту. Кроме того, собрали огромные коллекции минералов и островной флоры. Настоящим открытием стала находка окаменевших раковин и отпечатков растений, которые свидетельствовали, что некогда на острове царили субтропики. В довершении всего, учёные с «Вайгача» нашли на острове крупные залежи каменного угля. А самое главное, обошли на ледоколе остров с севера, и теперь островной характер этой суши уже не вызывал никаких сомнений.

Ледокол Красный Октябрь

С высоты нынешних достижений путешествия к острову Врангеля выглядят, мягко говоря, не очень продуманными. Лонг искал китовые косяки, а решил посмотреть: остров ли остров Врангеля. Де-Лонг пошёл искать Норденшельда, а когда убедился, что со шведом всё благополучно, решил идти к Северному полюсу. Хупер отправился искать Де-Лонга, а занялся установкой флага на малоизвестном острове, чтобы застолбить остров за Америкой. Хотя, как пишут некоторые авторы, Хупер хорошо знал о содержании Вашингтонского договора 1867 года о продаже Россией Соединённым Штатам Аляски и Алеутских островов, по которому, в части разграничения, остров Врангеля оставался за Россией.

Ничего странного в этих метаниях нет. Путешествие в высоких широтах в девятнадцатом веке (да и в двадцатом тоже) требовало огромных затрат и времени. Поэтому любое такое путешествие

строилось, как сейчас бы выразились, по многоцелевой программе. Суда, экипажи, оборудование и припасы подбирались так, чтобы решить в плавании несколько задач, часто даже не связанных друг с другом. И чем больше подобных задач решалось во время одного похода, тем успешнее считалось плавание. Тот же «Вайгач» участвовал в большой экспедиции, рассчитанной на три года, и поход к острову Врангеля был одной из исследовательских задач.

***

Теперь после длинного, но необходимого вступления продолжим рассказ о международном конфликте из-за этого острова.

Летом 1913 года началась Канадская арктическая экспедиция. Антрополог и предприниматель Вильялмур Стефансон (Stefansson) арендовал три корабля, на которых собирался в течение пяти лет выполнить большую программу по исследованию арктического бассейна Канады. В некоторых источниках он называется Стефенссоном, но мы будем придерживаться традиционной транскрипции. Корабли Канадской экспедиции – шхуна «Мэри Сакс», больше похожая на длинную лодку, и двухмачтовая шхуна «Аляска» – были снабжены бензиновыми двигателями и выполняли в экспедиции вспомогательные функции. О них материала немного. Широко известной стала только трагическая история китобойной бригантины «Карлук», флагмана экспедиции.

Это судно многие авторы почему-то называют барком. Наверное, потому что красиво звучит... Необходимое замечание о степени доверия источникам. Если совсем просто, то барк – это трёхмачтовое судно, а бригантина – двухмачтовое. В книге Роберта Бартлетта на форзаце помещена хорошая фотография «Карлука» во всей красе – с двумя мачтами. Более того, Бартлетт даёт точное описание судна и называет его именно бригантиной. Водоизмещение 247 тонн, длина 126 футов, ширина 23 фута, осадка 16 с половиной футов. Судно строилось для ловли лосося на Алеутских островах, и на языке островитян «карлук» значит просто «рыба». Мы далее тоже станем называть «Карлук» бригантиной. А книга, на которую ещё будем ссылаться, называется «The Last Voyage of the Karluk» – «Последнее путешествие «Карлука». Она вышла в издательстве «McClelland, Goodchild & Stewart Publishers» в Торонто, в 1916 году.

Многие авторы пишут, что «Карлук» отправился в путь из порта Ном на Аляске 13 июля. А вот что сообщает Б. Островский: *«Загруженный сверх меры, «Карлук» отплыл 17 июня 1913 года в свой роковой путь из Ескимальта (Британская Колумбия)»*. Небольшой порт Эскуаймолт в канадском штате Британская Колумбия находится рядом с Ванкувером. И канадской экспедиции выйти из канадского же порта сам Бог велел. Но зачем нужно было перегружать корабль, если даже при неблагоприятных обстоятельствах идти до Нома по чистой воде не больше месяца? Не лучше ли было полностью загрузиться в Номе? Про перегрузку наши авторы сообщают, вероятно, чтобы выставить её в качестве одной из причин трагедии «Карлука».

Слово Роберту Бартлетту: *«Мы пришли в Ном 7 июля и задержались до тринадцатого, дожидаясь пакетбота «Виктория» из Сиэттла, чтобы перегрузить с него припасы для «Карлука» и ещё двух судов нашей маленькой флотилии»*. Значит, сведения о перегрузке «Карлука» по выходу из Эскуаймолта ошибочны?

Отсюда и далее даю текст Бартлетта и некоторых других англоязычных источников в моём переводе.

Стефансон сделал «Карлук» флагманским кораблём «маленькой флотилии». Командовал судном капитан Роберт Бартлетт, известный полярник, сопровождавший в 1909 году не менее известного исследователя Роберта Пири в походе к Северному полюсу. Путь флотилии лежал вдоль северного побережья Аляски к острову Хершел в море Бофорта. Экспедиция ставила целью изучить течения вокруг острова, которые влияли на движение вечных льдов в канадских водах. Остров Хершел (Гершель) открыл в 1829 году уже упоминавшийся нами Джон Франклин. Это сравнительно небольшой – 15 на 8 километров – клочок суши в двух километрах от канадского побережья.

Чтобы попасть в море Бофорта, Стефансону нужно было пройти Беринговым проливом в Чукотское море, повернуть на восток и вдоль всего побережья Аляски добраться до залива Маккензи

в канадских водах. В те годы остров Хершел был, что называется, обжитой – на нём располагался даже полицейский участок. Поэтому Стефансон надеялся устроить на Хершеле базу экспедиции, а удобная и безопасная островная бухта Паулин могла послужить для стоянок «Карлука» и остальных кораблей.

Многие авторы обращают внимание на странном с их точки зрения обстоятельстве: в составе экспедиции оказались дети. Вот цитата: *«На борту корабля находились 14 человек экипажа, 6 учёных, 2 эскимоса и одна эскимоска с детьми – девочками 3 и 11 лет»*. В своей книге Бартлетт приводит подробный список команды и группы учёных. Экипаж, включая капитана и врача, действительно, состоял из 14 человек, а учёных, к которым можно отнести и фотографа экспедиции Уилкинса, на «Карлуке» находилось 9. Откуда взялась эскимосская семья? 3 августа Стефансон ходил на мыс Барроу. Бартлетт пишет: *«В полночь Стефансон вернулся с мыса Барроу и привёл с собой новых членов экспедиции: эскимосскую семью из пяти человек. Она состояла из Кураллука, человека примерно тридцати пяти лет, его жены Керук около двадцати восьми лет и двух их детей, девочки около восьми лет по имени Хелен и малышки по имени Мугпи, которой было чуть больше года, а также эскимоса Катактовика, которому было от восемнадцати до двадцати лет»*.

Со Стефансоном и эскимосской семьёй на бригантину пришёл и Джон Хедли, долгое время возглавлявший китобойную станцию на мысе Смита. Он решил сменить бизнес и заняться меновой торговлей с эскимосами в заливе Маккензи. В этом заливе, как я уже говорил, и находится остров Хершел. Теперь всё становится понятным – для меня, во всяком случае. Стефансон просто захватил попутчиков. Регулярных пассажирских линий вдоль северных берегов Канады в начале двадцатого века не существовало.

У нас не вызывает вопросов якутская семья, оказавшаяся на борту машины геофизиков или буровиков, оправившаяся попуткой за тристачетыреста вёрст. Рыболовецкие суда и даже пограничные катера брали на борт «гражданских лиц», в том числе, женщин и детей, курсируя с Кунашира на Шикотан и обратно, чему я свидетель. На Северах без такой взаимовыручки не проживёшь. Это понимали в недавнем прошлом наши земляки, это понимал и Стефансон, много лет живший среди эскимосов. Вот почему капитан Бартлетт не задавал Стефансону никаких вопросов по поводу эскимосской семьи и белого бизнесмена – взять попутчиков для него было вполне естественным делом. А наши современники, российские и канадские журналисты и историки, почему-то считают этот случай из ряда вон выходящим и ищут в нём какой-то потаённый смысл.

До гостеприимного острова Хершела, на котором Стефансон побывал ещё в юности, когда только «заболел» Арктикой, экспедиция не добралась. Ровно через месяц после выхода из Нома, 13 августа, бригантина была зажата льдами в заливе Смита. Она прошла от Нома две трети пути, и до Хершела оставалось менее 600 километров. Льды понесли «Карлук» на запад, причём до мыса Барроу он двигался буквально по своему недавнему следу. 19 сентября, как сообщает большинство авторов, Стефансон с несколькими членами экипажа покинул бригантину, чтобы поохотится. От судна они отошли сравнительно недалеко, но поднялся сильный ветер, лёд расступился, и охотники оказались отрезанными от «Карлука». Группа Стефансона отправилась пешком к американскому материку, и через несколько дней достигла мыса Барроу – самой северной точки Аляски.

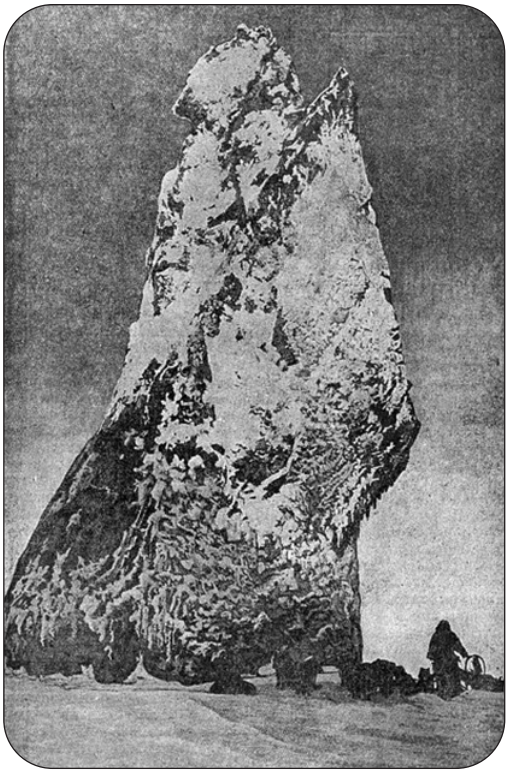
Этот эпизод заставил некоторых поздних исследователей эпопеи «Карлука» посчитать, что никакого путешествия к Хершелу не было – Стефансон изначально отправился на остров Врангеля. Так, кстати, считал и Борис Островский в книге «Остров Врангеля». И канадская пресса в своё время неоднократно высказывалась критически, ставя в вину Стефансону «дезертирство» с судна. Мол, убедился, что к острову Врангеля бригантина не пройдёт, и бросил корабль. Однако свидетельства участников экспедиции на «Карлуке», прежде всего, дневники капитана Роберта Бартлетта, не поддерживают эту точку зрения. Уж Бартлетту незачем было кривить душой – не он выбирал маршрут «Карлука».

Более того, Бартлетт пишет, что они со Стефансоном обсудили возможность высадки на лёд кого-то из экипажа,

чтобы послать за помощью. И Стефансон сам вызвался идти на материк. Он оставил капитану «Карлука» официальное письмо-инструкцию, как действовать, пока Стефансон будет отсутствовать. Датируется письмо, между прочим, 20 сентября, когда, по мнению большинства авторов статей о походе «Карлука», Стефансон уже должен был находиться «в бегах». Заканчивается письмо так: *«Вполне вероятно, мы вернёмся на корабль через десять дней, если не случится непредвиденных обстоятельств»*.

Пока я склонен больше верить Роберту Бартлетту. Этот человек провёл в Арктике более полувека, участвовал в сорока экспедициях, не раз переживал кораблекрушения. Награждён медалью Королевского географического общества за выдающийся героизм – именно после спасения команды «Карлука». Такой человек вряд ли бы кривил душой. Его свидетельства оправдывают Стефансона, хотя для некоторых авторов мало проясняют смысл происходящего: зачем, мол, начальнику экспедиции передавать бразды правления капитану корабля в самый критический момент? Думаю, Стефансон в этом случае, именно в критическом случае, поступил верно. Учёный передал полномочия более опытному полярнику-практику. Плюс ко всему, только Стефансон – с его авторитетом и связями – мог организовать на Большой земле спасательную экспедицию в случае неблагоприятного развития событий. Так, кстати говоря, впоследствии и случилось. Это объяснение лежит на поверхности, и мне опять непонятна ажиотажная газетная возня вокруг решения Стефансона.

Итак, он отправился за помощью на мыс Барроу, а бригантину понесло в дрейф. Драма «Карлука» разворачивалась. Льды тащили судно уже в Чукотском море, и оно повторяло путь «Жанетты» Де-Лонга. Бартлетт снял людей и большую часть припасов с корабля и устроил зимовье из ледяных хижин, оставив на «Карлуке» только небольшую вахтовую команду.



Топлива и продуктов хватало. По сути, не было разницы, как дрейфовать – на ледяном поле или на корабле, зажатом этим полем, тем более что люди понимали: дни бригантины сочтены. В этих условиях команда встретила новый 1914 год. А уже 10 января «Карлук» раздавили льды. Незадолго до гибели судна на горизонте наблюдалось неподвижное белёсое облако – так выглядит в сумерках полярной ночи возвышенная заснеженная суша.

По расчётам Бартлетта в направлении этого стоячего облака и должен был находиться остров Врангеля – примерно в девяноста милях к юго-западу. Команда и члены экспедиции – 25 человек – решили идти к острову. В некоторых источниках сообщается, что люди с «Карлука» разделились на три партии. Потом это сочтут трагической ошибкой капитана. Но была ли она вообще, эта ошибка? Одна партия достигла острова Геральд и погибла, предположительно, от пищевого отравления. Вторая пропала без вести. Только третья партия из 17 человек, ведомая Бартлеттом, добралась до острова Врангеля.

Отколовшиеся от команды «Карлука» партии в некоторых источниках называются группами разведчиков. Они должны были, якобы, добраться до земли и потом по проложенному маршруту вывести товарищей по несчастью. Так и пишут американские авторы в одной из статей: *«Первая партия моряков по поручению Бартлетта отправилась к острову Врангеля, но погибла, достигнув острова Геральд. Вторая партия, уже самостоятельно, также ушла к острову Врангеля, и пропала без вести»*. Заметим это – «самостоятельно»... То есть без капитанского разрешения.

А вот что пишет Бартлетт в дневнике: *«Не все оказались на высоте в нравственном смысле. Несчастье не сплотило их, а эгоизм и грызущий*

индивидуализм стали причиной неоправданных потерь». Ему вторит другой член экспедиции, метеоролог Маккинли, в своём дневнике: больше всех потерь и лишений удручало отсутствие товарищества. Люди не доверяли другу, следили, кто сколько ест... Интересно, что дневник на острове Врангеля вёл также и служка кают-компании (mess room boy) Эрнест Чейф. Его дневник был опубликован в 1923 году. А вот Маккинли ждал почему-то аж до 1975 года...

Понимаю, у советских исследователей арктических архивов, скорей всего, не было возможности добраться до этих книг, но ведь американцам они были вполне доступны. Привожу эти размышления вот к чему. Экспедиция на «Карлуке» нашумела на весь мир, оставив огромное количество материалов, воспоминаний и газетных статей. И, тем не менее, разброс мнений и по сей день огромен. В таком случае, как разобраться с историей путешествий, от которых не осталось ни свидетелей, ни документов?

Бартлетт привёл 17 человек с «Карлука» на остров Врангеля, организовал лагерь и тут же, не отдохнув как следует, отправился на материк за помощью. С огромным уважением пишет о капитане Б. Островский: *«18 марта, едва отдохнув после мучительного, тяжкого перехода, Бартлетт отправляется в путь. Оставшиеся на острове все свои надежды возлагают теперь только на него. Преодолев неимоверные по трудности препятствия, оставив за собой 100 миль, отделяющие остров Врангеля от материка, отважный моряк на восемнадцатый день пути добирается до берегов Сибири. В истории исследования острова Врангеля этот пешеходный переход с острова на материк является до сей поры единственным»*. Валентин Шенталинский в журнале «Вокруг света» писал: *«Роберт Бартлетт сделал героическую попытку спасти оставшихся...»*.

В товарищи Бартлетт взял эскимоса Катактовика, того самого юношу, который пришёл на «Карлук» с эскимосской семьёй с мыса Барроу. Они пересекли пролив Лонга и потом двигались по побережью Чукотского моря более 700 километров, пока не добрались до бухты Эммы, ответвления бухты Провидения. В советское время она называлась Комсомольской бухтой. Таким образом, капитан «Карлука» вышел к Беринговому морю. Посмотрите на карту северо-востока Сибири, и вы представите, насколько сложным было это путешествие.

Проводниками Бартлетта и Катактовика часто служили чукчи. Капитан «Карлука» вспоминает: *«Мне не приходилось никогда встречать такое радушное гостеприимство, и никогда я не испытывал большей благодарности за теплоту приёма. Потом я узнал, что это было типичным образцом настоящей человечности этих простых и добрых людей»*. С немалым изумлением Бартлетт обнаружил, что чукчи хорошо знают, что такое доллар, а некоторые вполне сносно изъясняются по-английски.

Как выяснил Бартлетт, на побережье Северо-Восточной Сибири по-хозяйски чувствовали себя американские и канадские промышленники, скупая за бесценок меха и продукты китобойного промысла у чукотских охотников. Самым известным тогда был Олаф Свенсон, которого советский писатель Юрий Рытхэу вывел в своём романе «Конец вечной мерзлоты». Несколько опорных пунктов Свенсона работали на побережье и Чукотского, и Берингова морей. С этим промышленником Бартлетт договорился о помощи команде «Карлука».

В конце мая капитан добрался до Аляски. Правительство Канады официально попросило российское правительство снять команду «Карлука» с острова Врангеля, и туда в начале августа отправился ледокол «Вайгач». Однако к острову он не пробился, помяв во льдах корпус и сломав винт. Неудачным был и поход американского куттера «Медведь», на котором к острову вернулся Бартлетт. Построенный специально для плавания во льдах, этот «резак» (так переводится «cutter»), ветеран береговой охраны Соединённых Штатов, только чудом избежал крушения у острова Врангеля, потому что остался, практически, без топлива. Наконец, к острову подошла канадская шхуна «Король и крылья», недавно спущенная со стапелей и зафрахтованная Олафом Свенсоном. Её строили в расчёте на плавание в арктических водах для ловли палтуса. 7 сентября шхуна сняла с острова всех выживших с «Карлука» – двенадцать человек. Через

несколько дней их передали на «Медведь», и спасённые смогли встретиться со своим спасителем – Робертом Бартлеттом.

Эти люди уже не рассчитывали на спасение и добывали скудное пропитание охотой. Двое умерли от цинги, ещё один заболел психическим расстройством. Эрнест Чейф провалился под лёд, пережил снежную слепоту и сильнейшее обморожение конечностей. Вот цитата из его дневника: *«21 августа наши пищевые запасы практически закончились. Погода стала много холоднее, всё вокруг стало принимать зимний вид. 1 сентября мы потеряли все надежды на избавление...»*. Напомню, что «Карлук» вышел из Нома в июле 1913 года, а уже заканчивалось лето 1914 года. Э.Лухт в книге «Год на острове Врангеля» сообщает, что «один из канадцев застрелился». Не тот ли, у кого сдала психика? Существует, однако, версия, что был убит один из членов команды бригантины, который пытался похитить остатки продовольствия. Тоже вполне рабочая версия... Этого погибшего звали Роберт Темплеман, и он служил стюардом на бригантине.

Эпопею «Карлука» некоторые авторы рассматривают как одну из целой серии неудавшихся разведывательных операций на северо-востоке России. В одной недавно вышедшей книге приводятся внешне убедительные соображения в пользу этой версии. Например, Де-Лонг на своей «Жанетте» не собирался идти к Северному полюсу – уж очень странный он выбрал для этого маршрут. Он надеялся пробиться к острову Врангеля и просчитался. Более того, считает автор этой книги, Де-Лонг уже перед выходом в плавание был хорошо осведомлён, что Норденшельд благополучно достиг берегов Чукотки и зазимовал, а потому искать его не было нужды. Хупер и Берри точно знали, что Де-Лонг пытался выйти к острову Врангеля, а потому и оправились туда спасать его.

Операцией вторжения считает автор и экспедицию «Карлука». Вот цитата: *«Задумаемся, зачем на борту экспедиционного судна надо было иметь – в числе шести эскимосов – эскимосскую семью с детьми? Не для того ли, чтобы попытаться поселить их на Врангеле, а в случае удачи расширить колонию, укрепляя претензии Канады на ранее безлюдный остров прецедентом «первопоселения»?*

В пользу этого предположения, казалось бы, говорят все дальнейшие действия «дезертира» Стефансона. В 1921–1924 годах он организовал новые экспедиции на остров Врангеля – уже не скрывая главной цели: колонизовать его под флагом Канады (читай – Великобритании). Своё соображение, как семья с детьми оказалась на «Карлуке», я уже привёл.

Вполне допускаю, что под разведывательной миссией экспедиции Стефансона есть достаточные основания, но не считаю это настолько предосудительным, чтобы спустя почти сто лет кипеть негодованием. Для такого негодования сегодня есть другие, вполне актуальные, причины. Тем более, когда речь идёт о национальных интересах, моральные категории неприменимы. Николай Михайлович Пржевальский путешествовал по Центральной Азии не ради поисков лошади своего имени. А веком раньше Мартын Петрович Шпанберг бороздил курильские проливы не только для того, чтобы полюбоваться с мыса Край Света на тихоокеанских косаток у острова Шикотан.

Поэтому тоже хочу отдать должное мужеству и самоотверженности команды «Карлука» и капитана Бартлетта. В глазах канадцев они – настоящие герои и патриоты. Таким же героем считается и Стефансон, пытавшийся впоследствии обосновать права своей страны на остров Врангеля – важный геостратегический пункт на стыке азиатского и американского континентов. И, добавлю, «нежилой» в те годы пункт.

Ещё тут уместно вспомнить, что «только наши – разведчики, а все ихние – шпионы»... Капитан Келвин Хупер, с нашей сегодняшней точки зрения, вёл себя нагло. Но не стоит подкреплять верные суждения негодными аргументами. Коробит в книге, которую я уже цитировал, такой пассаж: *«Судно бравого капитана называлось «Корвин», что означает «Ворон»... Что ж, название сути соответствовало – над островом в русских водах в очередной раз закружило падкое на дармовщинку вороньё...»*. Судно Хупера, напомню, называлось «Томас Корвин» – в честь политика и министра финансов США. И никакого отношения к птичьему племени не имело, поскольку «ворон» по-английски «raven» или «crow».

Что, согласимся, никак на «корвина» не похоже. А вот «Корвином» назывался пароход Северо-Восточной Сибирской компании, который в 1908 высадил на берегу Анадырского залива золотодобытчиков. Но это слова из другой песни.

Наконец, наш автор заявляет, в подтверждение своей шпионской версии, что «Карлук» не был приспособлен для плавания во льдах, и его специально выбрали для того, чтобы он затонул. Вокруг Алеутских островов, где тоже хватает льда, плавал, а вдоль Канады плавать, видите ли, не смог. В нынешних реалиях, если принять такие аргументы, можно представить, что человек специально садится в машину с неисправными тормозами, чтобы получить компенсацию за увечье.

Такие, с позволения сказать, истерико-исторические сочинения мало способствуют серьёзному анализу прошлого, на основе которого можно строить сегодня активную модель противодействия нашим геополитическим противникам. Это всё та же визгливая лобовая пропаганда, рассчитанная на мало знающую и мало читающую публику. Только не эта публика, замечу, вырабатывает реальную политику.

И ещё о Роберте Бартлетте. В 2009 году, к столетию похода Пири к Северному полюсу, в Канаде вышла почтовая марка, посвящённая Бартлетту. Герой-полярник изображён с секстантом в руке на фоне торосов и корабля «Рузвельт», которым он командовал в экспедиции Пири. У марки необычный номинал – 54 цента. Именно столько лет Бартлетт посвятил исследованиям Арктики... Почтовая марка Канады номиналом 38 центов выпущена в 1989 году и в честь Вильялмура Стефансона, которого на родине до сих пор считают одним из самых выдающихся исследователей Арктики. На ней на английском и французском языках надпись: «Стефансон в полярных льдах». Изображены сам герой в заиндевевшей парке, белый медведь, нарты с собачьей упряжкой, фотоаппарат на треноге, вмёрзший в лёд парусник и некий объект, рядом с которым в круг, по-русски (!), написано: «Остров Врангеля». Не комментирую.

***

В самый разгар Первой мировой войны на северо-востоке России активизировалась деятельность иностранных предпринимателей. В те годы здесь работало свыше двух десятков иностранных компаний – американцы и канадцы выгребали «мягкое золото», били китов, котиков и тюленей. 29 сентября 1916 года правительство России, озабоченное хищническим истреблением природных богатств страны, направило иностранным державам пространную ноту, в которой объявлялись права России на большое количество новооткрытых земель в северных морях. В ней, в частности, было заявлено: *«Остров генерала Вилькицкого, Земля императора Николая II, остров цесаревича Алексея, острова: Старокадомского, Новопашенного, Генриетты, Жанетты, Беннетта, Геральд и Уединения составляют вместе с островами Новая Сибирь, Врангеля и другими, находящимися у азиатского побережья России, неотделимую часть российского государства».*

Никаких возражений на нотификацию не последовало, а по дипломатическим правилам это означало, что мировое сообщество признало права Российской Империи на новые северные территории.

Таким образом, международное право окончательно закрепило остров Врангеля за Россией. Но на этом борьба за остров не закончилась. В самый разгар гражданской войны в России, на остров Врангеля снова начали претендовать Канада (опять читай Великобритания) и Соединённые Штаты.

В июньском номере журнала «Вокруг света» за 1963 год опубликована заметка В.Юхименко, научного сотрудника Магаданского областного краеведческого музея, «Флаг над островом Врангеля». В ней, в частности, сообщалось:

«Враги революции всеми силами пытались задушить Советскую Россию. В 1921 году английские империалисты снарядили экспедицию на остров Врангеля. Они решили превратить его в свою базу для дирижаблей и аэропланов.

1 сентября экспедиция во главе с Крауфордом высадилась на остров. Но во время зимовки все интервенты погибли... На следующий год к острову подошло судно «Дональдсон». Остров оккупировали американцы.

Советское правительство решило выселить американцев с нашей земли. В 1924 году была создана специальная

экспедиция под командованием гидрографа Б.В. Давыдова. Экспедиция состояла из 81 человека. Большинство из них были коммунисты и комсомольцы, ранее сражавшиеся за власть Советов на Балтике и в Приморье. 20 июля 1924 года экспедиция на канонерской лодке «Красный Октябрь» покинула Владивосток. В бухте Лаврентия к участникам экспедиции присоединились местные жители.

10 августа «Красный Октябрь» миновал Берингов пролив и подошёл к острову Врангеля. И скоро над островом взвился советский Государственный флаг».

Всё в этой давней заметке так. И всё – не так.

Началась история с новой экспедиции Вильялмура Стефансона. Размышляя о его судьбе, не могу избавиться от такой мысли: как могло случиться, что полярный исследователь, антрополог, гуманист, друг малочисленных народов Севера и прочее превратился в цепкого и бессердечного дельца? Добиваясь сначала научных результатов, а потом политических и, больше, шкурных дивидендов, он ставил на карту человеческие жизни и добрососедские отношения Канады с Россией, которые только начали складываться.

Директор Центра непрерывного образования университета Конкордия, профессор истории Ричард Дьюбальдо, который давно пишет о Стефансоне, выпустил несколько лет назад книгу «Стефансон и Канадская Арктика» с подзаголовком «Увлекательная переоценка Пророка Севера». Особо увлекательным это типично профессорское сочинение я бы не назвал, но в нём точно ставятся вопросы. *«Был ли Стефансон,* – пишет Р. Дьюбальдо, – *больше озабочен личной славой и финансовой выгодой, чем сохранением жизни людей? Был ли он пророком или спекулянтом, потерпевшим или злодеем?»*

А теперь подробнее об афере с островом Врангеля.

Сначала несколько вопросов. Почему так вольготно чувствовали себя иностранные промышленники на Северо-Востоке Сибири? Да и в акватории Охотского моря, если уж на то пошло? Почему Стефансон без малейших колебаний решился на захват (другого слова не подобрать) острова Врангеля? Ответы на этот вопросы даёт в № 5 журнала «Красная нива» за 1925 год А.Картрайт (скорей всего, это псевдоним. – *В.С.*). Он писал буквально по следам событий, то есть, с такими деталями, которые со временем забываются или переходят в разряд малозначащих. Вот его оценка:

«Царский империализм шёл по пути территориального накопления в целях стратегических, не считаясь совершенно с экономическими ресурсами страны и возможностью закрепления вновь приобретённых областей. К моменту Октябрьской Революции северо-восточная окраина (Камчатка, Охотский, Чукотско-Анадырский и Колымский край, не говоря уже о полярных островах) была почти изолирована от России. Связь этого края со всем остальным миром держалась только через царских урядников, собиравших с туземцев ясачные подати, да немногих купцов, изредка русских, большей же частью канадских и американских, которым инородцы сбывали продукты своего промысла (золото, пушнину и рыбу) за спирт, порох, соль и муку. Таким образом, ещё до Революции край этот экономически зависел от Сев. Америки...».

Между тем, многие авторы объясняют активизацию иностранных предпринимателей «неразберихой гражданской войны». Да они и без войны не принимали всерьёз российский суверенитет! Иностранцам просто никто не мог помешать. Не было ни власти, ни связи с метрополией. Ни до гражданской войны, ни во время её.

Вот почему Стефансон в 1920 году начал кампанию канадской высадки на остров. Он утверждал в канадских и американских

газетах, что незаселённые территории никому не принадлежат, а поэтому владеть ими вправе тот, кто первым создаст постоянное поселение. Между прочим, канадцы до сих пор используют это правило в спорах с Данией за мелкие острова у Гренландии. И не оригинальны – аргументом «незанятости» пользуются китайцы, японцы и вьетнамцы. Они много лет конфликтуют друг с другом из-за небольших островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Очевидно, как пишет Юрий Рытхэу в книге «Остров надежды», спасённые члены команды «Карлука» могли рассказать Стефансону *«о нетронутых моржовых лежбищах острова, непуганых стадах белых медведей, многотысячных стаях гусей, так плотно усеивающих своими гнездовьями тундру, что она казалась покрытой снегом...»*.

Сначала Стефансон обратился к канадскому премьеру Артуру Мейену с предложением «воспользоваться моментом» и объявить суверенитет над островом Врангеля. Этим «моментом», как мы понимаем, была гражданская война в России. Премьер спустил дело на тормозах, поручив министерству внутренних дел дать рекомендации Стефансону. Министерство уполномочило его присоединять к Канаде земли, лежащие на север от канадской территории и не находящиеся под юрисдикцией другого государства. Остров Врангеля под это определение не подходил. Неугомонный Стефансон направил своё предложение правительству Великобритании. И тут его идея не прошла.

Тогда, по некоторым сведениям, Стефансон отправился к промышленникам Олафу Свенсону с Чукотки и Карлу Ломэну с Аляски просить денег и технической поддержки, обещая в случае успеха огромные дивиденды. Свенсону в это время было не до проекта Стефансона – у него складывались очень напряжённые отношения с новыми российскими властями, которые грозили национализировать компанию американца. Ломэн тоже ничего не обещал, но, как показали дальнейшие события, идею захвата российских островов принял на вооружение.

Не получив поддержки от правительств и крупного бизнеса, Стефансон организовал частную «Ванкуверскую компанию по исследованию и развитию Арктики» и собрал некоторые средства.

Большое количество ссылок приводило меня к материалам, где превозносились заслуги Стефансона в исследовании Арктики, но о его походах на остров Врангеля в 1920-х говорилось, что называется, сквозь зубы. Во всяком случае, без деталей, которыми так изобиловали публикации о трагедии «Карлука». Думаю, авторам этих публикаций была вполне ясна неприглядная роль «Пророка Арктики» в истории с островом Врангеля, потому они и отделывались общими словами.

Предлагаю свою версию эпопеи Стефансона. Вполне вероятно, что тот же Ломэн отказал Стефансону в помощи не потому, что так уж боялся международного скандала. Судя по активности компании, этот «оленный король» Аляски, как мне кажется, вообще ничего не боялся. Однако Ломэн не мог рисковать, потому что хорошо представлял, в каких условиях придётся выживать «охотничьему колхозу» на острове Врангеля. Он хотел гарантий, что средства, затраченные на поход к острову, вернутся с прибылью, а люди выдержат зимовку. И тогда Стефансон решил доказать всем, что на острове Врангеля даже неподготовленный человек может существовать за счёт охоты и небольшого количества припасов.

Вот почему бригада первых колонистов, «империалистических оккупантов», оказалась такой, мягко говоря, странной. В книге Дженнифер Найвен «Ада Блекджек» есть коллективная фотография «оккупантов», сделанная, судя по всему, сразу после высадки на остров. Приводится их список. Даю по книге Найвен. Аллан Крауфорд, руководитель, Торонто, Канада (20 лет). Лорне Найт, второй в команде, МакМинвилл, Орегон (28 лет). Фред Маурер, третий в команде, Нью-Филадельфия, Огайо (28 лет). Милтон Галле, ассистент, Нью-Браунфельс, Техас (19 лет). Ада Блэкджек, швея, Ном, Аляска (23 года). Наконец, шестой член команды – Виктория или Вик, кот экспедиции.

В некоторых источниках сообщается, что Маурер плавал на «Карлуке» главным инженером. Я действительно нашёл у Бартлетта список команды бригантины, где F. W. Maurer указывается в качестве пожарного. В 1913

году, когда ему было 20 лет, вряд ли он мог плавать в должности инженера. Тем более что на «Карлуке» со скромным экипажем её и не существовало. Откуда пошла эта дезинформация, явно служащая для поднятия статуса Маурера, не знаю. В таком варианте употребляется эта фамилия и в советской прессе. А в части англоязычных публикациях об экспедиции Крауфорда упоминается Frederick Mauer. Это ещё раз к вопросу о доверии к источникам.

В общем, что такое жизнь на арктическом острове хорошо знал только Маурер. Остальные, по сути, мальчишки, подобранные Стефансоном в аляскинских портах, плохо представляли, на что идут. Думаю, Ада Блэкджек тоже знала степень опасности – она выросла в суровых условиях Севера. Недаром от предложения Стефансона отказалось несколько женщин, когда он набирал группу Крауфорда. Ада Блэкджек пошла на риск, потому что ей обещали хорошо заплатить за работу, а деньги были нужны на лечение тяжело больного маленького сына Беннетта.

6 сентября 1921 года «банда Крауфорда», как потом называли эту группу в советской печати, высадилась с небольшой шхуны «Серебряная волна» на остров Врангеля. Подняли флаги Канады и Великобритании, сложив гурий из камней и спрятав под него бутылку с «меморандумом». Цитирую по книге Виталия Шенталинского «Ледовый капитан», потому что в других источниках этот документ переведён плохо и сумбурно:

«Я, Аллан Крауфорд, уроженец Канады, британский подданный, и нижеподписавшиеся члены Врангельского островного отряда арктической экспедиции Стефансона..., приняв во внимание отсутствие объявления прав на остров со стороны иностранных держав (?!)... поднимаю канадский флаг и британский флаг и объявляю этот остров, известный под именем острова Врангеля, владением его величества Георга, короля Великобритании и Ирландии, доминионов в пределах морей, императора Индии и пр. и пр.

Подписанное вложено в этом гурии 16-го сентября 1921 года от Рождества Христова.

Боже, храни короля!».

Перезимовали свежеиспечённые колонисты хорошо. Построили два поместительных жилища. Их трудно назвать домами в нашем понимании. На фотографиях, которые делал Найт, видны два сарая – один побольше, другой поменьше, обитые короткими досками из-под тары, на которых есть даже торговые клейма. Эти же сараи на другой фотографии уже обложены ледяными «кирпичами». Входы завешены шкурами.

Летом 1922 года колонистов должна была сменить очередная группа. Но у Стефансона поначалу не хватило средств для организации новой экспедиции, а когда деньги нашлись, уже заканчивалась навигация. Наспех снаряжённая шхуна «Teddy Bear» (это название можно перевести как «Плюшевый мишка») со сменой попросту припозднилась и не смогла пробиться к острову из-за наступления тяжёлых льдов. Группа Крауфорда осталась на новую зимовку.

Пыталась снять Крауфорда и канонерская лодка «Магнит» из состава Сибирской военной флотилии адмирала Юрия (Георгия) Карловича Старка, которого называли «последним белым адмиралом Сибири». Командовал «Магнитом» лейтенант Адольф фон Дрейер, у которого был опыт плавания вокруг Камчатки и на Командорские острова, где канонерка, якобы, гоняла японских браконьеров, истреблявших котиков. И вот эта защитница природных богатств России отправилась на остров Врангеля. В эмигрантской прессе потом писали, что фон Дрейер намеревался, как и в случае с японскими браконьерами, «наказать иноземных хищников». Однако последние разыскания заставляют усомниться в патриотических намерениях команды «Магнита». Высказывается предположение, что «Магнит» шёл снимать группу Крауфорда за банальное вознаграждение – ведь Стефансон пообещал большую премию судну, которое сможет снять его зимовщиков. Это предположение не лишено основания: во-первых, перед походом, в бухте Провидения, с борта канонерки зачем-то была снята сотня морских стрелков, во-вторых, вместо нового рейса на Командоры «Магнит» ушёл в Ном, на Аляску, а оттуда спешно, в самом конце навигации, отправился к острову Врангеля.

21 сентября канонерка вошла в Чукотское море, где её встретили первые льды. Через несколько дней

бесплодных попыток пробиться к острову «Магнит» развернулся к мысу Дежнёва. Трудно понять меру отваги или степень некомпетентности фон Дрейера: он вёл в тяжёлые льды судно, не приспособленное для плавания в высоких широтах. Да ещё в самом конце навигации, когда во льды Чукотского моря не рисковали ходить даже ледоколы. 25 октября 1922 года канонерка вернулась в Петропавловск-Камчатский, а через неделю уже участвовала в эвакуации белогвардейских частей с Камчатки.

Ничего этого, естественно, в группе Крауфорда не знали. Паника нарастала. 8 января 1923 года Крауфорд и Найт на собаках отправились за помощью через пролив Лонга, но вернулись через несколько дней – Найт тяжело заболел, и продолжать с ним дальнейший путь Крауфорд не решился. 28 января Крауфорд уже с Галле и Маурером вновь вышли в поход. И больше их никто и никогда не видел... Повторить подвиг Бартлетта они не смогли. Найт остался на попечении Ады Блэкджек.

Почему Крауфорд не дождался лета? Почему фактически бросил больного товарища и женщину? В одной из публикаций сообщается, что зимовщики рискнули уйти с острова «после того, как охота провалилась, а продукты подошли к концу». Но в другой публикации читаем: *«Весной 1922 года охотники добыли более 30 тюленей и 10 белых медведей, а также множество гусей и уток»*. Вообще-то, таким количеством мяса можно кормить целый год небольшой посёлок... Сведения об убитых животных сообщила Ада Блэкджек, и ей можно верить. Когда Найт умер в апреле 1923 года, она сама охотилась и выдержала до 19 августа, пока на остров не пришла

Ада Блэкджек

американская шхуна «Дональдсон» с капитаном Гарольдом Нойсом и сменой зимовщиков. То есть Крауфорд бежал не от голода. Он бежал от тоски забытого всеми и брошенного на произвол судьбы человека, от депрессии. Это, поверьте, очень сильная мотивация. Особенно для молодого человека, оторванного от привычного городского уклада.

Пока команда Крауфорда бедствовала на острове, в Канаде сменилось правительство. Стефансон побежал к новому премьеру Маккензи Кингу, предлагая подвести под частную инициативу государственную базу. В канадском парламенте прошли слушания по острову Врангеля, на которых бывший премьер Мейен, ставший лидером оппозиции, задавал каверзные вопросы – он хорошо знал цену «инициативе» Стефансона. В парламенте было заявлено: *«Правительство придерживается мнения, что остров Врангеля принадлежит Канаде»*. На это тут же последовали резкие ноты Москвы с требованием объяснений канадской позиции. Правительство доминиона дало «задний ход».

Поскольку теперь оно не собиралось помогать Стефансону, тот обратился за помощью в Вашингтон и встретил там понимание. Но кроме понимания – ничего... Американцы не хотели устраивать из-за острова международный скандал. Вот когда Стефансон окончательно понял, что его затея с колонизацией провалилась, и стал спешно собирать деньги на вывоз группы Крауфорда.

Первая зимовка подтвердила прогнозы Стефансона: небольшой коллектив, не имеющий арктического опыта, может выжить в суровых условиях, даже при минимальной обеспеченности продуктами. Если бы не провал с экспедицией смены, то Стефансон пожинал бы очередные лавры на научном поприще. Думаю, и деньги под новый проект нашлись бы. Однако получилось так, как

получилось. И хотя потом он постоянно использовал опыт группы Крауфорда как аргумент для дальнейшего закрепления на острове Врангеля, его уже мало кто слушал. Более того, родственники погибших прямо обвиняли его в трагедии, а газеты писали, что никакие земли Севера не стоят жизни канадского юноши. О погибших американских юношах авторы гневных заметок почему-то забывали. Припомнили Стефансону и его «бегство» с бригантины «Карлук».

Нашумела и робинзонада Ады Блэкджек. Её фотографии и отрывки из дневника, который она вела на острове, замелькали в канадской и американской печати. Удивительно, но Стефансон и эти, буквально обвиняющие его, воспоминания умудрился обратить себе в пользу. Он ссылался на свидетельства эскимоски как на подтверждение своей теории выживания, и весной 1924 года передал свои «права» на остров Карлу Ломэну. Тому самому, кто четыре года назад поосторожничал и не стал субсидировать первую «Врангельскую» экспедицию Стефансона. Теперь Ломэн, владеющий почти всеми стадами оленей на Аляске, собрался устроить на острове Врангеля олений заповедник.

Несколько слов о смене, которую высадил на острове Врангеля капитан Гарольд Нойс с «Дональдсона» 19 августа 1923 года. Теперь под началом американца Чарльза Уэллса находилось 12 эскимосов, в том числе женщины и дети. Во время зимовки на острове родился ещё один ребёнок. Уэллс осуществлял, так сказать, общее руководство, а кроме того, по заданию Стефансона вёл подробный дневник, записывая температуру воздуха, направления ветра, движение льдов и другие показатели. Охотники били моржей и белых медведей.

Дипломатическая возня вокруг острова, сведения о высадке поселенцев и грабительской охоте, встревожили советское правительство. Ещё в июле 1923 года народный комиссар иностранных дел красной России Г.В. Чичерин писал председателю главного концессионного комитета Г.Л. Пятакову: *«В настоящий момент началась полемика между Америкой и Англией по поводу острова Врангеля: и та и другая на него претендуют. Очевидно, нам надо поспешить с выявлением нашего суверенитета, ибо одних дипломатических нот будет мало, если свой суверенитет успеют выявить другие»*.

После этого последовало указание командованию Морскими силами Дальнего Востока о проведении операции по очистке острова Врангеля от незаконных поселенцев. Во Владивостоке начали готовить Особую гидрографическую экспедицию. В предписании командования МСДВ руководителю экспедиции Борису Давыдову говорилось: *«При неизбежности столкновения, вызываемого противодействием иностранцев (американцев) основной цели экспедиции, действовать в зависимости от фактического соотношения сил обеих сторон вплоть до ареста экипажа американского судна. Если на острове окажется чужой флаг, его следует убрать, мачту срубить»*.

20 июля 1924 года ледокол «Красный Октябрь», вооружённый пушками, вышел из Владивостока и взял курс на Петропавловск-Камчатский.

***

«Красным Октябрём» он стал после революции. А поначалу назывался «Надёжный» и был построен в Дании фирмой «Burmeister or Wain» по российскому заказу и проекту русских инженеров в 1896 году как ледокольное судно для обслуживания Владивостокского военного порта. Водоизмещение – 1,5 тысячи тонн, машины мощностью 2,5 тысячи л. с., длина свыше 50 метров, осадка 4 метра. На ходовых испытаниях в феврале 1897 года в Финском заливе показал прекрасные качества, что отметил адмирал С.О. Макаров. Впоследствии адмирал использовал инженерные идеи «Надёжного» при строительстве ледокола «Ермак».

Летом 1897 года «Надёжный» вышел на службу. Во время русско-японской войны выводил из покрытой льдом бухты Золотой Рог корабли Тихоокеанской эскадры. Других героических страниц в его биографии не было. В 1917 году его попросту бросили, в 1918 году захватили белые, а потом передали японцам. Те установили на ледоколе четыре 120-миллиметровых пушки. Убираясь из Владивостока, японцы вывели из строя несколько боевых кораблей, в том числе, ледокол «Надёжный». После ремонта его передали в Мортранс, а в феврале 1924 года – в состав МСДВ. И начали готовить к походу на север.

Руководство Особой гидрографической экспедицией поручили Борису Владимировичу Давыдову, хорошо известному в среде исследователей Арктики. Хотя в 1924 году ему исполнилось всего сорок лет, но за плечами были гидрографическое отделение Морской академии, служба на минном заградителе «Амур», бои у Порт-Артура, японский плен... В 1910 году Давыдова назначили командиром гидрографического судна «Таймыр» и он исполнял также обязанности астронома ГЭСЛО. В экспедиции Борис Давыдов определил координаты ряда пунктов от мыса Дежнёва до реки Колымы. В 1913 году был назначен начальником Гидрографической экспедиции Тихого океана, произвёл съёмку побережий Охотского моря и начал опись побережий Берингова моря. Во время гражданской войны занимался научной работой и подготовил капитальный труд в полторы тысячи страниц «Лоция побережий Охотского моря и восточного берега Камчатки». Он был напечатан в 1923 году и долгие годы являлся основным руководством плавания в этих морях для советских моряков.

Во время гражданской войны и иностранной интервенции полковник Давыдов жил во Владивостоке. Несколько раз к нему подкатывались с «заманчивыми предложениями» то японцы, то американцы. Предлагали уехать из России, чтобы использовать богатый опыт и научный авторитет за рубежом. Но Давыдов на сделки такого рода не шёл. И едва появлялась возможность, уходил в море. В 1918 и 1919 годах он плавал вдоль побережья Охотского моря, составлял генеральные карты бассейна, выходил в Тихий океан, описав восточное побережье Камчатки. Удивительно, но в мясорубке гражданской войны его не трогали – защищало доброе имя учёного. Не случайно в 1924 году, незадолго до похода «Красного Октября», Русское географическое общество присудило Давыдову «за совокупность научных работ по обследованию восточных морей России» золотую медаль имени Литке. Это была высшая награда, присуждаемая за особо выдающиеся успехи в области географии.

После установления советской власти Борис Давыдов был назначен начальником Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке. Забегая вперёд, скажу, что именем Бориса Владимировича Давыдова названа бухта на острове Врангеля, бухта на острове Добрыня Никитич, мыс на острове Большевик, а также тот самый ледокол, на котором он вышел из Владивостока в Особую экспедицию.

Итак, выйдя из Владивостока 20 июля, «Красный Октябрь» через неделю уже был в Петропавловске-Камчатском. Здесь Давыдов узнал, что стал участником настоящей международной гонки к острову Врангеля. Во-первых, обогнать «Красный Октябрь» получил предписание экипаж американского лёгкого крейсера «Беер». Во-вторых, к острову Врангеля ринулась китобойная шхуна компании «Ломэн Бразерс» под названием «Герман».

Что произошло за четыре года с момента первого призыва Стефансона захватить остров Врангеля? Куда девалась недавно декларируемая американская политика невмешательства в «северные дела» русских?

Опять вернёмся к Стефансону. Прежде, чем передать Ломэну свои «права» на остров Врангеля, он дал несколько интервью канадским и американским изданиям. Отметился даже в «Манчестер Гардиан», газете метрополии. Главные идеи всех выступлений Стефансона заключались в следующем. В ближайшее время пути сообщения переместятся в полярный бассейн. В случае новой мировой войны или развития торговых связей между Европой и Азией необходимо активно контролировать эти полярные маршруты. Тем более что постоянный дневной свет летом увеличивает здесь преимущества использования новых путей. А для этого надо иметь цепь опорных пунктов в полярном бассейне. И таким важным пунктом должен стать для Америки и Канады остров Врангеля. А поскольку русского населения на острове нет, то надо как можно быстрее заявить на него права. Тем более что нотификацию с упоминанием острова Врангеля делало царское правительство, которого в России не существует вот уже семь лет. И США, и Канада допустят большую глупость, если позволят большевикам обосноваться на острове.

Вот прямая речь Стефансона: *«Нам необходима цепь островов в полярном бассейне в качестве военно-морских баз для наших подводных лодок и в качестве станций для самолётов»*.

Американцы решились... Скорей всего, подтолкнули их к этому не заклинания Стефансона, а резкие изменения в геополитике, обусловленные бурным развитием науки и техники. Совершенствовались средства связи и навигации, укреплялась в качестве транспорта авиация, быстрыми темпами развивалось судостроение. Поэтому перспектива хозяйственного освоения Арктики переходила из недостижимой мечты в практическую плоскость. Скалистый остров в холодном море, который был века никому не нужен, в таких условиях превращался в стратегический плацдарм.

Конечно же, Давыдов это хорошо понимал. Он представлял также всю политическую значимость своей миссии. На борту «Красного Октября» кроме восьмидесяти матросов находился комиссар Михаил Домниковский, оставивший дневник плавания ледокола. А сам Давыдов стал автором отчёта «В тисках льда. Плавание канлодки «Красный Октябрь» на остров Врангеля». Отчёт выпустил брошюрой редакционно-издательский отдел Морского ведомства в 1925 году, уже после смерти автора.

Опытный полярник, Давыдов сделал всё, чтобы обеспечить плавание «Красного Октября» в полярных водах. С 3 по 9 августа канонерка загружалась углём в заливе Провидения. Ко времени выхода в море на «Красный Октябрь» погрузили 560 тонн угля, причём непосредственно в угольные ямы вошло только 300 тонн. Остальное топливо грузили в носовой трюм, на верхние палубы и непосредственно в кочегарку. Давыдов по этому поводу пишет: *«В этой погоне за топливом приходилось отбросить все соображения о понижении остойчивости корабля и сознательно пренебречь тем обстоятельством, что ледяной пояс утолщённой наружной обшивки целиком уходит, из-за крайнего увеличения осадки, под воду, оставляя у ватерлинии, в месте соприкосновения с ледяными массами, уже незащищённое место борта»*.

Выйдя из залива Провидения 9 августа, канонерка зашла в залив Лаврентия, где на борт подняли трёх чукчей с собаками, нартами и упряжью. С их помощью Давыдов предполагал организовать исследовательские партии к острову, «обстановку работ на котором уверенно предугадывать вперёд было невозможно». 10 августа «Красный Октябрь» прошёл Берингов пролив, и теперь перед ним открылись воды Чукотского моря. Давыдов нашёл ветвь тёплого течения – со слабым и редким льдом. И уже 12 августа канонерка вышла на параллель южного берега острова Врангеля.

Громадные торосистые многолетние льдины, которые нередко поднимались выше палубы канонерки, преграждали путь. После относительно спокойного плавания от Берингова пролива, у самого острова через лёд пришлось по-настоящему пробиваться. Наконец, 20 августа «Красный Октябрь» отдал якорь против гавани Роджерса. Команда высадилась на берег и срочно приступила к установке мачты для подъёма государственного флага. На следующее утро на колючем туманном ветру заплескалось красное полотнище с большими, издалека видными буквами – СССР. На старой фотографии осталась команда канонерки, выстроившаяся в длинный ряд у флага на гребне береговой возвышенности. Я насчитал на фотографии сорок шесть человек – большую часть команды. Остальные несли вахту на ледоколе. Отдельная группа искала «хищников». И долго искать не пришлось.

Неподалёку от бухты Сомнительной моряки с «Красного Октября» обнаружили землянки из плавника и парусиновые палатки, между которыми сохли на вешалах шкуры белых медведей. Краснофлотцы едва успели вернуться на корабль и доложить о зимовье браконьеров, как из-за небольшого мыска

выгребла лодка, в которой находились человек в шляпе, по виду явно европеец, и четыре эскимоса. Они радостными криками приветствовали «Красный Октябрь». Но едва подошли к корме, над которой развевался красный флаг, как принялись изо всех сил грести обратно. Выстрел из пушки заставил людей в лодке вернуться к канонерке.

Так начальник очередной Стефансоновской экспедиции американец Чарльз Уэллс познакомился с советскими моряками.

Комиссар экспедиции Михаил Домниковский вёл дневник, где записал: *«Задержанный Уэллс сообщил, что все они являются служащими американской фирмы Стефенссона, который, отправляя их, говорил, что остров принадлежит американцам, и поэтому разрешения от СССР не требовалось. Он же выдал и велел поднять над островом американский флаг»*. Добавлю, что Домниковского в 1937 году расстреляют.

Цитата из «Красной нивы», характеризующая характер охоты браконьеров: *«За один промысловый сезон ими было упромышлено* (так в тексте. – *В.С.*) *40 шкур белого медведя, 157 белых песцов, 10 нерпичьих шкур и 210 моржовых клыков, причём промысел вёлся примитивно – хищническим способом: у моржа, например, ради его клыков, отрубали только голову, а шкуру и мясо бросали на месте добычи»*.

В числе изъятых у браконьеров вещей кроме шкур, клыков и винчестеров нашли американский и канадский флаги. Конфискованную добычу и самих добытчиков погрузили на канонерку и уже 23 августа отправились в обратный путь – надо было торопиться, пока льды окончательно не стали.

Этот обратный путь оказался намного тяжелее. Угля осталось только половина запаса, а уже в проливе Лонга «Красный Октябрь» поджидали многолетние торосистые льдины. Канонерке удалось подойти к сибирскому берегу, где шириною 2–3 мили держалась полоса довольно чистой воды. Казалось, дальше препятствий не будет до самого Берингова пролива. Но задули сильные встречные ветры, которые буквально загромоздили сжатым льдом воду до самого берега. «Красный Октябрь» собрался зимовать. Впереди было как минимум десять месяцев «в условиях полной оторванности от внешнего мира». Воду из котлов спустили, механизмы разобрали, часть людей отправили на зимовку на берег. Начали заготовлять оленину. Ввели зимнее расписание.

И в это время началась зыбь, лёд закачался. Давыдов понял, что неподалёку есть чистое пространство. В авральном режиме заполнили котлы забортной водой и подняли пары. Угля по расчётам должно было едва-едва хватить до залива Провидения – и то при условии, что на пути не будет тяжёлых льдов. А они то и дело попадались...

Можно долго рассказывать, как буквально ползла вдоль берега канонерка, подбирая в качестве топлива любой горючий материал. В одном месте, сообщает Борис Давыдов, даже разобрали и отправили на корабль остов деревянной конфискованной шхуны. Сырое трухлявое дерево давало мало калорий, а уголь катастрофически подходил к концу. Уже на мысе Дежнёва с командой канонерки поделился последними запасами угля уполномоченный по Чукотскому уезду. И этот уголь пришлось носить на себе от склада до берега, грузить на шлюпки и возить на «Красный Октябрь». Слово Борису Давыдову:

«Утомлённому до крайности личному составу предстояла очень тяжёлая работа: на воду были спущены все шлюпки, и было срочно приступлено к перевозке на корабль угля. При довольно значительном морозе, выгребая против очень свежего ветра, обдаваемые всё время брызгами замерзавшей тут же воды, промокшие до костей, промёрзшие люди в течение 8 часов выполняли эту поистине каторжную работу». На канонерку в результате этих действительно каторжных усилий было погружено 25 тонн угля. Когда ледокол 6 октября входил в залив Провидения, на борту оставался 21 пуд топлива. Это 336 килограммов...

На мысе Дежнёва моряки задержали 3 октября американца-геолога. Он привёл к выставленному экипажем крейсера «Беер» геодезическому знаку. На нём было написано: *«Станция магнитного наблюдения и геодезических измерений побережья Соединённых Штатов. За справками обращаться в Вашингтон. За снятие знака – штраф 250 долларов или тюремное заключение»*. Советские моряки штрафа и

тюрьмы не испугались и знак сняли. Потом его отправили в Москву. Правительству США ушла нота, в которой, в частности, говорилось, что *«советский народ будет и впредь пресекать действия американских агентов, забывающих, где кончается территория их государства и начинается территория суверенной страны»*.

Теперь представим это плавание. В начале его – заваленный углём ледокол, восемьдесят краснофлотцев, небольшая группа учёных, три каюра-погонщика, в том числе, одна женщина и две дюжины ездовых собак, перепачканных так же, как и остальная команда. А в конце плавания – медленно, на «последнем выхлопе» ползущий, обледеневший призрак судна с обмороженной командой. Без пресной воды и тепла в кубриках.

Огромные финансовые затраты, невероятное напряжение физических и нравственных сил... И ради чего? Чтобы снять с острова кучку браконьеров? Вовсе нет. На кону, если хотите, стояла дееспособность государства. Слабых не уважают и не боятся. Давыдов должен был доказать, что русские могут не только плавать в полярных морях, но и защищать свои северные окраины. Если потребуется – то даже силой оружия.

В этом свете поход «Красного Октября» воспринимается как вынужденная мера защиты государственных интересов от посягательств недружественных соседей.

29 октября 1924 года ледокол «Красный Октябрь» прибыл в родной Владивосток. Экипаж его за успешный поход был награждён Почётным революционным Красным Знаменем ВЦИК СССР. Судьба захваченных браконьеров оказалась трагической – переговоры об их возвращении домой через Харбин шли долго. Китайцы не хотели пропускать эскимосов через свою территорию, так как американцы поначалу отказались считать браконьеров гражданами США. Трое до возвращения не дожили, и по большому счёту их смерти – на совести Стефансона...

Вернёмся к началу экспедиции «Красного Октября». В Петропавловске-Камчатском Борис Давыдов узнал, что в гонке к острову участвует два корабля Соединённых Штатов. До самого конца экспедиции он не знал, как проходит «забег» с участием соседей.

А события разворачивались так.

Все источники сообщают: лёгкий крейсер «Беер» пошёл к острову Врангеля почти одновременно с «Красным Октябрём». Поскольку стартовал он с Аляски, то имел перед ледоколом фору в две с половиной тысячи километров. У него были все шансы на успех, но подвела техника. В походе сначала вышло из строя рулевое управление, а потом сломался винт. Чтобы хоть как-то оправдать неудачный поход, моряки высадились на мысе Дежнёва и установили тот самый геодезический знак, о котором рассказано чуть выше. Называется, не догоню, так согреюсь...

Однако нигде я не нашёл подробной информации о «Беере». Тем более что его называют то крейсером, то лёгким крейсером. Нет его в списке американских крейсеров, состоявших на вооружении в середине 1920-х годов. И это неудивительно. В самом конце Первой мировой войны в Америке только разворачивалось строительство лёгких крейсеров типа «Омаха». Их спускали на воду всю первую половину 1920-х. И сразу признали неудачными из-за плохих мореходных качеств и неудовлетворительного размещения артиллерии. Фактически, эти корабли морально устарели к моменту вступления в строй. Всего было спущено на воду в 1923-1925 годах десять единиц этих крейсеров. Вот их названия: «Омаха», «Милуоки», «Цинцинати», «Рейли», «Детройт», «Ричмонд», «Конкорд», «Трентон», «Марблехед», «Мемфис». Ничего даже отдалённо похожего на «Беер».

Если говорить о средних и тяжёлых крейсерах, то их американцы начали строить только в 1930-х годах. И за восемьдесят лет не спустили на воду ни одного корабля с названием «Беер»!

Откуда же он взялся и так уверенно «прописался» в прессе? Думаю, здесь в название корабля при транскрибировании вкралась вполне объяснимая ошибка, которая много лет кочует по страницам газет и журналов. Да и «cruiser» – «крейсер» неопытному человеку легко перепутать с «cutter».

Зато наш старый знакомый, «Медведь» (cutter «Bear»), который неудачно ходил к острову Врангеля снимать команду «Карлука», вполне мог оказаться соперником «Красного Октября». Достаточно вчитаться в его биографию. Он был построен специально для

плавания во льдах и служил на Аляске куттером береговой охраны Министерства финансов США с 1885 по 1926 (!) год. В его обязанности входила охрана тюленьих лежбищ от браконьеров, пресечение незаконной торговли с коренными жителями Аляски, помощь потерпевшим кораблекрушение китобоям. «Медведь» приобрёл широкую известность в Америке, когда в 1896 году перевёз большое стадо оленей с Чукотки на Аляску. Капитана «Медведя» Майкла Хили считали спасителем многих китобоев и отцом родным в эскимосских стойбищах – он купил сибирских оленей за свой счёт. Потом эти животные с Чукотки стали основой оленеводства на Аляске. Министерством финансов команде куттера были предоставлены самые широкие полномочия, чтобы арестовывать браконьеров, контрабандистов и нелегальных торговцев, а также вести перепись людей и судов, собирать геолого-астрономическую информацию (вот откуда геодезический знак на мысе Дежнёва!), эскортировать китобойные суда.

Конечно же, экипаж «Медведя», хорошо знакомый с местными условиями и, более того, уже ходивший к острову Врангеля, мог в первую очередь получить задание опередить советский ледокол. Других «бееров» в это время в водах Берингова и Чукотского морей просто не наблюдалось. Опередить! Посылка же любого крейсера в тех условиях предполагала перехват советского судна. Это грозило крупным международным скандалом и вооружённым противостоянием. Оно было нужно американцам?

Более успешным, чем у куттера, стало плавание китобойной шхуны «Герман» компании братьев Ломэн. Она вышла из Нома, тоже имея преимущество перед «Красным Октябрём» во времени и расстоянии. Задача у команды была простая: высадиться на острове Врангеля и поднять американский флаг. Однако уже в Чукотском море начались неприятности. Капитан «Германа» Льюис Лейн не смог обнаружить поток тёплого течения, который потом использовал «Красный Октябрь». Льды заставили шхуну двигаться на северо-запад, и она вышла к острову Геральд. Американцы высадились на острове и подняли флаг США. И почти сразу же наткнулись на останки четверых членов экипажа «Карлука», которые откололись от основной группы капитана Бартлетта десять лет назад. «Герману» пришлось спешно убираться от острова, потому что ледовая обстановка становилась всё тяжелее буквально с каждым часом.

Так закончилась гонка за остров Врангеля. Советское правительство, надо отдать должное, извлекло из неё уроки.

В 1926 году на остров Врангеля с парохода «Ставрополь» высаживается экспедиция под руководством знаменитого впоследствии полярника Георгия Ушакова. Его должность – уполномоченный Дальнекрайисполкома по управлению островами Врангеля и Геральда. Создаётся постоянное поселение и полярная станция. Ушаков завербовал жить на острове около 60 эскимосов с Чукотки. К 1929 году здесь появляется экономическая фактория. *«В ней имелась школа, больница, баня, свиная ферма, склады продуктов и товаров, пушные склады, катера для охоты в море, радиостанция, целый ряд жилых построек. Авиарейсы связали остров с остальными пунктами Чукотки. На острове Врангель побывали научные экспедиции, начались поиски полезных ископаемых».*

В 1948 году на остров завезли северных оленей и организовали отделение оленеводческого совхоза. В 1960 году здесь был создан долговременный заказник, преоб-

разованный в 1968 году в заказник республиканского значения. В 1975 году на остров переправили овцебыков. Был основан заповедник «Остров Врангеля», включивший в себя также и соседний остров Геральд. В 1978 году приступил к работе Научный отдел заповедника, изучавший растительный и животный мир островов. Таким образом, мечта мистера Ломэна в какой-то степени осуществилась...

После 1991 года посёлок Ушаковское пришёл в упадок. Сегодня здесь нет постоянных жителей. Зато в посёлке, по некоторым сообщениям, в 2006 году появился белый медведь... А через три года появились строители новой полярной станции и браконьеры. Но этой уже другая история.

Завершу рассказ некоторыми размышлениями о книжном рынке Канады. Вот небольшой список литературы, вышедшей в самом конце 1990-х и начале 2000-х годов. Уже упоминавшееся издание «Стефансон и канадская Арктика» Ричарда Дьюбальдо (1998). «Последний рейс «Карлука»: мемуары пенсионера об арктической катастрофе» Уильяма МакКинли (1999). «Карлук: выдающиеся неизвестные факты из истории освоения Арктики» того же МакКинли (2000). «Ледовый мастер» Дженнифер Найвен о капитане Бартлетте (2000). «Последнее путешествие «Карлука»: эпика смерти и выживания в Арктике» Роберта Бартлетта (2000). «Письмена на льду: Этнографические тетради В. Стефансона» Вильялмура Стефансона и Гэссли Палсона (2001). «Ада Блэкджек» Дженнифер Найвен о трагедии «Карлука» (2003). «Журнал Боба Бартлетта: Правдивые истории сорока лет мореплавания и разведки капитана Роберта А. Бартлетта» (2006). «Моя жизнь с эскимосами (Новая Редакция)» Вильялмура Стефансона (2007). «Паруса надо льдом» Роберта Бартлетта (2008).

Выход этих книг сопровождался серией публикаций в канадской прессе. Особенно стоит назвать статью Александры МакКланахэн «Героиня острова Врангеля» – практически, большой пересказ книги Найвен об Аде Блэкджек. Появилось немало книг и публикаций о канадских исследованиях в Арктике, о жизни на Севере безотносительно истории «Карлука». Даже детей не забыли в качестве читателей и потенциальных полярников. Тут можно отметить книгу Нила Киркпатрика «Танцы Одиночки», вышедшую в 2005 году. Начинается она так: «Почти 150 лет назад, когда Аляска принадлежала России и называлась Русской Америкой, маленькая девочка по имени Ериния Павалофф жила со своей семьёй в Нулато...». И далее – грустный рассказ об одиночестве в чужом краю и мечтах о далёкой родине.

Все эти публикации пришлись на самый конец 1900-х и начало 2000-х. Именно в эти годы в Канаде активизировались выступления за более жёсткую позицию по отношению к России в Арктике. Правительство поручило учёным сделать обоснование притязания Канады на хребет Ломоносова, проходящий по дну Ледовитого океана. Теперь Канада подала предварительную заявку в ООН на радикальное расширение границ арктического шельфа. Министр иностранных дел Джон Бэрд предупредил, что его правительство намерено представить дополнительную информацию, чтобы заявить претензии на Северный полюс.

Вот такая связь художественной и не художественной литературы с реальной политикой.

Алина ЧАДАЕВА

РАТОБОРЦЫ

МИФИЧЕСКИЕ

И РАСТЁТ РЕБЁНОК ТАМ НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ...

В предыдущей главе я остановила рассказ о мифических царицах и сказочных девицах в момент рождения ими сыновей, зачатых «непорочно», сверх естества. Непременно – заметьте – мальчиками были их первенцы. Чем же славны эти юные существа, если молва о них не угасла с прадревности и по сию пору и бежит впереди Времён от Египта до реки Амура-Мангбо и на все четыре стороны? И хоть рождались они друг от друга вдалеке, а похожи, как родные братья.

Давайте сравним, любознательный читатель.

Помните: в нанайской сказке «Три ласточки» три девушки – фудин нежданно-негаданно, от помёта ласточек, капнувших помётом им на темя, зачали младенцев. Старшие сёстры поплакали, порасстраивались: «позор-то какой!», да делать нечего, родили, каждая по девочке. А младшая, самая красивая, утаила от сестёр, что чрево её непраздно, «только на охоту с ними не ходила, всё вышивала, сидела». А как подошло время родить, *«оделась тихонько, взяла с собой нож-гирсо – пуповину перерезать, верёвочку взяла – пупок завязать, в хукуэн-сумочку положила; ещё маленький железный ковшик взяла, горсточку чумизы-проса. Пошла»*.

1

Теперь, по примеру сестёр, надо бы ей далдама делать – загон такой из прутьев, воткнутых в землю и покрытых берестой – от непогоды укрыться. По нанайским законам, женщине нельзя было в доме рожать, а подальше от фанзы – в укрытии, хоть дождь идёт, хоть снег... Своевольно поступила младшая сестра: далеко в лес пошла, густой, дремучий. Там амиктан – сонное Дерево стоит, священное. Внизу у дерева дупло, вроде как комната. Вошла в него фудин. Соломку, что по дороге собрала, на пол дупла постелила. Возле входа огонь разожгла.

Удивительно, как обыденный быт, традиционные обычаи плавно переходят в нанайской сказке в мир фантасмагории. Каждая деталь в меняющихся декорациях – значительна. Новое действующее лицо – священное Дерево – амиктан. Дупло, по поверьям многих народов, – знаменует переход героя в «верхний мир». На этом пограничье реального и сверхреального и родила красавица-фудин мэргэкэна-мальчика. Необычно место его рождения, необычен и портрет *«мальчика невиданной красоты. ...Зубы у него, как из жемчуга, большие пальцы рук, как кость, твёрдые – чтобы из лука лучше стрелять...»*

Но как воспитывать ребёнка, хоть он и «семи пядей во лбу», не от мужчины рождённого? Как себя и его уберечь «от позора»? Казалось бы, бытовая мотивация заставляет

юную мать обратиться к неземным помощникам. И Священное Дерево для неё – как бы лествица к небесным покровителям.

«Вот вспомнила она: когда маленькой девочкой была, с небесной девочкой-фудикэн побраталась. Вспомнила – обрадовалась. Сняла нижнюю шёлковую рубашку, запеленала ребёнка. Поясом своим перевязала его. Шёлковый платок, что под шапкой носила, сняла, голову сына им повязала. Накормила ребёнка, возле себя положила. Снег оттаяла в ковшике на костре, вскипятила отвар-буду с чумизой, горячего выпила. Потом ещё раз покормила сына. Ещё раз...» Словно, трижды повторяя, укрепляла его земным материнством, а затем снова прибегла к помощи посредника-Дерева.

Залезла фудин на верхние сучки Дерева-амиктан, оставила среди ветвей ребёнка. Вверх, туда, где живут солнечные лучи и лучи луны, небесной подружке закричала:

– Экэни! Куда мне от позора деваться? Возьми себе моего сына, расти его, выходи за него замуж потом, он муханом будет!

«Мухан» – значит, «богатырь». Сам – не от мира сего, но – защитник мира от зла и несправедливости.

Но об этом – чуть позже. Говорят же: *«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»*.

Вернёмся мы теперь, терпеливый читатель, к русской сказке «ИВАН БЫКОВИЧ», упомянутой в предыдущей главе. Там уж и вовсе чудеса: от животворной силы «золотого ёршика» сразу трое дитя понесли: царица, которая рыбку съела; кухарка, которая посуду из-под жареной рыбки подлизала; корова, которая те ополоски выпила. Царицыно дитя нарекли «Иван-царевич», кухаркино – «Иван – кухаркин сын», а коровье – «Иван Быкович». И, конечно, говоря пушкинским словом, были все, «как на подбор». *«Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто – кухаркино, а кто от коровы народился»*. А как стукнуло им по десяти годкам, стали они свою силу пробовать. Железную палку о пятидесяти пудов *«никто за один край приподнять не может»*, а трое братьев *«между пальцами её повёртывают, словно перо гусиное»*.

Этого им мало показалось, решили друг с другом состязаться кто кого сильнее. И как только ни схватывались! Обыкновенному человеку и на ум не взбредёт: и в землю один другого вколачивали, и палку железную о пятидесяти пудов вверх – кто выше – забрасывали, и камень неподъёмный с места сталкивали... Будто к какому-то богатырскому подвигу готовились. И вот ведь задача: всех сильней оказался коровий сын Иван Быкович. Оттого, наверно, что Природа-мать через него необоримость свою являла.

Сказку эту записал великий собиратель русского фольклора Александр Николаевич АФАНАСЬЕВ (1826–1871гг.).

Не обойти нам упоминанием и другого собирателя сказок, выросших на русской земле, как на скатерти-самобранке. Николай Евгеньевич ОНЧУКОВ (1872–1942. Расстрелян.) записал близкую нашей теме сказку, странствуя по Архангельской губернии. При записи сохранил дивный северный диалект, где слово выказывает былинное русское первородство. Называется сказка «ФЁДОР ВОДОВИЧ». Завязка сюжета созвучна и судьбе античной Данаи, которую царь-отец упрятал в подземелье, чтобы не прельстились ею «добры-молодцы», и – особенно – казахской сказке, упомянутой Джеймсом ФРЕЗЕРОМ. В ней затворница – девица, заточённая отцом в темницу, забеременела от луча солнца, стоило ей только на улицу показаться.

В архангельской сказке, вероятно, по тем же, «солнечным» мотивам, «царь – вольной человек» решил упрятать новорождённую дочку в темницу. Да только как вошла девица в возраст, умолила няньку показать, «какой есть свет на свете». *«Взяли девичу и повели по царскому двору прогуливатча, прохаживатча»*. Увидала она колодец, в котором золотая чарочка плавала. Царь, *«когда прогуливатця, воды почернёт и воды попьёт»*. И девица попила. И на тисову кровать прилегла, на которой царь-батюшка, *«когда в лётную пору прогуливат, отдыхат и почиват»*. А вернулась в свою темницу царская дочерь уже затяжелевшая.

«Родила девича двух сыновей. Собирали попа и нарекали име: Иван Водович да Фёдор Водович». Ну, ясное де-

ло, коли от царской воды родились. Дальше – вселенский рефрен о сверхприродных качествах будущих сказочных богатырей. *«Эти робятка ростут не по дням, а по чёсам, и выросли они лет до семи – до восьми. И стали просить у матушки благословеньицо: сходить по чисту полю погулять»*. И на вторые сутки – «гуляют». А на третьи – уж просятся *«по чистому полю НА КОНЯХ погулять»*. Как же богатырскому ратоборцу обойтись без коня, соединяющего земной мир с потусторонним.

Однако не каждому сказочному герою указана дорога на «ТОТ», идеальный, «свет». Чуткий к чаяниям души народов мира, Александр Сергеевич ПУШКИН в своей «Сказке о царе Салтане и сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» самим названием очерчивает планетарный тематический круг вселенских внеисторических сюжетов. Просвещённый читатель помнит, конечно, хрестоматийный зачин сказки: *«и царицу, и приплод» «в бочку с сыном посадили, засмолили, покатили и пустили в Окиян...»* И снова – вечный мотив: *«И растёт ребёнок там / Не по дням, а по часам»*. Не царица-мать, а на её глазах взрослеющий сын обращается к стихии Воды: *«Не губи ты нашу душу: / Выплесни ты нас на сушу»*. И *«Окиян» слышит «младенца»*: *«гульливая»* волна *«на берег бочку вынесла тихонько»*.

Недюжинно сильный ребёнок «вышиб дно» у бочки и «вышел вон». На необитаемый остров «вышел». Скуп пейзаж: холм в поле, «море синее кругом» и – важная деталь – «дуб зелёный над холмом». Та же безлюдность, та же остранённость, что и в нанайской сказке «Три ласточки», ибо ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В МИФЕ И СКАЗКЕ – САКРАЛЬНО, ЗАКОНЫ БЫТИЯ В НИХ ПОДЧИНЯЮТСЯ НЕ ФИЗИКЕ, А МЕТАФИЗИКЕ. ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ – «НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ» СОДЕРЖАТЕЛЬНО СБЛИЖАЕТСЯ С БИБЛЕЙСКИМ: «И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛО УТРО: ДЕНЬ ШЕСТОЙ. ТАК СОВЕРШЕНЫ НЕБО И ЗЕМЛЯ И ВСЁ ВОИНСТВО ИХ». (БЫТИЕ. 1:26; 2:1) ЗДЕСЬ НЕТ КОНКРЕТНОГО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЯ, И СУТКИ («ВЕЧЕР», «УТРО») МОГУТ ВМЕЩАТЬ В СЕБЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ.

СКАЗКА – КОД, ДА В НЁМ НАМЁК... ПОСВЯЩЕНИЕ В ТАИНСТВО.

Сказка – далеко не разгаданный код. СТЕРЖЕНЬ СКРЫТОГО ВНУТРИ СЮЖЕТА – ИНИЦИАЦИЯ ГЕРОЕВ. Ynitatio в переводе с латинского значит – «вводить, посвящать в таинство». В широком смысле – в таинство общения человека с метафизическим космосом. За тысячелетия народами мира наработаны обряды, через которые и проводится посвящение юноши-неофита, достигшего половой зрелости, в мистические тайны рода. Только после нелёгкого испытания юноша получал право на брак. Посвящаемый должен был пройти через условную «смерть», попасть «на тот свет» и вернуться оттуда преображённым. В мистерии обряда у многих народов участвовало «чудовище», вероятно, символ тёмных сил – во вне и в себе, с которыми предстояло бороться будущему мужчине.

«Символ» был зубаст, жесток. Его нешуточно опасная пасть должна была «сожрать», «проглотить», «умертвить» посвящаемого. У разных племён практиковались свои сценарии инициации, но в каждом юноша подвергался телесным истязаниям, и только потом прошедшему мнимую «смерть» старейшины рода поверяли магические тайны, влиявшие на все действия человека и его окружения.

Нашему современнику вряд ли возможно понять глубинный смысл инициации. Предположительно, юношу готовили к защите от живущих в нём сил тьмы, диктующих молодому человеку порочные помыслы. Вырвавшись, помыслы могли претвориться в дурные или преступные поступки. Внутреннее становилось внешним. НО – ПРЕОБРАЖЁННЫЙ СМЕРТЕЛЬНЫМИ ИСПЫТАНИЯМИ ЮНОША МОГ ДОСТИЧЬ ВЫСШЕЙ МУДРОСТИ: ЗАГЛЯНУТЬ ВНУТРЬ СЕБЯ И УВИДЕТЬ ОТРАЗИВШУЮСЯ В ДУШЕ ДАННУЮ ЕМУ ИЗНАЧАЛЬНО, ПРИ РОЖДЕНИИ, ГАРМОНИЮ БОЖЕСТВЕННОГО МИРА – КАК ПРЕДПОСЫЛКУ БУДУЩИХ БЛАГОРОДНЫХ ДЕЯНИЙ ВСТУПИВШЕГО ВО ВЗРОСЛЫЙ МИР МУЖЧИНЫ.

Попробуем и мы, дотошный читатель, заглянуть в зазеркалье мифа и сказки.

ЗАГЛЯНЕМ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Итак, античный мир повествует, что по воле царя Акрисия его дочь Даная, вместе с новорождённым младенцем Персеем, родившимся от светоносного «дождя Зевса», были заточены в «пустую бочку». Бочку бросили в море, на волю волн. Пушкин подхватил мифическую «рифму» в «Сказке о царе Салтане». И там, и тут по зову узников и по «воле богов» засмолённая бочка, которую изображают более похожей на сундук-гроб, прибивается к берегу. Та, что с Персеем и Данаей, – к острову Серифу, Гвидон с царицей-матерью – на безлюдный остров. Обе пары – «на тот свет». «Огненная река» или «Окиян-море» – пограничье между «этим» и «тем» светом. Река-граница фигурирует и в древнеегипетском мифе о боге Осирисе, Исиде и сыне их – Хоре (Горе).

Этот миф – в лоне нашей темы – повествует о том, как бог Сет умертвил своего брата Осириса, который в то время правил Египтом. Сету очень хотелось поцарствовать вместо брата, и завистливый ум подсказал ему способ жестокой «рокировки». Однажды на пиру Сет предложил гостям по очереди улечься в роскошный саркофаг, давно по его приказанию сделанный по мерке, тайно снятой с Осириса. Коварный хозяин обещал подарить саркофаг тому, кому он будет впору. Впору – пришёлся Осирису, и стоило ему лечь в «обновку», как Сет с друзьями захлопнули крышку, заколотили створки и бросили саркофаг в реку Нил.

Эта метаистория разветвлена. В ней участвует и дерево тамариск, приютившее в своём стволе гроб с Осирисом, и дельта Нила, куда удалилась богиня Исида, чтобы родить Хора, зачатого от своего мёртвого мужа...

Река Нил – символ сакральной топографии. В гимне богу Атону (14 век до новой эры) сказано: «Ты создал Нил в преисподней и вывел его на землю по желанию своему, чтобы продлить жизнь людей... Ты даровал небесам их Нил, чтобы падал он наземь...» Подземная и – одновременно небесная Река. Образ «подземного Нила» связан со смертью, с душами умерших и судом над ними в загробном мире. Недаром же в саркофаге плывёт по Нилу Осирис, получивший в итоге статус Верховного Судьи мёртвых.

2

Гроб – река – дерево – приметы уже знакомого нам древнеславянского потустороннего пейзажа. И не только славянского. КАЖДАЯ КРУПНАЯ РЕКА ПЛАНЕТЫ ИМЕЕТ СВОЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПРООБРАЗ – КОСМИЧЕСКОЙ РЕКИ.

Кто же такой Сет, с которым сражался его кровный племянник – Хор? Согласно египетской мифологии, Сет – олицетворение сил зла. «Через его дыхание приходят на землю черви». Ещё одно его знаковое качество: властелин металлов. Железные руды называли «костями» этого бога. Божественная интуиция древних египтян будто через тысячелетия видела сокрушительную роль планетарного «технического прогресса» в новейшей истории земли.

Не о потомках ли зловещего Сета писал в конце XIX столетия франко-бельгийский писатель Морис Метерлинк в очерке «Боги войны». *«Несколько тысяч людей... вызывают к жизни силы, в истинной сущности которых они мало смыслят. Эти силы – «новые верховные божества», демоны, возникшие из глубин «гигантской тени», из «неизмеримых бездн», куда никогда не достигал дневной свет. Даже химик, создающий Взрывчатые вещества «спящими», равно как инженер или артиллерист, пробуждающий их ото сна, одинаково глубоко не ведают ни их «природы, ни происхождения, ни души...»*

Древние египтяне – ведали. «Гигантская тень» мифического Сета простёрлась над всей планетой. Непорочно зачатый Хор и рождён был во имя борьбы с олицетворённым символом Зла. Внешне – сюжет мифа общечеловечен и по-шекспировски тривиален: восстановление династической справедливости.

В самом деле, не «Гамлет» ли? – царствовавший в Египте Осирис был коварно убит родным братом Сетом, посягнувшим на престол. Хор – сын Осириса – считал себя единственным, имевшим право на трон.

Но за этими вполне земными реалиями – космогонические битвы Света и Тьмы, Добра и Зла, о чём говорят и атрибуты рукопашного сражения кровных врагов. Сет вырвал у Хора «Чудесное Око», а тот – у противника – детородные тестикулы. «Око» – символ царской власти – Хору удалось вернуть. Он вложил его в рот мёртвому отцу Осирису и тем воскресил его. («Око Хора» в церковной христианской традиции получило значение «Всевидящего Ока Бога» и изображается на фронтонах храмов и многих иконах). Хор был последним из богов, царствовавших на египетской земле. После многолетнего правления он вознёсся на небо, присоединился к свите бога Солнца – Ра в Ладье Вечности и вместе с другими богами стал защищать Солнце от демонов и злейшего врага Ра – Апопа – гигантского змея, олицетворявшего Зло и Мрак. Недаром имя Хор в переводе – «Высота», «Небо».

По мысли первого философа Греции Фалеса Милетского (624–548 до н/э), «бог определяется прежде всего как СПАСИТЕЛЬ ОТ ДЕМОНОВ, или низших сил. ...Как высшее существо он не только требует поклонения, но и поклонения достойно». (С.Н. Трубецкой. «Курс истории древней философии»). Не потому ли первохристиане Египта в Осирисе нашли прототип Христа; в изображениях и статуях Исиды, кормящей своего сына Хора, распознали первообраз Девы Марии и Её Младенца. Это предположение принадлежит Баджу Уоллесу (1857–1934) в его книге «Египетская религия. Представления египтян о загробной жизни».

Некоторые толкователи древних текстов видят метафизическое родство между египетским «Небесным Хором» и славянским богом солнечного света Хорсом. Корень «хор» означает «круг», солнечный диск. В честь Солнца – хороводные танцы земледельцев; в честь Солнца – круговые галереи вокруг построек – «хоромы». От корня «хор» в русском языке возникло слово «хорошо», заряженное светлыми эмоциями.

О смысловом родстве «Хора» и «Хорса» говорят и сюжетные аналогии. Смена дня и ночи в сутках – тоже своего рода процесс «инициации» Земли. По представлениям египтян, защитник дневного Света Хорс верхом на коне объезжает небесные владенья, ночью же преодолевает подземное «Море мрака», чтобы утром торжествовать свет грядущего Дня. Его мыслили и богом-змееборцем. Германский путешественник, посетивший псковскую землю в 1581 году, видел изображение Хорса, стоящего *«на змее, имея в одной руке меч, а в другой – огненный луч»*.

Космические испытания подстерегают и египетскую Ладью Вечности бога Ра. Хор – спутник бога Солнца – в книге «Амдуат» иногда изображается воителем, отсекающим главу злобного змея Апопа, который еженощно подстерегает Ладью. Самая страшная битва в запредельном царстве происходит в предрассветный час.

Приведу один из эпизодов вечно повторяющейся мистерии, события которой в «Книге Амдуат» расписаны по каждому часу.

«Седьмой час ночи... Погружение солнца в глубины запредельного мира было нелёгким. ...Солнце вступает в царство, где обитает извечный враг божественного миропорядка – Апопис. Это огромный змей, который подстерегает Великого бога на песчаной отмели посреди русла реки. По руслу-то и должна проследовать Ладья с Солнцем. Всё это пространство заполнено изгибами тела Апописа. ... Чтобы помешать движению Солнца, чудовище выпило воду из реки подземного Нила, оставив илистое русло. Почувствовав приближение Ладьи, змей поднимается, издавая ужасающий рык...» (цитирую в изложении Е.Лазарева).

Книга разделена на двенадцать частей: 12 – часов ночи; 12 – ступеней посвящения во время виртуального пребывания в загробном мире. В Древнем царстве (с III тысячелетия до н/э) эти предания записывались, а лучше сказать, – рисовались на стенах гробниц фараонов; через тысячелетия – в гробницах не очень знатных людей. В начертаниях и раскрывались для посвящаемых таинства, прежде запретные для широкого круга людей.

«Познавая законы ночного пути Солнца, египтянин проникал в тайну рождения и созидания мира, рождения и смерти человека, закат и

восход солнца и новое рождение Вселенной».

«В ЭТОМ ЖЕ РЕАЛЬНО-ИРРЕАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, – пишет Е.Лазарев, – СОВЕРШАЛОСЬ И ПОСВЯЩЕНИЕ В МИСТЕРИИ, КОТОРОЕ ВОСПРИНИМАЛОСЬ КАК ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА».

МИСТЕРИИ КОСМОГОНИЧЕСКОЙ ИНИЦИАЦИИ СТАНОВИЛИСЬ УСЛОВИЕМ ПОСВЯЩЕНИЯ ЕГИПТЯНИНА В ТАИНСТВА МИРОЗДАНИЯ И ЖИЗНИ ДУШИ В ЗЕМНОМ И ЗАГРОБНОМ МИРЕ.

МИФ О ПЕРСЕЕ. МЕТАМОРФОЗЫ ДОБРА И ЗЛА.

У древнегреческого философа ФАЛЕСА МИЛЕТСКОГО вычитала продуктивную для моей темы мысль:

В КУЛЬТЕ ГЕРОЕВ СКАЗЫВАЕТСЯ ВЕРА В ВОЗМОЖНОЕ ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Тезис открывает двери в историю судьбы античного героя ПЕРСЕЯ, который, как помнит образованный читатель, был зачат царевной Данаей от «золотого дождя» Зевса. В этом повествовании мы оставили заточёнными в гроб-«бочку» Данаю с новорождённым Персеем на берегу острова Сериф. Там вырос и возмужал златовласый Персей и оттуда начались его земные и потусторонние подвиги, запечатлённые из уст в уста в долитературной традиции Древней Греции.

Главный посыл отважных деяний юноши – защита матери от брачных посягательств царя ПОЛИДЕКТА. – Вполне земная завязка героической эпопеи. Персей не одинок. Египетский Хор, вспомним, защищал царское достоинство отца, сражаясь с Сетом. Так и Пушкинский *«славный и могучий богатырь князь Гвидон»* вернул честь оклеветанной матери-царице.

ИЗ ВСЕХ СЮЖЕТОВ – ВЕЛИКИЙ УРОК: ТОЛЬКО НЕБЕСНЫЕ СИЛЫ МОГУТ ПОМОЧЬ ГЕРОЮ ВОССТАНОВИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В «ЗЕМНОМ РЕГИОНЕ». Мотивы драматургии мифов понятны людям и как бы проецируются с земли на небо. Но за ширмой исторически обычных причин развёртывается драма борений космогонических, вечных, от которых, в действительности, и исходят коллизии в исчислении земного времени.

Отражение вечного во временном, небесного – в земном, диалектика в сопряжении Добра и Зла – в этом, на мой взгляд, смысл мифа о Зевсе, Данае и Персее.

По воле судьбы и велению царя Полидекта, желавшего избавиться от юноши, Персей должен был отсечь голову горгоне Медузе, чей взгляд обращал в камень каждого, кто на неё посмотрит. Таким взглядом «одарила» Медузу богиня Афина, заодно уж превратившая кудри красавицы в змей, чтобы горгона не смела соперничать с ней в красоте. Афина снабдила Персея зеркальным щитом, благодаря которому герой избежал мертвящего взгляда Медузы и отсёк ей голову.

Но что происходит далее, когда Персей возвращается «со щитом» и головой Медузы из северных стран, куда не проникало солнце... Капли крови из отрубленной головы Медузы падали на раскалённые пески, и тогда, как писал римский поэт Овидий (1-й век до н/э),

«В Ливии знойной как раз над пустыней парил
победитель, –
Капли крови в тот миг с головы горгоны упали, –
Восприняла их земля и змей зачала разнородных...»

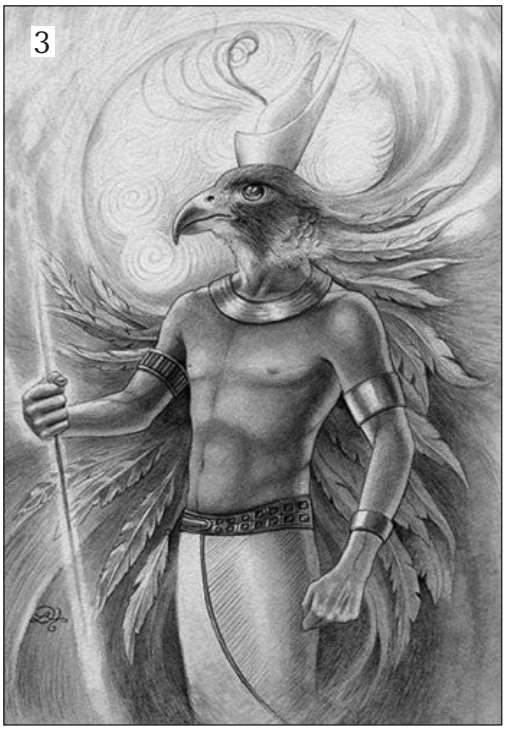
Но – кровь Медузы собрала и богиня Афина в два сосуда и отдала их богу врачевания АСКЛЕПИЮ. Минуя филологические перипетии о религиозно-нравственной эволюции античных образов, отважусь на упрощённый вывод о смысле мифа о Персее: об относительности понятий Добра и Зла и о диалектике их взаимной метаморфозы. В самом деле: не от змей ли горгоны Медузы произошёл образ «змеи – над чашей» – эмблемы Медицины. Говорили же в древности на Пелопонессе, что с помощью крови Медузы Асклепий не только исцелял болезни, но и возвращал людям молодость и даже воскрешал умерших.

Сюжетные лабиринты мифа о Персее позволяют задать ещё один вопрос об античной диалектике (а чуть ниже – о близости её к темам славянского, например, фольклора). Итак, Персей отвагой и силой спасает прекрасную Андромеду, обречённую в жертву морскому чудовищу Кито, ненасытному в стихии убийств и разрушений. Но нужно было ещё избавить спасённую невесту от бесчинного нападения её прежнего жениха Финея и его свиты, а по возвращении

на остров наказать царя Полидевка за его назойливые и жестокие посягательства на Данаю. В критический момент изнурительной схватки с Финеем Персей направил на него и его сподвижников смертоносный лазер взгляда Медузы, обративший в камень нападавших. Умножили собой гряду камней на острове Серифе и неблагородный царь Полидевк со свитой.

Так что же: ради утверждения справедливости можно применить оружие зла? Этот вопрос миф о Персее адресует религиозным и философским системам любой исторической современности. Но и сам не отказывается искать решение. Воцарившись на родине, в Аргосе, Персей подарил голову горгоны Медузы Афине, и она прикрепила её к своему щиту, возвращённому ей Персеем. Зачем бы, казалось, зловещая эмблема на эгиде богини Афины, в полном вооружении явившейся на свет из головы Зевса? Невозможно исчислить все достоинства, какими наградили жрицу Истины боги и люди. Уникален и топонимический факт: город, и сегодня носящий имя своей покровительницы Афины, существует примерно с XV века до новой эры. Из ареопага греческих богов одна Афина удостоила людей такой чести. И, если хотите, наоборот: греки после изгнания турок в 1833-м году провозгласили город Афины – столицей Греции.

Мне неведомы деяния богини в метафизической истории многострадальной Греции. И всё же – отведём в ней роль и щиту Афины с каменящим взглядом Медузы, разящим врагов. Предусмотрительна была богиня, «наградившая» им Медузу: оружие Зла может быть убийственным в борьбе с «мировым Злом». Эту же роль, вероятно, выполняют и химеры, водружённые на фасаде собора Парижской Богоматери по проекту архитектора ВИОЛЛЕ – ЛЕ – ДЮКА в 1841 году, почти через пятьдесят лет после того, как безумцы Парижской Коммуны хотели снести собор Notre Dame de Paris – «твердыню мракобесия», по определению Робеспьера. «Новых Робеспьеров» призваны отпугивать чудовища, демонстрируя людям бесовское обличье человеческих грехов.



КТО ТАКИЕ «ЗМЕИ-ГОРЫНЫЧИ», «ЧУДА-ЮДА» ДА «ИДОЛИЩА ПОГАНЫЕ»...

Приспело время в параллель мифологическим античным героям, вернуться к героям русских сказок. Объединим богатырей – Ивана Быковича и Фёдора Водовича, хоть и в разных сказках они прописаны, да одна у них цель жизненных подвигов, точно у побратимов.

И тот, и другой, почувствовав в себе силу непомерную, сели на «богатырских коней» да и отправились – Фёдор Водович «по чистому полю на добрых конях погулять», Иван Быкович (с двумя братьями) «в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать». По дороге один «в дремучем лесу», другой – «по загороду» встретили мудрую старушку. Как бы одну – на обе сказки. Первая – баба – Яга – в избушке, как водится, «на курьих ножках»; вторая – «бабушка – задворенка». Обе в один голос жалуются, из сказки в сказку перекликаются.

Баба-Яга, как узнала, что Иван Быкович с братьями едут *«на реку Смородину* (смрадную), *на калиновый* (из калёной меди) *мосток»*, где, по слухам *«не одно чудо-юдо живёт, похвалила молодцев:*

– Ай да Ванюша! За дело хватился, ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили».

И правда. Поутру *«приезжает Иван Быкович к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено!»*

Бабушка-задворенка бабе-Яге будто вторит, Фёдору Водовичу страхи – ужасы рассказывает:

«– Дитятко, у нас змей из моря подымаится, на каж-

дые сутки по человеку поглотит, у здешнего царя три дочери, сённи (сегодня) *жребий метали, да выпал старшой дочери идти змею на съеденьё».*

(Ну, и как тут греческую Андромеду не вспомнить!)

Тот же сюжет повторяется со средней и младшей дочерьми царскими. Всякий раз в обеих сказках герой побеждает «чудо-юдо», то бишь – «идолище поганое». Трудно достаётся подвиг что Ивану Быковичу, то и Фёдору Водовичу. Каждый трижды на битву выходит. Образ Змея Горыныча (а хочется сказать, «Горгоныча») будто одними устами проговорён.

Что же символизирует собой этот образ? «Время за полночь». – Из сакральной тьмы – из-за границы преисподней – является олицетворённый Ужас. Увешан магическими атрибутами, вооружён мистическими числами: то три у него головы, то шесть, то девять, да ещё «палец огненный». Им «чудо-юдо» срубленные змеиные головы к своему туловищу обратно приращивает. Вот – сцена появления шестиглавого чудища в сказке «Иван Быкович».

«Вдруг на реке воды взволновалися, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт (пёс) *ощетинился...»*

А вот каким видит идолище Фёдор Водович: *«Подымаится из моря змей шестиголовый, просит у царя человека на съедениё. Идёт змей, слинами* (слюной) *брызжет, как дождь частой падёт...»*

Чем же нашпигованы зубастые, злобноглазые головы змеиные, изрыгающие из пасти напалмовый огонь?

Историк Б.А. РЫБАКОВ считал древнеславянскую мифологию «самым глубоким архаизмом». Доктор философии В.Н. ДЁМИН в своей книге о предыстории славянства предполагает, что *«предки современных славян до принятия христианства проживали на более обширных территориях, нежели сегодня»*, и даже были участниками Троянской войны в 1-м тысячелетии до н/э, когда одни – троянцы – защищали Трою, другие – данайцы – пытались её покорить. (В.Н. Дёмин. «Заветными тропами славянских племён»). Автор книги цитирует М.В. Ломоносова (1711–1765), который «мощными аккордами открывал историю славянских народов». Вот что писал Ломоносов: *«Величество славенского народа даже до баснословных еллинских времён простирается и от Троянской войны известно»*. В книге В.Н. Дёмина эта мысль развивается, на мой взгляд, убедительно. Взаимовлияние древних племён не могло не аукнуться в мифотворчестве, поэтому предположение учёного, что «чудо-юдо» – русифицированный образ Медузы горгоны», представляется мне правомерным. Как и то, что в русских былинах «чудо-юдо» восходит к образу «Идолища поганого».

Ответ на вопрос, в чём суть зла, которое изрыгают на русских богатырей змееголовые потомки греческой Медузы горгоны, найдём мы с вами, терпеливый читатель, в труде «Теогония» древнегреческого рапсода ГЕСИОДА, который жил в VIII – VII столетиях до н/э. Был он сыном бедного земледельца, пас овец. Вероятно, в минуты возвышенного пасторального настроения его посетили Музы, обитавшие недалеко, *«на Геликоне... высоком, священном»*. Они-то и обучили юного пастуха *«песням прекрасным своим»* – о сотворении мира из первоначального Хаоса, о происхождении богов, пророков и добродетелей.

Попробуем представить себя античным читателем, воспитанным на гекзаметрах ГОМЕРА, как это сделал писатель Василий ВЕРЕСАЕВ, влюбившийся в поэзию еллинов и переводивший «Гомеровы гимны» в самое, казалось бы, непоэтическое время в России – в 1929-м и с 1937 по 42-й.

«Прежде всего во Вселенной ХаОс зародился,
а следом
Широкогрудая Гея
(Земля), всеобщий приют
безопасный.

4

Сумрачный Тартар (Аид),
в земных залегающий
недрах глубоких...
ЧЁРНАЯ НОЧЬ И
УГРЮМЫЙ ЭРЕБ
(вечный мрак)
родились из Хаоса...»

Гесиод не скупится, перечисляя химеры, рождённые чревом Ночи.

«Смерть родила она
также, и Сон,
и толпу Сновидений,
Мома потом родила
и Печаль, источник
страданий...
Мойр родила она
также и Кер,
беспощадно казнящих.
Определяют они
при рожденье
несчастье и счастье...
Также ещё Немезиду,
грозу для людей
земнородных...»

Гесиод перечисляет как бы юридический ареопаг, который готов судить «мужей и богов за проступки». Грозен его карающий состав. Мойры – богини судьбы, старухи, прядущие, а затем и обрезающие нить человеческой жизни. Немезида – богиня Возмездия людям– за излишнее счастье или непомерную гордыню. Злые демоны – Керы – Эриннии. Как и Мом – олицетворение злословия и насмешки, они рождены, чтобы искушать человека. Рядом с ними – Эрида – богиня раздора.

Дети «страшной Ночи» не только коварные богини и демоны, но и общечеловеческие пороки всех «земнородных». История – зеркало их преступных деяний и неисчислимых страданий. *«Ночь родила... Обман, Сладострастье, Старость, несущую беды... Труд утомительный, также Голод, Забвенье и Скорби... Схватки жестокие, Битвы, Убийства, мужей Избиенья, полные ложью слова, Словопренья, Судебные тяжбы и Ослепленье души с Беззаконьем, родные друг другу...»*

5

Да? Узнаваемо? Всё, как всегда и как сегодня.

Гесиод пытался понять исходные причины Зла, так сказать, его «гносеологию». Откуда оно: во вне или во мне? Или – и там, и тут? Вирус «тьмы» и «мрака» будто бы «насылается» и тут же заражает пандемией пороков-грехов слабодушных землян.

Ветхозаветная книга «Бытия» резко отсекает светоносную волю Творца от самостийной воли человечества. *«И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были во зло во всякое время...»* (Бытие. 6:5)

«Во всякое время ...» И в то – незапамятное, когда образ Зла сконцентрировался в мертвящем взгляде змееподобной горгоны Медузы, или в сказочно-реальных образах Зла в праславянских «Змеях Горынычах», «Идолищах поганых», или «Чуда-юда» о двенадцати головах. Или – в античном мифе о стоглавой Лернейской гидре, которую обезглавил Геракл.

В раннем христианстве Образ Ратоборца со Злом восходит к III веку новой эры, когда в Риме правил жестокий гонитель христианской веры – ДИОКЛЕТИАН. Его тысяченачальником и любимцем был ГЕОРГИЙ, родом из Каппадокии. Вопреки официальной религии, он принял христианство и исповедал его громогласно перед императором. Претерпев чудовищные мучения, был казнён. Житие святого Георгия повествует о главном из его чудотворений, явленных им после смерти. «Чудо Георгия о Змие» получило всесветную известность и триумфально шествует от III-го столетия до III-го тысячелетия. Святого Георгия и сейчас почитают на Пелопонесском, Апеннинском, Пиренейском, Балканском полуостровах и, конечно, в России. В Грузии Георгий – одно из самых популярных имён. Он прославляем и в Исламе среди арабов-мусульман как ученик «пророка Исы» (Иисуса).

Говорить ли, что в каждом православном храме на Руси и в домашних иконостасах непременна икона «Чудо Георгия о Змие». Георгия – то бишь «Егория храброго».

Совсем он на нашей земле «обрусел». Икона эта положена в основу Герба Москвы ещё императрицей Екатериной II-й 20 декабря 1781 года. Через двести двенадцать лет, в ноябре 1993 года, вышел нормативный акт «О восстановлении исторического Герба города Москвы». В основе его всё тот же святой Георгий *«в серебряных доспехах на серебряном коне поражает золотым копьём, увенчанным восьмиконечным крестом, золотого крылатого змея с зелёными крыльями»*. Из старинного изображения, естественно, не перекочевала в новое – императорская корона – символ самодержавия. Символику Московского Герба кратко и точно сформулировала Марина ЦВЕТАЕВА:

«Московский герб: герой пронзает гада.

Дракон в крови. Герой в луче. Так надо».

За лаконичными «кровью» и «лучом» – общеизвестный, кочующий из века в век, от народа к народу – сюжет. Дракон разорял землю бейрутского царя. Жители кидали жребий: кому идти на заклание. Выпало – царской дочери. Явился рыцарь на белом коне, вострым копием пригвоздил к земле голову чудища и так избавил царевну от гибели.

В мифе, легенде, сказке трудно достаётся ратоборцу победа в поединке со змеем. Вот типичный пример из сказки «Иван Быкович». Пришёл наш герой на поле брани *«не сказки рассказывать, а насмерть воевать»*. *«Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем – и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали...»* С девятиглавым змеем сражается герой другой сказки – Фёдор Водович, спасая по очереди трёх царских дочерей от Поганого Идолища. *«Смахнул Фёдор Водович шесть голов, остались три – не забрала сабля боле. Тогда стали они биться с Идолищем рукопашкою. И бьютча, борютча много времени...»*

Сметливый Иван Быкович отсёк чудищу огненный палец, чтобы не было у того силы головы вспять приращивать. А Фёдору Водовичу царевна помогла: *«насмелилась, вышла, взяла батог и стала бить змея поганого. Тогда они двоима этого зверя поганого и победили...»* Чаще всего подобные эпизоды рассматривают в плане воинских доблестей. «Иваны» и «Фёдоры» олицетворяют физическую и духовную мощь народа в противостоянии «нашествию варвар». И образ Георгия Победоносца, почитаемый на Руси с XIV–XV веков, – символ народного защитника, борца с иноземными завоевателями.

6

Но вот читаю одну, совершенно не воинственную версию О СУТИ РАТОБОРСТВА СО ЗМЕЕМ.

ПОБЕДА НАД ЗМИЕМ ОБОЗНАЧАЛА ПОБЕДУ НАД СВОИМ ЭГО.

Правомерны все варианты трактовок древнейшего сюжета. Но приведённый выше – необычен. Попробуем, доброжелательный читатель, повернуть змееборческий сюжет ВНУТРЬ СЕБЯ: от «во вне» – к «во мне». И окажется, что тот самый космический библейский «змей», *«который был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог»* (Бытие. 3:1) и который пробудил гордыню в душах прачеловеков – Евы и Адама (*«...вы будете, как боги, знающие добро и зло»* (Бытие. 3:5) – живёт внутри нас. И постоянно искушает наше сознание «вожделенными» плодами древа гордыни, которые *«...хороши для пищи и ... приятны для глаз»*. В этом – нравственная гибель человечества. Предопределена и спроецирована на исторические времена планеты библейским изгнанием из гармоничных пажитей Рая – в дисгармонию греха, «когда всякая плоть извратила путь свой на земле».

МИФИЧЕСКИЙ И СКАЗОЧНЫЙ «ЗМЕЙ» – ЭТО НЕИСЧИСЛИМЫЕ ПОРОКИ ЧЕЛОВЕКА, ИМ ЖЕ ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗ ДУШЕВНОГО В РЕАЛЬНЫЙ МИР И САМОГО ЖЕ ЧЕЛОВЕКА ПОЖИРАЮЩИЕ.

У Николая Константина РЕРИХА есть стихотворение-манифест, попадающее точно «в яблочко» этого взгляда.

ТОГДА. (Мальчику).

Ошибаешься, мальчик!
Зла – нет,
Зло сотворить Великий
не мог.
Есть лишь
несовершенство.
Но оно так же опасно,
как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы
и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаём бесчисленных
тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами,
наши творенья! Размеры
и вид их созданы нами.
Берегися рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут.
Осторожно
к толпе прикасайся.
Жить трудно,
мой мальчик, помни
приказ:
Жить, не бояться
и верить.
Оставаться свободным
и сильным.
А после удастся
и полюбить.
Тёмные твари всё это очень не любят.
Сохнут и гибнут тогда.

Стихотворение это Н.К. Рерих написал в 1916-м году. Тогда же, находясь на лечении в Финляндии, он пишет картину «Чёрный 1916 год». Беспросветное лихорадочное море волнами безумия наступает на каменные крепостные стены условного города – города вообще, любого. Он стоит на оледеневших глыбах и вот-вот соскользнёт с них в пучину. Зрачок беспощадного солнца держит «на мушке» апокалиптический хаос. «Величайший интуитивист века» (по определению А.М. ГОРЬКОГО), Н.К. Рерих предчувствовал вослед Пушкину пандемию антидуховной, античеловечной чумы, готовой захлестнуть мир потоком каннибальских пороков XX века. Стихотворение Рериха по мысли, однако, не тупиково. «Свет в конце тоннеля» в фразе – «А после удастся и полюбить». Спасение – в великодушной, милосердной любви. Ибо Мир был сотворён ЛЮБОВЬЮ.

За восемь столетий до явления Христа Гесиод, следуя античным представлениям, утверждал, что «страшная», «чёрная Ночь» «Эфир родила и сияющий День, иль ГЕМЕРУ». Эфир – олицетворение верхнего, лучезарного слоя воздуха. В христианские времена Эфир, наверное, соотнесли бы с понятием «Горнего мира». Сестрой Эфира считалась богиня Дня – Гемера, спутница Гелиоса – бога Солнца.

Диалектика античного космоса органично сочетает контрастные категории бытия. Мифология подтверждает творческое начало светлых сил. Недаром отважный Персей, красавица Андромеда, её родители Кефей и Кассиопея были навеки поселены на небо северного полушария, став созвездиями. От мифа – к звёздам – дорога этих античных героев.

Те же небесные обители прочит Гавриил Романович ДЕРЖАВИН идеальной, но русской «Царь-девице». Эпитеты, которыми поэт награждает собирательный образ, – народны, будто впитали в себя древние сказы о том, что Красота и Справедливость в одном лице – звёздный идеал, достижимый в мечтах человека.

«Царь жила-была девица, –
Шепчет русска старина, –
Будто солнце светлолика,
Будто тихая весна...»

Чуток был Гавриил Романович к народному слову. Ведь что ни русская сказка с «Царь-девицами», – там и образ Весны, Солнца, Горнего сияния, окрашенного золотым свечением. Вот реплики из трёх сказок.

«Увидел раз Иван, как у синего моря на ЗЛАТОМ песке МАРЬЯ-КРАСА – ДОЛГАЯ КОСА хороводы водила...»

«Смотрит добрый молодец, а по синю морю плывёт ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА в СЕРЕБРЯНОЙ лодочке, ЗОЛОТЫМ веслом попихается...»

«А ЕЛЕНА-ПРЕМУДРАЯ летит в ЗОЛОТОЙ колеснице. На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли, посредине стоял ЗОЛОТОЙ трон...»

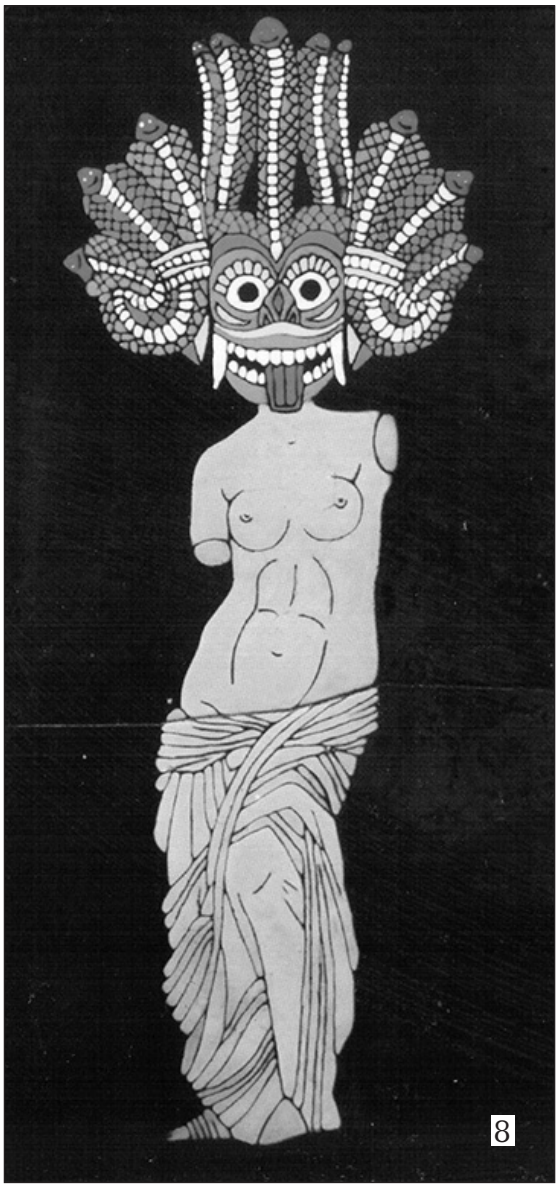
Но можно ли полнее и краше собрать воедино идеальный звёздный образ Царственной Девицы, отражённый в сотнях сказочных вариантов, чем это сделал Александр Сергеевич ПУШКИН. Маленькие зеркальца будто срослись в единое, космическое, на небесном холсте писаное.

«Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает –
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит».

А что же это за остров, к которому прибило бочку с опальной царицей и её сыном. Остранённый, далёкий от земных забот.

«В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нём дубок единый...»

А.С. Пушкин назовёт его «островом Буяном». И в памяти возникает славянское предание о священном «Острове Буяне», с древнейших времён почитаемом как образ «ПЕРВОЙ ЗЕМЛИ», всплывшей из волн первобытного Окияна. Через него будто бы проходит «Мировая Ось», и бьёт на Острове источник вечной жизни. И хранятся на нём «семена» всего живого, а в центре – Мировой Дуб, соединяющий все три мира – подземный, земной и небесный. И живут на этом Острове... а дальше былина лучше меня скажет.



«В Окиян-море стоит остров Буян, где живёт Стратим-птица, всем птицам мать (возможно, страус, «струфокамил»), *и Индрик* (мамонт) – *зверь, всем зверям отец. Кит-рыба, всем рыбам мать... На зелёном кусте сидит пчелина матка, всем маткам старшая, и ворон – всем воронам старший брат. Там Дуб мокрецкий да Алатырь-камень, всем камням камень...»* Из-под камня этого бьют родники живой воды – воскрешают природу, все реки берут там начало. В нём сокрыта сила могучая, *«и силы той конца нет»*.

Праобраз Острова впитал в себя мощную мистическую космогонию древних славян. Потому и Пушкин поселил своего князь Гвидона в её эпицентр. Ретивые ревнители старины до сих пор пытаются побуквенно расшифровать имя «ГВИДОН», не упоминаемое в «Святцах». Пришли к выводу, что означает оно *«ввод в скрытую тайну;*

единение с природой; тонкую духовность и доброту вместе с внутренней силой».

И дано было Пушкину со своим героем увидеть преображённым «нежилой» остров и пейзаж его, воистину райский, осенённый радостью и благодатью.

«С златоглавыми
церквами,
С теремами и садами...»

Там и «хрустальный дом» «перед дворцом», и «ручная белка», которая «песенки поёт и орешки всё грызёт». И кто же из нас, детей и взрослых всех русских поколений, не знает, что «не простые» у белки «орешки», что в них *«всё скорлупки ЗОЛОТЫЕ, / Ядра – чистый ИЗУМРУД»*. И хоть князь нашёл им земное применение: *«Из скорлупок льют монету / Да пускают в ход по свету»; /»Девки сыплют изумруд / В кладовые да под спуд»* – за этой шуточной, лубочной ремаркой можно усмотреть и нешуточную, реальную связь горнего и дольнего миров в закадровом пространстве народно-авторской сказки.

И уж иному читателю видятся и библейские аналогии, особенно если помнить, каким знатоком Священного Писания был Александр Сергеевич. В мягком, с улыбкой интонированном пафосе описания «острова Буяна» угадываются картины Преображённой Земли, какую дано было предугадать и увидеть внутренним оком ветхозаветному пророку Исайе.

«И не услышится в нём (Небесном Иерусалиме) более голос плача и голос вопля. Там не будет более малолетнего и старца, который не достигал бы полноты дней своих; ибо столетний будет умирать юношею. И буду (говорит Господь) строить домы и жить в них, и насаждать виноград и есть плоды их.

Волк и ягнёнок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею; они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь».
(Исайя. 65: 19-25)

Вопреки мифическим и сказочным «Змиям» в масках «Идолищ поганых», в «Сказке о царе Салтане и сыне его славном и могучем богатые князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», не кровожадные чудища выходят из моря, а *«очутятся на бреге тридцать три богатыря, / в чешуе, как жар горя. / Все красавцы молодые, / Великаны удалые, / Все равны, как на подбор...» И среди них и «с ними» не только «дядька Черномор»*, но и ХОР ОСИРИСОВИЧ, и ПЕРСЕЙ ЗЕВСОВИЧ, и ИВАН БЫКОВИЧ, и ФЁДОР ВОДОВИЧ, и ГВИДОН САЛТАНОВИЧ, и НАНАЙСКИЕ МУХАНЫ-БОГАТЫРИ, и – АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, и ещё многие другие, о которых в мифах, легендах и сказках сказывается.

ПОЛНОЧЬ

Полночь.
Опускается бархатный
полог.
Открывается звёздное
поле...
Я смотрю с корабля –
Голубая Планета
Земля –
в иллюминаторы
сердца.
Верится:
в вечной мистерии
отражаются вехи
духовной материи –
картинами бытия.
Тонкий месяц –
Поясом Богородицы
опоясывает
мирозданья края.
Смотрится:
то двурогой пирогой,
всплывающей
из небытия,
то ладьёй
солнцеликого РА –
поднебесного императо –
ра.
А вчера
прикинулся
белым платочком
в хороводе
танцующих
звёзд,
точно
Древнюю Русь
под шатровый,
под купол
вознёс.

Светает.
Тает
месяца льдинка,
умолкает
ночной хорал.
Дневные звёзды – Снежинки.
Сегодня – метель с утра.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ОЧЕРКУ.

1. Рисунок АННЫ ОНИНКА. Фиоха – Дух священного дерева воспитал мухана-богатыря. Невеста мухана – небесная девушка-фудин.
2. «Мать и сын теперь на воле...» Иллюстрация Бориса Зворыкина.
3. Египет. Сын Осириса и Исиды – Хор с головой Сокола.
4. Персей с головой Медузы горгоны. Скульптура Бенвенуто Челлини
5. «Размахнулся своим острым мечом Иван Быкович и срубил Чуду-Юду три головы...»
6. «Град на острове стоит...» Иллюстрация Б.Зворыкина.
7. Тридцать три богатыря... Иллюстрация Б.Зворыкина.
8. У своей колыбели человечество пело одни песни. Художник Андрей Авдеев. Античная богиня Нике и маска остро Шри-Ланка. Техника горячей эмали.

Владимир ФЁДОРОВ. Иван ЧЕРЕМПЕЙ

НЕПРЕВЗОЙДЁННЫЙ ПОХОД

Более 90 лет прошло со дня завершения уникального по своей протяжённости и тяжести боевого похода 20 красноармейцев и 13 партизан по Камчатке и Охотскому побережью. Зимой 1923 года под руководством командира роты Григория Чубарова они освободили огромную территорию на Северо-Востоке только что образовавшегося СССР от банд есаула Бочкарёва и генерала Полякова, занимавшихся там грабежами, разбоем и расстрелами. Сообщая об этом событии, камчатская газета «Полярная звезда» назвала красноармейцев «чудо-богатырями, …превзошедшими всё доселе известные в истории походы».

Авторы статьи вели многолетний поиск сибиряков - участников этого похода, начатый камчатским учителем истории Робертом Юшиным, работали в архивах, с группой томичей прошли более 1000 километров на лыжах маршрутом красноармейцев. Встречались с участниками тех событий – П.Г. Козловым и Ф.М. Сыроежкиным, сыном командира Валентином Чубаровым, реально помогли четверым ветеранам в решении квартирных и пенсионных проблем. Но самое главное – через судьбы этих простых и много испытавших на своём веку людей, глубже и верней поняли суть их подвига, совершённого на крутом изломе отечественной истории. А сейчас настало время защитить их честь и посмертную славу от посягательств реставраторов истории.

21 декабря 1922 года пароход «Томск», переименованный в крейсер «Главком Уборевич», доставил из Владивостока в Петропавловск 268 красноармейцев. Для отправки на север из-за недостатка зимнего транспорта отобрали всего 20 бойцов, наиболее грамотных, выносливых и закалённых. В основном сибиряков из Томской, Енисейской и Омской губерний. 18 января 1923 года две разведпартии по 10 человек выступили по западному и восточному побережьям полуострова на лыжах и собачьих упряжках. Молодым красноармейцам, старшему из которых Григорию Чубарова было всего 24 года, предстояло решить боевую задачу невероятной сложности – пройти за короткое время тяжелейший путь и «вступить в соприкосновение с противником», превышающим численностью в несколько раз.

Трудно даже представить этот огромный, как материк, полуостров, растянувшийся на тысячу с лишним вёрст, хребты, лес в глубоком снегу, бескрайнюю тундру и две горстки людей, прокладывающих путь собакам на лыжах! Политрук 1-й разведпартии Андрей Чернов в донесении штабу войск края 24 февраля сообщал: «…для собак нет корма, дохнут с голода. И люди сидят голодом. Отряд в Лесной. Ни взад, ни вперёд…» А начальник

Григорий Чубаров

2-й разведпартии Василий Зенков записывал в донесении: «Пурга, которая началась с вечера, стала свирепа. Ехать никоим образом нельзя…». Но красноармейцы всё-таки шли вперёд сквозь морозы и пургу, брали не числом, а суворовским уменьем, и всегда были готовы пожертвовать собой ради новой жизни. На восточном побережье в разведпартию вступили два добровольца, на западном – 11 дружинников из Тигильской волости. Местное население хранило тайну передвижения этих крохотных отрядов, зато постоянно сообщало о расположении и численности противника. Вот почему так успешно удалось провести несколько боевых операций. Объединившись на севере Камчатки, разведпартии и партизаны закончили свой более чем двухтысячеверстный поход полным разгромом банд 13 апреля 1923 года у села Наяхан, ныне Магаданская область. Последний бой продолжался весь день. Погибло пятеро бойцов, в том числе начальник 2-ой разведпартии Василий Зенков и его политрук Михаил Гаврилов. Их в упор расстреляли бочкаревцы, выйдя сдаваться в плен. Прибывшая через несколько дней в Наяхан пулемётная группа Петра Григорьева из 5 человек, очистила от бочкаревцев Охотское побережье до посёлка Ола (близ нынешнего Магадана). Все участники боевого похода были представлены к наградам, семеро из них – к ордену «Красного Знамени».

Кто же противостоял красноармейцам? «Белое движение, – свидетельствует его видный идеолог Василий Шульгин, – начали почти святые, а закончили почти преступники». Временное Приамурское правительство направило карательную «Северную экспедицию» в Охотско-Камчатский край в сентябре 1921 года с целью захватить Северо-Восток РСФСР, создав с помощью японцев надёжный плацдарм для отступления и «возможного отторжения Камчатки от Советской России», что было, конечно, явной авантюрой: до образования СССР оставалось около года. Организатором экспедиции был есаул Бочкарёв, один из сподвижников кровавого атамана Калмыкова. Мрачную известность принесла ему зверская расправа над видными большевиками Сибири и Дальнего Востока, членами Военного совета Приморского правительства С. Лазо, А. Луцким и В. Сибирцевым. Переданные японцами бочкаревцам, они погибли в паровозной топке. Возглавлял экспедицию «особоуполномоченный» правительства, рыбопромышленник-капиталист Х. Бирич.

С отрядом 200 человек полковник Бочкарёв, получивший этот чин за взятие Охотска, на пароходе «Кишинёв» отправляется на север в Гижигу наводить «новый порядок». В его свите генерал и пять полковников. Генерал-майор Н. Поляков с отрядом 150 человек прибывает на пароходе «Свирь» в Петропавловск, захватывая город без боя, правда, в присутствии трёх японских миноносцев на рейде Авачинской бухты. Во время этого перехода по свидетельству команды судна было устроено «толковое зрелище» – казнь 9 состоятельных людей, в том числе двух женщин, захваченных на Охотском побережье. Несчастных раздевали, били, душили, у женщин вырывали груди. Ещё живых сбрасывали в море. У тех, кто цеплялся за борт, надеясь спастись, отрубали шашками пальцы. На нагане особо «отличившегося» в этой жуткой оргии Болотова было 177 зарубок, столько человеческих душ загубил и замучил садист. «Толковое зрелище», как написано в архивном документе, было устроено по распоряжению генерала Полякова и не могло состояться без разрешения капитана судна Салатко-Петрищева. Как рассказали матросы, бежавшие со «Свири», людей казнили из-за «драгоценных вещей». По воспоминаниям бывшего красноармейца П.Г. Козлова, в Наяхане после разгрома банды кроме основных трофеев нашли много изделий из золота и «небольшой мешочек с бриллиантами». Умел прятать концы в воду Н. Поляков. «Свирь» и в Петропавловске продолжала оставаться «плавучей тюрьмой».

Прибыв в Гижигу, отряд Бочкарёва устанавливал «законную власть», утверждал должности старшин и старост, а население обложил ясаком за 5 лет, начиная с 1917 года, транспортной повинностью, штрафами и налогами. Открытый грабёж, порка шомполами и угрозы расстрелом, закулисная сделка с американской фирмой «Свенсон и К», привели к тому, что сохранившие свою честь офицеры арестовали Бочкарёва. Они намере-

вались отправить его во Владивосток, но преданные вожаку люди освободили своего атамана. Погибли и были расстреляны более 20 офицеров и низших чинов. Сам Бочкарёв ранен в руку. Порядочные офицеры, стоявшие до конца за свои идеи, были обмануты и уничтожены. Бочкарёв возглавлял теперь не экспедицию, а банду.

Аналогичная обстановка складывалась и в Петропавловске. Гарнизон города пополнялся живой силой не менее трёх раз. В Авачинской бухте продолжали стоять японские военные суда. Из-за своей малочисленности партизаны редко вступали в прямое столкновение с белыми, но решили главную стратегическую задачу – не дали им проникнуть вглубь полуострова. Не прорвались белые и с Гижиги на юг, не получив поддержку в Тигиле и других сёлах. В результате заворовавшийся «городской» губернатор Х. Бирич, набивший множество чемоданов пушниной и другими ценностями, был отозван во Владивосток своим правительством. Обязанности «правителя Камчатки» около двух месяцев исполнял капитан первого ранга Ильин, затем всего неделю – генерал Иванов-Мумжиев, убравшийся 2 ноября 1922 г. из Петропавловска со своим войском вслед за японскими судами, их боевой опорой.

Решающую роль в освобождении края сыграла поддержка населения, создавшего дружины и ополчения против банд, умелые тактические действия отряда Г. Чубарова. Большинство местных жителей сразу и верно разобрались в политической ситуации. Они поняли, что белые пришли с одной целью – грабить. Вскоре после высадки Бочкарёва на севере кочующее население уничтожило 17 человек, а в селе Тигиль группу полковника Алексеева расстреляли дружинники, бывшие казаки с опытом борьбы с японцами.

Вторая разведпартия четыре дня простояла, ожидая грабителей, на перекрёстке путей из села Каменного на Апукскую ярмарку и в бухту Барон Корф. Не дождавшись, тронулись в путь. Вдруг заметили коряка, мчавшегося на оленьей упряжке. Он сигналил малахаем и кричал: «Варнаки приехали!» Вид его был ужасен. Глаз, выбитый рогом оленя, перевязан окровавленной тряпкой. Догнав отряд, парень предупредил о появлении бандитов. Ему оказали первую помощь. Но бочкарёвцы уже успели уехать в сторону бухты Барон Корф с доверенным канадской фирмы «Гудзон-Бей» Артемьевым, собираясь с его помощью захватить на складах пушнину и продукты, а затем расстрелять. Коряки пересадили красноармейцев на оленьи упряжки. К рассвету банда была уничтожена, Артемьев освобождён.

Это реальные факты истории, сохранившиеся в архивах. Они изложены теми, кто их вершил. Однако нашёлся человек, решивший исправить и обновить эти страницы по своему усмотрению и вкусу. Это – камчатский историк-реставратор, как он себя позиционирует, прозаик и поэт Валентин Пустовит. В начале перестройки в своих произведениях он сожалел, что ему «здорово не повезло» с днём рождения – 7 ноября, что вызывало «лёгкую досаду, которая выливалась затем едва ли не в антисоветчину...» Спустя годы он пишет: «мне советская власть ненавистна». Конечно, взгляды на власть, особенно в наши дни, – личное дело. Но историк-реставратор начал действовать и пошёл дальше. Он переписывает историю края на свой вкус и лад. В статьях, опубликованных в газете «Камчатский край» за 2009 год, он с нескрываемым уважением величает главарей банды по имени и отчеству, Бочкарёва – «Валериан Иванович», генерала Полякова – «Никита Андреевич». Всё у него поставлено с ног на голову. Чем дальше читаешь его сочинение, тем больше создаётся впечатление, что с карательной «Северной экспедицией» прибыли в 1921 году одни миротворцы, «администраторы» и «коммерсанты», а дружинники, уничтожившие отряд бочкаревцев в селе Тигиль – «преступники». «Таковым был полковник Данин», – искренне восхищается он хозяйственными делами одного из «коммерсантов». А тот на самом деле грабил население и фирмы на северном побережье Берингова моря.

В очерке «Противостояние», вошедшем в сборник «Вопросы истории Камчатки», (выпуск 5, 2011 г., холдинговая компания «Новая книга»), стирая «белые пятна» истории, Пустовит переписывает факты из чужих публикаций, не утруждая себя кропотливой работой в архивах, а то и просто сочиняет, пренебрегая известными ему воспоминаниями под-

линных свидетелей тех событий. Так, с лёгкостью необыкновенной, Пустовит называет убийцей генерала Фёдорова-Крамника (по найденным у него документам, действительного статского советника, лейб-медика императорского двора) И.П. Гаврилина, жителя села Ивашки. А что произошло в действительности, рассказали очевидцы тех событий и документы Государственного Во-

енного архива. Бочкарёв направил генерала на разведку, сбор пушнины и выявление политически неблагонадёжных. Генерал потребовал доставить к нему Гаврилина, участника Первой мировой войны, не скрывавшего своих убеждений. Во время разговора подвыпивший генерал решил покончить с собеседником. Скомандовав «кругом», выстрелил из револьвера, но промахнулся. Гаврилин сбил с ног генерала. На шум из соседней комнаты выскочили жители и «бывший бандит, ...перешедший на сторону народа», который и прикончил генерала. И такого человека из банды «Валериана Ивановича», опустившегося до сбора мягкой рухляди, защищает Пустовит. Назвав партизан, блокировавших Петропавловск террористами, дружинников из Тигиля – преступниками, а Гаврилина – убийцей, он по-своему расправляется с теми, кто противостоял бандам, глумится над памятью защитников своего края.

Историк-реставратор старается маскировать бочкаревцев под коммерсантов. Но Бочкарёва манила одна цель – награбить как можно больше и бежать в Америку. Подстать главарю банды - и вся свита, особенно отъявленный «коммерсант» – полковник Шевчунас. В записной книжке убитого полковника красноармейцы обнаружили «расстрельный список» – около 400 казнённых по его приказу или лично им людей в Сибири и на Дальнем Востоке. В перехваченном красноармейцами письме Бочкарёву он просит прислать подкрепление, с которым «можно много сделать... Когда возьмём Марково и захватим Караева, Кибизова и Кузьмина, (представителей торговых фирм на Чукотке – *авт.*) можно будет что-нибудь иметь, т.е. сначала я предложу, чтобы каждый из них внёс определённую сумму,...т.е. выкуп от расстрела, когда же получу выкуп, всё равно расстреляю. Словом, от взятия Маркова какая-нибудь польза будет...». Такой вот «коммерцией» и занимались полтора года бочкарёвцы, восстановив против себя абсолютное большинство населения края.

После разгрома банды были найдены счета фирмы «Свенсон и К» Бочкарёву. Они составили бы по сегодняшнему курсу свыше 45 млн. долларов. Кроме того, не сбытая пушнина, оружие и другие ценности.

Реставратор истории добивается, кажется, невозможного – реабилитации (!) нескольких бочкарёвцев, в том числе особоуполномоченного временного Приамурского правительства на правах губернатора Бирича и капитана «Свири» Салатко-Петрищева, не запретившего расправу на судне. Как состоялось «толковое зрелище», показал во время суда над Биричем в 1923 году штурман Тощеев. Историк Пустовит не мог не знать о чудовищной казни на «Свири», тем не менее, умолчал в своих работах об этом кровавом преступлении. Видно не вписываются эти факты в его концептуальный взгляд на историю. Зато он так упорно шёл несколько лет к реабилитации бандитов, что прокуратура Тихоокеанского флота даже опровергла их преступные действия! Такой вот виртуоз из архива! Однако, вышеперечисленные факты из архивных документов, научные работы историков Дальнего Востока

говорят об обратном: «Северная экспедиция» была карательной и направлена на свержение Советской власти и захват части территории РСФСР, что прямо противоречит реабилитационному решению прокуратуры. Все участники, кроме музыкантов, захваченных насильно, вошли в экспедицию, как и её руководитель, «особоуполномоченный» Бирич, добровольно.

А как меняется тон и даже стиль повествования историка, когда он переходит от любезных его сердцу «коммерсантов» в погонах к «красным ликвидаторам». Так, он утверждает, что бывший красноармеец П.Г. Козлов гордился тем, что «собственноручно размозжил голову Бочкарёву», а умер в 1972 году. Ложны оба утверждения. Томичи встречались с Парамоном Григорьевичем в апреле 1973 в Наяхане, а скончался он в 1974 г. Ветеран никогда так не говорил и не писал, а Бочкарёв был убит во время боя при попытке к бегству. И даже социально-экономические описания сёл красноармейцами по пути следования за подписью Г. Чубарова далеко не совпадают с теми, что даёт Пустовит. Уроженец Львова, много лет прожил на Камчатке, где окончил пединститут. Но даже с общеизвестными понятиями он обращается, искажая их, как историю: называет морского зверя белуху белугой, рыбу хариус - «хайрюзом», как местное село Хайрюзово, а местечко Кушка – Пушкой.

Описывая «злоключения главного ликвидатора «бочкарёвщины», автор утверждает, что «майор Чубаров пропал без вести в апреле 1944 года, а на самом деле угодил в плен». Используя лишь поисковые материалы покойного историка Р. Юшина, Пустовит даже не попытался выяснить, что же с Чубаровым произошло в действительности, и не интересовался его судьбой. Между тем, как сообщили из Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Г. Чубаров, командуя полком под Киевом в районе Любны в сентябре 1941 года, попал, но не «угодил», в плен, как злорадно пишет Пустовит. Да и на какой исход боя можно было рассчитывать, если от полка оставалось всего девять человек? Исполняя обязанности старшего в бараке среди военнопленных, предотвращал расстрелы за нарушение порядка. Рискуя жизнью, во Владимиро-Волынском лагере спас от верной смерти четверых советских военнопленных евреев. После освобождения жил в Ухте на положении спецпереселенца. 24 мая 1946 года осуждён к 15 годам каторжных работ. Отбывал срок в Воркуте, где в 1950 году внезапно скончался. Посмертно реабилитирован в 1963 году «за отсутствием состава преступления».

Жене в Одессу из Воркуты Чубаров писал: «...Я допустил ошибку в жизни, ошибку не ради спасения своей шкуры, а думал помочь другим, таким же несчастным людям...». «Вот уже два года как его нет в живых, – сообщал вдове С. Черников из лагеря, – это была большая скорбь для нашего коллектива. Ведь он был общителен, развит, жизнерадостен и трудолюбив...». В тяжелейших условиях он сохранил своё человеческое достоинство, несломленный дух и не склонился ни перед какими грозными обстоятельствами.

Но не обошла Чубарова и его красноармейцев посмертная слава. Именем Григория Ивановича названы улицы в Магадане, Петропавловске, в районных центрах и посёлках, где проходил освободительный поход. В честь сибиряков из отряда названа улица в нашем городе именем Героев-чубаровцев.

Как же надо ненавидеть советское прошлое, чтобы, перелицовывая историю края, называть бандитов коммерсантами, а тех, кто противостоял им, – убийцами, преступниками и ликвидаторами! И написать это – в канун 80-летия Корякского автономного округа. А ведь у Пустовита, как и у многих из нас, детство и учёба прошли в родной школе, институте, а родители строили, защищали это наше уже ушедшее советское прошлое. Перечёркивая всё это, он бравирует тем, что его книги включены в хрестоматию «Литература родного края» для школ Камчатки. Что почерпнут из них дети?

Но ни время, ни «реставраторы истории» не изменят общественное мнение о тех, кто грабил, унижал, насиловал и убивал мирное население. Бандит всегда останется таковым, хоть ты осыпь его хвалами. И хотя с некоторых пор в России стало «модно плевать на славное прошлое Родины», великие предки – с нами. И среди них А.С.Пушкин, сказавший, что только «дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед настоящим...».

г. ТОМСК

ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ

Документ № 1

О террористической деятельности и аресте Бочкарёва в 1920 году

За террористическую деятельность Бочкарёв, Коренев и несколько их боевиков 5 июля 1920 г. были арестованы приморской милицией и доставлены во Владивостокскую тюрьму, но в условиях «буржуазно-демократической» приморской власти долго сидеть под арестом им не пришлось..., и он (Бочкарёв) занялся организацией военной экспедиции в Камчатскую область.

«История Дальнего Востока России», том 3, книга 1, ДВО РАН, г. Владивосток, 2003 г., стр. 518

Документ № 2

Из протокола № 47 заседания Камчатского областного народно-революционного комитета

...Имея осведомлённость о существовании во Владивостоке монархического правительства Меркулова, существующего уже около двух месяцев при поддержке врагов трудового народа – каппелевцев, семёновцев и интервентов – и предполагая, что упомянутое судно «Магнит», вполне возможно, идёт на Камчатку с целью захвата власти и отторжения Камчатки от Советской России, – областной народно-революционный комитет, избранный всеми трудящимися области на третьем областном съезде, признавая за собой всю полноту власти, постановил:

Не допустить к высадке с означенного судна кого бы то ни было, за исключением пассажиров...

В случае, если на пароходе прибудет экспедиционный вооружённый отряд с намерением высадиться на берег с целью захвата власти, комитет путём мирных переговоров примет все меры к недопущению высадки такового отряда, но если эти способы борьбы окажутся недостаточными, комитет будет принуждён прибегнуть к оружию против захватчиков, посягающих на законную власть, избранную всеми трудящимися Камчатки...

Газета «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета», № 37, 31 июля 1921 г.

Документ № 3

Народному Комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину

1 октября 1921 г.

...Владивостокское меркуловское правительство снаряжает воинскую карательную экспедицию на Камчатку, составленную из семёновцев.

При своём прибытии в Шанхай мною было точно установлено, что во Владивостокском порту погружены войсками, амуницией и продовольствием... судно «Кишинёв» и военные суда «Свирь» и «Охотск». На этих судах в общей сложности не менее 500 хорошо вооружённых солдат.

Комиссар Камчатки ИВАН КЛАРК

РГИА ДВ, ф. р-919, оп. 1, д. 15, лл. 27–28.

Документ № 4

О расправе бочкарёвцев на пароходе «Свирь» в ноябре

1921 г. на пути из Олы в Петропавловск

Свидетель (?)ощев, прослуживший 2 месяца штурманом на «Свири» ...показал следующее: «Первый день на «Свири» по уходе из Олы прошёл спокойно. На другой день среди пьяных офицеров шёл разговор о предстоящем «толковом зрелище». Я знал, что на пароходе есть арестованные. Они были судимы и оправданы. Что из себя должно было представлять «толковое зрелище» – я не знал. Головка отряда состояла из психопатов-садистов. И мне казалось, что предстоят порки, пытки... Предпринять что-нибудь против предстоящего я ничего не мог.

...Около часа меня разбудили и сказали, что не работает лаг – прибор для измерения пройденного судном расстояния, помещающийся на корме. В открытом море лаг мог быть порван льдом или людьми, бросаемыми за борт.

Вбежал вахтенный Виноградов. Лицо его было перекошено от ужаса. Он, силясь, проговорил: «Бросали людей за борт». Я тогда не понял, в чём заключается «толковое зрелище». ...Подробностей «толкового зрелища», когда мне начали рассказывать о нём, я не мог выслушать до конца... Что-то происходило страшное. Несчастных предварительно раздели. Потом били. Душили. И этим отличался там Болотов, у которого на нагане было 177 зарубок – число убитых и задушенных людей. У женщин вырывали груди. И только после всего этого арестованных выбрасывали за борт.

Демонстрация в Петропавловске-Камчатском, 1924 год

«Толковое зрелище» было устроено по распоряжению генерала Полякова...

Газета «Голос Родины», № 915, 5 февраля 1923 г. г. Владивосток

Документ № 5

Из донесения партизанской разведки о действиях белогвардейцев в Петропавловске

10 января 1922 г.

...В отряде полнейшая дезорганизация, только и занятие – одно пьянство и дебош.

...Больше всего проявляют себя семёновские офицеры и казачки, которые производят расстрелы и аресты.

...Получили от Бочкарёва телеграмму, что он приказывает у всех граждан реквизировать пушнину; в это время у Бирича был обед, и Бирич заявил, что это не правильное распоряжение, а чисто разбойничье, тогда ген. Поляков и хотел застрелить Бирича... Получилась целая каша, в результате – перестрелка... Теперь город разделён на две части, одна половина в ведении Полякова, другая в ведении Бирича. Получились названия: «бирича́та» и «семёновцы»... Городское самоуправление заявило, что если семёновцы не уймутся, то будем просить японцев о разоружении их.

ГАКО, ф. р-28, оп. 1, д.5, лл. 73–76.

Документ № 6

Из «Материалов II чрезвычайного Петропавловского уездного съезда»

12 апреля – 27 мая 1922 г.

...Благодаря появлению на Дальнем Востоке т.н. Временного приамурского правительства, которое не преминуло захватить богатую Камчатку в свои преступные руки, для чего послало вооружённые отряды, сформированные из всякого сброда, поставив во главе этих отрядов отъявленных головорезов – разбойников, известных всему Дальнему Востоку своими кровавыми подвигами, – Бочкарёва, его приспешников – «генерала» Полякова и бывшего, всем известного, сахалинца Бирича. Ещё острее всплыл вопрос о скорейшем созыве областного съезда для выполнения воли населения и под-

держки избранной им областной власти.

РГИАДВ, ф. р-1382, оп. 1, д. 108, лл. 1–3.

Документ № 7

Из письма к солдатам и матросам белогвардейского отряда от бежавших к партизанам матросов парохода «Свирь»

...Авантюрист и пьяница Поляков, выживший из ума спекулянт Бирич и немногие из числа их преступных приспешников, которые приехали на Камчатку ради грабежа и насилия над мирными жителями. Все граждане Камчатки смотрят на вас, как на палачей. Подумайте, какая власть может допускать грабежи и убийства, а вы идёте за своим начальством, которое издаёт приказ об убийстве людей из-за драгоценных вещей (террор на п/х «Свирь» во время хода из Охотска в Петропавловск, задушены и выброшены за борт девять человек, из которых двое – старые женщины). Этот проступок известен всем жителям Камчатки.

Солдаты и матросы, спешите смыть с себя кровь невинно убитых, кроме тех, которые вас обманули, которые наложили на вас клеймо убийц и которые бросят вас при первой опасности и уедут за границу...

...ДА ЗДРАВСТВУЕТ РУССКИЙ ТРУДОВОЙ НАРОД! ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША СОВЕТСКАЯ РОССИЯ!..

Перебежчики: Панченко, Л.Тушканов, М.М. Тушканов, А.Козырин

РГИАДВ, ф. р-1382, оп. 1, д. 100, л. 47

Документ № 8

О наступлении партизан на Петропавловск

8 июня с двух сторон: со стороны, где расположена радиостанция, и со стороны озера красные повели наступление на г. Петропавловск, но были отбиты и во время перестрелки потеряли 6 человек убитыми... С начала перестрелки со стоящего в Петропавловске японского крейсера был высажен японский десант.

Газета «Наша речь», № 130, 3 июля 1922 г.

г. Петропавловск

Документ № 9

Из донесения командира партизанских отрядов командующему войсками Охотско Камчатского края М.П. Вольскому

23 декабря 1922 г.

Докладываю, что по всей Камчатской области имеется 7 партизанских отрядов, из них два находятся в Петропавловске... В Петропавловске – отряд губревкома в количестве 67 человек, командир отряда Богомолов.

...Тигильский отряд – 65 человек, командир Юшин, местный житель. Весь отряд состоит из местных жителей...

Хайрюзовский отряд, численность его неизвестна. Весь отряд состоит из местных жителей.

Утхолокский отряд, численность его неизвестна. Весь отряд состоит из местных жителей...

Ковранский отряд, численность его неизвестна. Обмундирование и довольствие отрядов собственное.

Усть-Камчатский отряд, численность около 60 человек, командир Яворский. Отряд состоит чисто на добровольческих началах.

БОГОМОЛОВ

РГВА, ф. 28077, оп. 1, д. 4, лл. 1–4.

Документ № 10

Из Анадыря, Петропавловск, Губревкому

Февраль 1923 г.

В прошлом году распоряжением полковника Фиолковского и Бочкарёва на Оле были расстреляны 7 человек: поручик Петров, корнет Красовский, мл. урядники Былков, Харитонов, Латыпов, ст. урядник Башаров, вахмистр Соломонов. В Гижиге расстреляны 5 человек: шт.-капитан Фокин, капитан Непомилов, лейтенант-лётчик Вронский, корнет Нурк, Короблёв. Во время перестрелки убито: шт.-ротмистр Словинский, вахмистр Николай Коликов. Бочкарёв был ранен в левую руку.

№ 630

Комвойск Бурк, начштаба Заверин

РГИАДВ, ф. р-3125,оп. 1, д. 58, л. 97.

Документ № 11

Из «Воззвания уполномоченного Анадырским уездом и Чукотским полуостровом и командующего Анадырско-Чукотским фронтом».

28 марта 1923 года

...За время пребывания в Гижиге бочкарёвцы и поляковцы ограбили фирму Соловья, ограбили мирное гражданское население путём поборов, налогов, контрибуций и др. насилий. Отбирали нарты и собак... собачий корм, грабили до основания казённые продовольственные склады и склады Камчатского союза коопера-

тивов. Ограбили коммерсанта Говорина, фирму Гудзон – Бей в Опуке..., изнасиловали целый ряд женщин, в том числе беременных и девиц. Весьма часто применяли ужасное в мире телесное наказание плетьми и шомполами... В прошлом году Шевчунас ограбил марковцев, забрал всю пушнину..., стрихнин (яд) в количестве более четырёхсот флаконов продавал инородцам за пушнину..., от чего явился небывалый падёж пушного зверя...

По воле Бочкарёва, Полякова и Шевчунаса расстреляно более 20 человек своих же сподвижников-офицеров и солдат, кои осмелились ослушать их и проявить свою гражданскую честность, назвав этих негодяев их собственным именем, это... факты, которые неопровержимо доказывают, что белобандиты есть люди с самыми низменными инстинктами...

РГИА ДВ, ф. 2336, оп. 1, д. 17, л. 11.

Документ № 12

Из «Разговора по прямому проводу командира Тигильского добротряда тов. Юшина Павла» со штабом войск Охотско-Камчатского края.

2/II – 23 г. Журавский: ...Выяснили ли Вы при каких условиях убит генмайор Фёдоров?

Юшин: ...генерал майор Фёдоров убит в Ивашке русскими, проживающими там, фамилии их не знаю, убит половине декабря за угрозы с оружием при отказе каюра...

8/II – 23 г. Юшин ...Со слов разведчика генерал Фёдоров убит в Ивашке своим же бандитом, бежавшим из бухты Барон Корф и перешедшим на сторону народа...

РГВА, ф. 28075, оп. 1, д. 5, лл. 22, 27.

Документ № 13

«Копия письма Шевчунаса Бочкарёву перехваченного отрядом Чубарова в с. Каменном»

Господин Полковник я очень прошу выслать мне 12 человек, т.к. располагая 20-ю человеками можно много сделать... Когда возьмём Марково и захватим Караева, Кибизова и Кузьмина можно будет что-нибудь иметь, т.е. сначала я предложу, чтобы каждый из них внесли определённую сумму, собственные деньги у них, наверное, есть, это как наказание, т.е., выкуп от расстрела, когда же получу выкуп, всё равно расстреляю. Словом от взятия Маркова какая-нибудь польза будет... Пасху мы, наверное, будем встречать в районе б. Наталия, но к 5 апреля обязательно буду в Каменном.

Полковник Шевчунас

(Продолжение)

Если будете, господин полковник, посылать людей, то прошу, чтобы никто не знал куда едут и зачем, и когда приедут в Каменное..., а главное, чтобы отдали строжайшее приказание старосте на Шестаково, дабы никуда не сообщалось о движении отряда, т.к. узнав, марковцы всё увезут, а их преследовать не хватит дороги...

Полковник Шевчунас

РГИА ДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 58, л. 381.

Документ № 14

Из «Боевого расписания белых... на 24 декабря 1922г.»

...Часть бочкарёвского отряда, 60 штыков в Оле, отряд есаула Бочкарёва, 120 штыков в Наяхане...

Примечание: Недостающее количество, указанное при высадке наяханского отряда Бочкарёва, 17 человек, уничтожено кочевым населением... Посланные белые в Тигиль были уничтожены тигильским местным отрядом.

Комдобр отрядами В.Богомолов

РГВА, ф. 28075, оп. 1, д. 7, л. 17.

Документ № 15

Из Анадыря Губревкому

19.02.23

Бочкарёв носит другое имя – Валентин Озеров, по профессии коммерсант, состоит в связи лично с американцем Олафом Свенсоном. Протокольно доказано: весной прошлого года Бочкарёв сдал американской фирме на шхуну «Мозетлан» пушнину, составляющую собственность Российской республики: в Гижиге – на сумму 200 000 золотых рублей, Ола – 50 000... Погашение получил в Гижиге товара, продуктов на 30 000 рублей. На сумму 220 000 Бочкарёв – Озеров получил от фирмы Свенсона долговой документ с обязательством выплатить золотом в Америке. Независимо от сего американская фирма снабдила Бочкарёва огнестрельным оружием: 75 винчестеров, 50 револьверов Ремингстон, достаточным количеством патронов.

Бурк.

РГИА ДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 12, л. 74.

Документ № 16

Из интервью Бочкарёва перед отправкой на Камчатку «Вечерней газете» г. Владивостока

«Иностранные коммерческие круги высказывают большой интерес к экспедиции, отлично понимая, что коммерческие сделки при присутствии на полуострове наших частей будут проводиться в большой безопасности. Получены запросы от японских и американских фирм».

«Вечерняя газета», № 93, 16.09.21 г., г. Владивосток

Документ № 17

О договоре предводителя белогвардейских банд на Камчатке Бочкарёва с американской фирмой Свенсона

12 мая 1923 г. в пределах Наяхана найден договор Бочкарёва с американской фирмой Свенсона, по которому фирма получает право на разработку золота, на эксплуатацию Охотского побережья и торговать, не платя налогов.

Фирма обязуется всем снабжать белобанды. Договор заключён на 5 лет. Найдены счета Свенсона Бочкарёву на сумму около 468 000 долларов.

Камчатский краеведческий музей

Инв. № 16887, л. 228

Документ № 18

Из описания села Тигиль.

Селение имеет 75 домов, амбаров 75, 30 баней. Численность населения 360 человек. Из них взрослых мужчин 98, женщин 92, детей мужского пола 83, женского 87, грамотных... 80 человек. Имеется школа, учитель, учащихся 40 человек. Парторганизаций и партработников нет. Вероисповедование православное...

Имеются почтово-телеграфное отделение, маяк, общественные и государственные учреждения, а также заведения и предприятия. Занимаются охотой, рыболовством и животноводством...

Характер поверхности – тундра покрытая лесом.. . Район с. Тигиль орошается реками: р. Тигиль шириною 20 саженей, глубиной от 3А до 6 сажений, р. Седанка, р. Калгауч, р. Перевалова, р. Белая... Средняя t° зимы (-) 30 грд., лета (+) 19 грд.

Способы передвижения вьючные. Местность гористая и болотистая. Телеграфная линия дряхлая. Селение имеет 12 лошадей, собак 800, нарт 80, ботов 80, шлюпок 4, лыж 80 пар, коров 70. Имеется каменный уголь по реке Напан, в 20 верстах от селения. Кочевники-коряки в числе 100 человек, имеют оленей 5 000, собак 70, нарт 1... Рыба принимается японцами за бесценок.

Данные Начальника I разведпартии тов. Чубарова

РГИА ДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 107, л. 23.

Валентина ВАНУЙТО

Картины – это жизнь

Художник пишет. Властная рука
Вселенную окутывает дымом.
Круговоротом невообразимым
Свивайся, красок яркая река.

Культура каждого народа значима для всех людей и должна сохраняться вне зависимости от того, велик или мал этот народ по численности. Леонид Лар неотделим от культуры своего народа. Его картины – это жизнь сурового края, застывшая на полотне, осколки бытия, бытовые сцены, исторические события, крупицы судеб, народная фантазия, окружающая природа. Леонид Лар путешествует один по Ямалу и это даёт ему углубиться в мир жизни и быта оленеводов, природы, неизведанный мир шаманов и в самого себя. В тундре он себя чувствует и хозяином, и гостем, где ему помогают практическими советами, обеспечивают информацией, и всем необходимым земляки оленеводы, охотники и рыбаки. Как он любит часто повторять, что «тундра это не только моя жизнь, но и моё дыхание, мой ритм сердца, мой голос».

Этот яркий и экзотический мир коренных народов Севера запечатлён на полотнах Леонида Лара. Именно их жизни, быту, мировоззрению посвящены самые, пожалуй, известные этюды и рисунки. Он прекрасно знает жизнь и быт своего народа. Обращаясь к пейзажу, он каждой своей работой вступает в диалог с окружающим миром, внося в картину активное начало. Внизу тундра с зигзагами берегов – и вы уже летящая птица. Ещё немного, и перед вами стадо оленей, вдали стойбище. Повеяло теплом, на душе веселее. На этюде вы видите все времена года, закаты и восходы, ночь и день. В работе «Священное место» закат принимает слабую фиолетовую окраску. Особенно хороши силуэты маленьких кустов на фоне сумрака. Они напоминают духов тундры... Леонид очень любит природу, свой край.

Картины Леонида Лара это не только песнь Ямалу, но и предостережение всему миру, что нужно беречь природу, любить, ценить отведённое богом время. Это, можно сказать, даже пророчество и предсказание, которые даны в определённых образах и символах, в загадках, которые надо разгадать. В них хочется всматриваться до бесконечности, и это неслучайно: на них рисуют сердце и душа художника Леонида Лара. Бывают картины, которые завораживают и не отпускают. Рядом с ними излечиваешься душой и телом. Чудесные пейзажи притягивают взор, но лишь внимательный зритель увидит за

Леонид Лар

пейзажем особый мир картины. Художник умеет сочетать в своём творчестве масштабность замысла с удивительной тонкостью восприятия окружающего мира. Пейзажи «Священное место у озера», «Идол», «Ямал Не», «Жертвенное место» передают необычное, но точное впечатление от Ямала, и в то же время в нём есть всеобщность.

Тундра прекрасна в осеннее и весеннее время, когда пёстрый ковёр из трав радует глаз и редкие островки северных цветков, как оазисы в пустыне дарят нам свою неповторимую красоту. Каждое изменение в природе не ускользает от зоркого глаза художника Леонида Лара и рождает не только на бумаге, но и холсте мир эмоционального и лирического образа красавицы тундры. Если посмотреть на этюды «Последний снег», «Весна», «У Карского моря», «Последний снег», «Последний сугроб», то увидим красоту тундры, любовь к природе, плавность его линий и игру красок мазка.

В его творчестве что-то родное, близкое, трогающее душу, что заставляет искренне верить в чистоту помыслов проживающих в тундре людей. В зарисовках, этюдах, которые

Глаза Нума

Плач гагары

он делает постоянно – труженики тундры и олени. Он пишет животных в живописи и графике. В картинах «В гости», «Долгожданный гость», «Переправа» художник чувствует их повадки, характер и природную грациозность, красоту линий. Быстроногие олени несут нарты по тундре. Тишина. Кажется, что только щёлканье копыт и скрип полозьев нарушают безмолвие. Олени бегут и бегут. Линии его рисунков углём, тушью, карандашом, пастелью – точны, легки, певучи. Сколько прелести в этих неутомимых животных можно увидеть в его работах.

Делая зарисовки, этюды к будущим своим картинам, Леонид Лар помнил наказы своих педагогов: художник должен знать историю и культуру того народа, о котором он хочет написать. В картинах Леонида можно увидеть одухотворённое лицо человека, духа, божества. Все они несут особую печать. На одной из картин, «В гости», мы видим мудрого оленевода, охотника, знающего все тропинки в тундре, который гонит оленей по ориентирам, известным только ему одному. В образах божеств и духов в работах «Глаза Нума», «Старуха Ветров», «Рождение» – мудрость Вселенной. На портретах женщин взгляд материнства. Женские характеры Леонида Лара разнообразны, на этюдах можно увидеть и молодых девушек,

и мудрых женщин: «В чуме», «Мастерица Саване», «Сказки дедушки Хобко», «Рождение», «В гостях».

Леонид Лар легко меняет стилистику и темы своих работ. Технически он продолжает писать маслом на холсте, хотя многие из его картин выполнены акварелью. Он работает пером и тушью, карандашом, а также использует свою уникальную смешанную технику. Эту технику мы видим в работах «Песня об отце», «Последний из рода», «Полёт за легендой», «Борьба с Нгылико». Мастерство художника – это не просто отточенная до автоматизма техника, безупречный профессионализм. Это – полёт души. Чем чище и совершеннее душа, тем выше поднимается художник. В Леониде Ларе как раз поражает его одухотворённая душа. В первую очередь молодость души, светлое и свежее восприятие жизни. Леонид считает, что его задача как художника тронуть струны души людей, чтобы принести мир и радость в их жизнь через образы, которые он создаёт.

Талант его засверкал новыми красками, чувством неразрывности человека, не только природы, но и Космоса, когда на картинах появилась фигура посредника между Вселенной и людьми – шаман. По своему мироощущению Леонид Лар космичен, пантеистичен. Для него мир реалий не способен существовать вне Духа, без неба и шамана. Всё в природе является носителем божественного света. Видимо поэтому шаман – один из ключевых образов в его творчестве. Не случайно Леонид Лар отводит ему значительную часть композиции.

Небо, Космос, как символ непознаваемого, недосягаемого, доминирует над героями его полотен, корректируя их бытие. Он выступает здесь как глубокий мыслитель, исследователь, актёр и режиссёр одновременно. Картины «Тайны Нга», «Птица Минлей», «Нашествие» с изображением шамана вызывают чувство внутренней тревоги, как будто само небо над ними застыло в смятении, а мир затаился и замер в ожидании. На его картинах изображены тени событий, и в этих тенях, иногда чётких, иногда неясных и расплывчатых, нужно увидеть будущее истории. Но часто здесь имеет место иносказание, не сами земные события, а их духовный план.

Кисти и холсты основные средства воплощения мира художника. Для Леонида Лара они ему заменяют бубен и колотушку. Звук

Гибель язычника

холста и удар кисти, резонирующие ритмами, один из мощных факторов формирования эмоций у ямальского художника Леонида Лара. Творческий процесс для него

Хозяин озера

подобен священнодействию, разговоры с миром духов и божеств напоминают шаманские танцы. По сути, хождение художника Леонида Лара возле мольберта и удары кистью по холсту можно связать с движением, музыкой, танцами, посредством которых происходит общение с Космосом. Он вступает во взаимоотношения с духами и должен выполнять их требования, которые они на него накладывают. Благодаря духовным путешествиям Леонид Лар получает доступ к миру божеств и их знаниям. Этот полёт показан в картине «Небесные сны шамана».

Здесь наиболее важна его связь с духами, которые наделяют его силой. Они охраняют его в ходе работы над замыслом. В работах Лара мы наблюдаем глубокое проникновение в сокровенную духовную жизнь шамана, стремление проникнуть во внутренний мир с помощью символизации реальности, вплоть до её открыто аллегорической трактовки. О связи с духами говорят картины «Тени», «Духи болезней», «Возрождение», «Мираж», «Могила шамана», «Хозяин озера», «Священное дерево шамана».

Каждая картина, это вроде виртуального погружения в мир духов и божеств, сводящего на одном поле зрителя и художника, где происходит внутренний диалог. Главное, чтобы это столкновение позволило зрителю открыть свой мир и мир духов и божеств. В картинах «Шаман Мандаков», «Восхождение», «Духи болезней», «Посвящение», «Возрождение», «Шаман из древнего рода Окотэтто», фигура шамана озарена, словно всполохами. Зигзаги молний или отблески огня углубляют динамику действа, придают летучесть фигуре шамана. Ведь он способен, «путешествуя в мирах», и подниматься ввысь и спускаться вниз по ярусам мироздания.

Портрет «Шаман из древнего рода Окотэтто», в котором запечатлён живой, обаятельный облик много повидавшего на своём веку шамана. Картина богата градациями холодных и тёплых тонов, создающими настроение жутковатой настороженной тишины. Шаман с бубном в руке погружён в этом мраке в состояние некоего транса. Триптих картины «Шаман Мандаков» изображён тадибе сэвтана Григорий Мандаков во время совершения обряда. Рядом с ним духи-покровители, духи-помощники. В них его сила. Главным ритуальным предметом, связывающим мир духов и мир людей, является бубен – пензер. Шаман готов сразиться со злыми духами, так как наделён способностью вселять в себя духов-предков.

Мир Леонида Лара – это мир, не имеющий границ ни в пространстве, ни во времени, вернее сказать, – включающий в себя все пространства и все времена. Картины о шаманах наполнены размышлением о вечности мира. Они ведают нам, что жизнь глобальна, сложна, интересна. Его картины неудержимо привлекают, будоражат, интригуют, подчас озадачивают. Образы его живописи не всегда понятны, но чем-то убедительны и правдивы. Это мы видим на картинах «Нашествие», «Тайны Нга», «Хозяйка ветров», «Глаза Нума», «Война богов», «Война миров».

В композициях художника это особое пространство воспринимается одновременно и как некое абстрактное, и как непосредственно вполне конкретное место действия. Многих пугает этот мир шамана, который предстаёт перед нами то небесно светящимся, то непроницаемо тёмным, показывая свою причастность и к духовному космосу, и к бездне. Когда смотришь на картину «Дерево шамана», то видишь, что ветви деревьев уходят своими вершинами не в мёртвое пространство, а ввысь, в небо. Глядя на картину «Нашествие», кажется, что сейчас планета разомкнётся, как ворота, и бесчисленное воинство злых духов обрушится на землю, словно потоки огненной лавы, сметая всё на своём пути.

Леонид Лар сталкивается с чем-то непонятным, завораживающим, удивительным, неопознанным, которое он старается запечатлеть на холсте. Он, как шаман-тэлтана рассказывает о путешествиях во Вселенной, но наглядно. Его постоянно волнует тема жизни и смерти, продолжения рода, сохранения и передачи нравственных ценностей. Картина «Тайны Нга» – это сила зла, противостояния светлому и доброму началу бога Нума. Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в тёмное, ледяное царство Нга. Никогда не проникают туда радостные лучи яркого солнца. Нет никому возврата из этого холодного мира теней.

На семи ярусах Нижнего мира проживают семь сыновей Нга.

Творческий процесс – это ритуальный процесс не только художника Леонида Лара, который раскрывает своё видение, но и шамана, раскрывающий зрителю потусторонний мир духов и божеств. Это для него как медитация, как камлание, в том смысле, что он абсолютно отстранён. Процесс его творчества – это огромная работа, соприкосновения с Вселенной, слияния душой с миром духов, открытие пути в обе стороны границы миров, ожидание тех, кто способен войти. Важными компонентами художника-шамана остаются мифологические сознание и мышление, позволяющие создавать гармоничный мир природы и человека. Всё это Леонид Лар воплощает в своих полотнах.

Картины «Инквизиция», «Священный памятник. Хэбидя Тэн», «Мираж» посвящены трагическим событиям борьбы православия и шаманизма в XVIII – начале XX века. Церковь уничтожала капища и идолов, запрещая поклоняться древним божкам, совершать жертвоприношения и языческие ритуалы. Гнев деятелей церкви испытали главным образом ханты, манси и архангельские ненцы. Было уничтожено священное место на острове Вайгач, где находились идолы главных ненецких божеств. В картинах «Гибель язычника» представлена борьба двух конфессий, уже навсегда оставшейся в истории северных народов Западной Сибири и Дальнего Востока.

Леонид Лар по сути своей – это не только художник, но и философ и актёр. У него свои зрители, свои почитатели, свои критики. Зритель, созерцая картину, живёт в пространстве полотна художника, испытывая восторг перед его духом. Художник, как и актёр, во время работы должен быть взволнован, иначе интересной картины не получится. Всё это складывается глубоко внутри, и в результате появляется образ, создаётся картина. Название картин приходит спонтанно, оно рождается из того эмоционального ощущения, которое появляется во время работы.

Шаман из древнего рода Окотэтто

Сквозь работы чётко проступает личность самого художника – человека большой культуры, знатока истории искусства народов мира, человека разносторонних интересов: история, литература, театр, философия. Успешная деятельность художника, не помешала Леониду Лару заняться научной деятельностью. Собрав полевой материал о духовной культуре ненцев, Леонид стал анализировать, систематизировать, изучать дополнительную научную литературу. Он занялся изучением шаманизма не внешне, а стараясь погрузиться в образ мыслей и чувств шаманов, чтобы возродить в себе давно нами утраченные способности видеть цельный образ мироздания, чувствовать взаимосвязь всего во вселенной, его божественную природу. Он старался возродить мистичность сознания. Имея большой материал о религиозном мировоззрении ненцев, собранный во время экспедиций, художник решил посвятить себя изучению традиционной духовной культуры своего народа.

г. ТОБОЛЬСК,
Тюменская обл.

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ХОХЛАТКА ПО ПРОЗВИЩУ КИС-КИС

До каких только чудачеств не доходил народ в ельцинскую пору, когда и зарплаты не было, и пенсии не выдавали, и предприятия одно за другим шлёпались в грязь, чтобы потом уже никогда не подняться из неё, а заводы покрупнее, посолиднев, по одному лишь взмаху пухлой руки Гайдара перестраивали свои конвейеры с выпуска современных танков на выпуск алюминиевых кастрюлек либо пластмассовых рожков для ботинок.

Трудно было людям, многие не выжили и никто за это не ответил и уже не ответит, ибо сечь самих себя не положено, это не Франция какая-нибудь или совестливая Канада, это – Россия.

Онега – город маленький даже по северным меркам, криво сползающий к морю, вздорный, в жилах многих жителей здешних течёт зековская кровь, на улицах попахивает лесоповалом и солью Белого моря, но перед Фирсычем о его родном городе плохо высказываться нельзя: может выпить стакан водки для «внутреннего сугрева» и побить. Кого угодно побить, хоть главного здешнего милиционера. Стать Фирсыч имеет породистую, кулаки похожи на канатные тумбы, врытые в бетонный причал местного порта, взгляд острый, светлый, как у настоящего морского волка.

А Фирсыч, собственно, и есть настоящий морской волк. У него и мореходное училище – Архангельское – за плечами, и морская академия, что в Питере, – тоже за плечами, и плаваний немало на счету: и матросом, и лоцманом, и сменным капитаном, позже он стал начальником портофлота, тут в подчинение к нему попали не только катера и зачумлённые хриплоголосые буксиры, считающиеся подсобными судами, без которых большие коробки не могут выйти в море, но и «белые лебеди» – теплоходы, что плавают исключительно на Соловецкие острова, возят туда-сюда любопытствующих, а часто просто полоротых туристов, мешающих тамошним монахам жить и молиться, ещё пара сиплых теплоходов, обслуживающих поморские деревни…

Как-то у Фирсыча, когда он капитанил на большом катере «Галс» появился жиглявый высокий человек неопределённого возраста в дорогих кроссовках и несмазанным скрипучим голосом, через шею у него была переброшена тонкая плоская бечёвка с удостоверением,

закатанным в твёрдый пластик. Кожа на лице гостя была морщинистой, пергаментной, старой, в пятнах, которые хотелось стереть школьным ластиком, глаза пропадали в частой плетёнке морщин, глаз, кажется, вообще не было, только иногда из мрачной глуби проглядывало что-то мокрое, непонятное, но вот что было важно – живое.

Приблизившись к Фирсычу, гость сунул ему в лицо пластмассовую карточку. Там были начертаны его фамилия с именем по-русски и по-английски (а может, и по-эвенкийски, в этом ещё предстояло разобраться), а также крупно, жирно было выведено «Телевидение».

Фирсыч отнёсся к документу равнодушно, но он был человек вежливый, поэтому приподнял одну бровь и спросил:

– Ну?

– Отец, – проговорил телевизионщик, стараясь придать своему голосу душевные нотки. – Есть возможность заработать.

– Ну?

– Десять туристических фирм из города Архангельска решили провести в Белом море игру «Десять Робинзонов». С подключением телевидения. – Гость носком обуви придвинул к себе старый продуктовый ящик и сел на него верхом, будто мушкетёр на кобылу. Он рассчитывал уловить во взгляде Фирсыча интерес к предложению, но там ничего не было, даже не пахло этим.

– Ну? – повторил вопрос Фирсыч.

– На десять безлюдных островов мы высадим десять Робинзонов, каждому дадим удочку, вилку с ложкой, ещё чего-нибудь и оставим в море на десять дней.

Бровь на челе Фирсыча снова приподнялась, на этот раз чуть выше.

– А десять гробов приготовили? – невозмутимо поинтересовался он.

Телевизионщик от этого вопроса даже поперхнулся, кадык на его шее дёрнулся нервно, смял что-то, в мозгах заскрипели невидимые поршни – соображал он медленно, скудно, подумав, решил пропустить колкое замечание мимо ушей.

– Нужно десять безлюдных островов и плавсредство, – небрежно проговорил телевизионщик и, будто старик Хоттабыч, невесомо поболтал в воздухе рукой.

– Ну! – подогнал его Фирсыч.

– Что ну?

– Под плавсредством вы что имеете в виду?

– Ваш катер.

– Это не катер, а малый теплоход, – Фирсыч хмыкнул запоздало, – называется «Галс».

– Хорошо, малый теплоход. Чтобы и Робинзоны могли на нём разместиться, и съёмочная группа с пожитками, и представители турфирм…

– Представители турфирм, – эхом повторил Фирсыч. – Ну!

– Что ну?

– Это будет стоить денег, – Фирсыч понял, что после сухих полуголодных дней, когда его команда, как и весь Онежский порт совсем не видели денег, в столовой можно будет заказать манную кашу либо даже дешёвый бифштекс с макаронами и простенькой подливкой, почерпнутой ложкой из кастрюли с гуляшом, – лицо его невольно разгладилось и он повторил негромко, – денег…

– У нас есть деньги, – поспешно заверил его телевизионщик, – мы за всё заплатим,

– Как вас зовут?

– Феля.

Фирсыч вновь с интересом приподнял одну бровь:

– Феля – это как?

– Не понял.

– Ну, Феля – это может быть и Феликс, и Феодосий, и Фёдор, и Фердинанд, и Флор... впрочем, Флор – это, кажется, газ, – поймал себя на неточности Фирсыч, – хотя у меня в команде на буксире был матрос Флор Хрюкин... Какие ещё

имена? Филарет, Фефан, Фрол, Фадей, Фотий, Федот, Фома, Филат, Филипп – до хрена имён на «фэ», в общем. А ты, Феля, кто, ежели по паспорту?

– Фекл,

– Фекл, Фекл, – Фирсыч озадаченно почесал висок, – это же женское имя.

– Ничего подобного, я проверял. Совсем не женское.

– Не женское, так не женское, – миролюбиво проговорил Фирсыч, – а теперь всё сначала и поподробнее, пожалуйста.

Идея была бестолковая, взбалмошная и даже опасная – как, собственно, и всё на телевидении, способное вызвать удивление, недоумение, сочувствие, брезгливость, кучу других ощущений: телевидение есть телевидение, – высадить на десять необитаемых островов десять голодных людей и посмотреть, что с ними будет через десять дней.

– Каково, а! – громко воскликнул Феля и подпрыгнул на своём деревянном коне. – Гениально!

Каждому Робинзоны (лишённому опыта выживания, естественно) планировали выдать по леске с рыболовным крючком, по ракетнице, чтобы можно было позвать на помощь, «шанцевый инструмент», чтобы бедолага мог сварить суп хотя бы из лемминга – полярного мышонка и по одной живой курице – спутнице жизни. Чтобы голодать было нескучно.

Условие перед участниками ставилось одно – продержаться на острове, на подножном корму, все десять дней. Выигрывает тот, кто не использует ракетницу и не позовёт на помощь, и у кого останется жива курица: словом, чтобы человек был сыт, цел, весел, сохранил подружку-курицу и из дурацкого испытания вышел возмужавшим и похудевшим (Фирсыч назвал это по-иному: «возмудевшим и похужавшим», и в этих словах была сокрыта истина), после чего Феля вручал победителю приз – пачку денег.

Говорил Феля убедительно, готов был прямо сейчас выдать Фирсычу аванс – у него с собою была сумка, туго набитая плотными хрустящими пачками, аванс окончательно сломал Фирсыча – на живые деньги можно не только бифштекс в столовой Онежской администрации купить, но и хлеба в магазине, и он махнул рукой:

– Ладно, Феля, рисуем бумагу...

– Какую бумагу? – не понял тот.

– Договор. Мы же организация пока ещё государственная.

– А-а-а...

Бумага была нарисована, Феля опорожнил часть своей сумки, и Фирсыч взялся за дело.

Из всего флота, приписанного к Онеге, на тот день работал только «Галс», ходил

по заливу с картографами, занимавшимися съёмкой, картографы обещали малость подкинуть денег за работу, но пока обещание оставалось обещанием, а хлеб домой надо было приносить каждый день, – другой работы у флота не было. И не предвиделось, вот ведь как.

Погода стояла отменная, редкостная, ночь невозможно было отличить от дня, – кто только из великих поэтов не восхищался этой порой, – от тонкого пронзительного звона комаров, ведущих любовные игры и приготовившихся закусить участниками телевизионного шоу, можно было оглохнуть, воздух на море почему-то был наполнен запахом сирени, как под Питером, где сиреневых садов – несметь, этот удивительный дух приносился неведомо откуда, может быть, действительно из-под самого Питера... Хорошо было!

В Онежском заливе – тихом, молочно сером, в котором купалось здешнее белое небо, имелось много безлюдных каменных островов.

С островами определились быстро, за каждым из участников закрепили его «землю», Фирсыч на «Галсе», с которого окончательно попросил картографов, раскидал бедолаг по точкам, каждому пожал руку:

– Кукуйте, ребята! Ежели что – не стесняйтесь, пускайте в белое ночное небо ракету – засечём, поможем... В беде не бросим, в общем.

Главное было – не пропустить эту ракету, увидеть её вовремя. Если честно, Фирсыч побаивался: а вдруг у какого-нибудь Робинзона окажется, что руки растут не из того места. Он же тогда даже ягод не наберёт себе на пропитание, не говоря уже о рыбе,

А рыбы здесь; особенно наваги, – столько, что её можно граблями с морского дна сгребать. Ловится на обычный пустой крючок – её, как всякую морскую дурёху, завораживает блеск стали, она старается проглотить его, как нечто очень вкусное, на том и попадается.

У берега, у каменных островов-лбов, в принесённом течением песочке в изобилии водятся жирные красные черви, морские – яркого алого цвета, лохматые, волосатые, подвижные, глазастые, на червяка этого охотно клюёт не только навага, но и зубатка, рыба, как известно, деликатесная, из которой и уха получается – пальчики оближешь, и жарево, и вялить её можно – за уши не оттащишь.

Ловить морских червей было несложно – во время отлива они обычно закапываются в песок, но червячью норку можно легко отыскать по грязевому вулканчику. Цеплять червя надо вместе с пластом песка. Иначе червяк, шустрый донельзя, может легко ушмыгнуть.

Много морских червей находилось и под камнями: стоило отвернуть в сторону какой-нибудь донный валунишко, даже небольшой, как под ним обязательно оказывался красный, проворно извивающийся, похожий на маленькую мочалку червяк.

Ну, а с червями навагу можно было ловить не только на крючок – даже на палец.

«Галс» тем временем переполнили телевизионщики и представители турфирм, народ этот оказался на редкость прожорливым, Фирсыч даже не подозревал, что городской люд может так много есть – ему всё время надо было что-нибудь кидать в рот, челюсти без дела не простаивали, работали.

Особенно прожорлив был Феля, он рот вообще не закрывал – жевал, жевал, жевал, ему было всё едино, что жевать: навагу или шоколадные батончики, жареную с луком картошку или халву из плохо очищенных семечек подсолнуха, хлеб с кукурузным маслом или говяжью тушёнку из банки, либо вообще грызть пустую спичку... Главное, чтобы не было простоев.

Стоянку для «Галса» телевизионщики определили около Конд-острова – лобастого, крутого, с красочными голубыми заводями, с коренастыми, сплошь в уз-

лах и наростах соснами, поднимающимися прямо из камней и небольшими падями, в которых росла сладкая ягода княженика. Наверное, во всём Белом море таких островов больше нет – только один... Ещё что было важно: голубые заводи Конд-острова были исключительно рыбными – и навага там водилась, и треска, и окунь, и зубатка.

Правда, зубатка попадалась в сеть редко, да и дело с ней иметь, пока не отпилена голова, было опасно: зубатка запросто прокусывала резиновые сапоги, а некоторые экземпляры, что покрупнее, могли прокусить и прочные кирзачи, и толстую яловую обувь... Хотя сама рыба в кастрюльке, либо на сковороде была хороша, даже очень хороша, Фирсыч готов был употреблять её и на завтрак, и на обед, и на ужин.

Чтобы накормить своих прожорливых пассажиров, суровому мореману Фирсычу приходилось два раза в сутки забрасывать сеть.

Несколько забросов были нормальными, принесли хороший улов – Феля от удовольствия рот раскрывал так широко, что у него чуть зубы не выпадали, потирал ладони, капая на них слюнями: «Ры-ыбка моя хорошая, жаль, что тебя отец не жареной, а сырой достаёт из моря, ой, жаль», а потом что ни заброс, то в сети обязательно красовалась большая дырка, а ячея была украшена двумя десятками откушенных по самую репку голов.

Тут и к гадалке не ходи, и без неё всё ясно: сеть решил приватизировать «морской заяц» – тюлень, живший в здешних водах, «зайцев» этих ещё лахтаками называют. Как-то он вынырнул около катера, лёг на спину, игриво шевеля ластами, Фирсыч погрозил ему указательным пальцем:

– Ты это... Ты кончай мне инвентарь портить!

Лахтак ему ничего не ответил, к предупреждению отнёсся, как к обычной угрозе: с характером был, однако. Выглядел, как богатый украинский парубок – с крутым лбом, влажными золотисто-чёрными глазами, в блестящей меховой одёжке. Он уже привык к тому, что о еде беспокоиться не надо, еду ему обязательно преподнесёт волшебная сеть.

Два десятка рыбин – ну, максимум два с половиной – ему вполне хватало на обед, после чего тюлень, сытый, довольный, вальяжно фыркая, отплывал в тихое место, забирался на камень и загорал на солнышке. Такая жизнь ему нравилась.

А вот телевизионщикам не нравилась, им перестало хватать рыбы, тюлень сжирал их порцию. В конце концов Фирсыч решил снять сеть. Спустил с катера лодку, прыгнул в неё и сильными гребками вёсел погнал в добычливое место, которое так нравилось тюленю.

В сети красовалась очередная дыра. Большая: не только тюлень – катер вместе с трубой мог пролезть, Фирсыч выругался, выбрал сеть, откушенные головы швырнул в воду, тюленю на закуску – пусть погрызёт напоследок, поблагодарит Фирсыча за доброту.

Вода была тихая, гладкая, как стекло, голубая – ну совсем южная на вид, единственное, что отличало её от южной – обжигающий холод, руки в такой воде мгновенно теряли чувствительность, пальцы немели, делались деревянными, упаси Господь упасть с борта в такую воду – через полминуты обязательно пойдёшь на дно. Фирсыч, чертыхаясь, перевёз сеть на катер, забросил её на палубу, лодку привязал за верёвку к корме и так, с прицепом, собрался двигаться в другое место, ставить сеть там. Он уже приглядел круглую спокойную бухточку на противоположной стороне Конд-острова. Сосны там росли гуще, были стройнее, а вода, кажется, была теплее.

– На берегу тем времена появился Феля.

– Отец, можно проветриться с тобою?

– А за небом кто будет следить? Вдруг ракета?

– Первую ракету надо ждать дня через два. Сейчас пока рано. Робинзоны ещё не оголодали.

– Это кто же высчитал? Ты, что ли?

– Ну! – Феле понравилось суровое «ну» Фирсыча, и он взял его на вооружение.

Фирсыч сбросил на берег простенький трап, сколоченный из двух досок с прибитыми к ним поперечинами.

– Лезь!

Феля проворно забрался на катер. Фирсыч добавил двигателю оборотов. Катер зафыркал, зачихал, забрызгал дымом из трубы, Фирсыч сделал небольшой разворот – он хотел пойти в обгиб острова, по малой дуге, но не успел: сзади, почти под кормой вдруг раздался сильный удар.

Лодка, покорно тянувшаяся за «Галсом», неожиданно взвилась ввысь, в воздухе перевернулась вверх дном, из неё вылетели вёсла, следом канистра для колодезной воды, большая скомканная тряпка и лодка с гулким шлёпаньем приземлилась на ровную голубую поверхность залива.

– Мам-ма мия! – ахнул Феля, скорчился испуганно, уменьшаясь в росте и объёме – ему показалось, что на акваторию Белого моря напали ненасытные американцы, Фирсыч тоже никогда ничего подобного не видел, хотя сразу понял, в чём дело: это разозлился тюлень, недовольный тем, что у него из-под носа увели кормушку.

От шлепка лодки в разные стороны поползли неспешные синие волны.

– Вот хунвэйбин! – Фирсыч не выдержал, выругался, дал катеру обратный ход.

Надо было и лодку подцепить талью, поднять над палубой «Галса» и малость просушить, и вёсла выловить, и канистру с остатками вкусной ключевой воды достать – пригодится канистра, и здоровенная «тряпка, которой команда протирала поручни, когда на катере появлялись важные гости, тоже пригодятся: всё, всё надо было вытащить из воды: здесь, посреди непростой природы, всякая мелочь важна, в дело идёт каждая вещь, всё необходимо…

Вес у «морского зайца» был немалый – примерно триста килограммов, так что сила удара была понятна, и обида тюленя была понятна: он ещё до людей облюбовал эти места, обжил их, принял, гостей, как должное, и бесплатные обеды принял, как должное, и вдруг на тебе – бесплатные обеды отменили. Тут кто угодно обидится. Фирсыч, наверное, тоже обиделся бы, если б с ним так поступили.

Сеть удалось поставить только через два часа.

А участники «Робинзонады» продолжали борьбу за жизнь на безлюдных островах.

Феля рассчитал правильно: первая ракета – сигнал «Сдаю-юсь!» взвилась в небо поздним светлым вечером через два дня, Фироым поспешил на катере к острову, подавшему сигнал бедствия, снял с него тощего носатого юнца, похожего на старую клювастую ворону, страдающую несварением желудка, с мокрыми глазами и синей, пупырчатой от холода кожей.

Когда катер подплыл к островку, юнец уже стоял по щиколотку в воде с поднятыми вверх руками – будто пленный немец в декабре сорок первого года под Москвой. Курицы – верной спутницы по жизни на необитаемом острове, с ним не было – юнец её съел.

– Всё, я выхожу из игры, – заявил он дрожащим голосом, – финита ля комедия.

– Финита так финита, – пробормотал Феля, глядя, как оператор снимает неудачливого Робинзона на камеру, – курицу только жалко.

Юнец оскаблился.

– Курицу я употребил сегодня на обед.

– Вкусная была? – спросил оператор.

– Не-а? Кожа да кости. По-моему, она была ровесницей фараона Тутанхамона. А перья я до сих пор из зубов выковыриваю. Тьфу!

Лицо у оператора помрачнело – он любил животный мир и за погубленную курицу готов был накостылять сопляку по шее.

Следующим сдался ещё один юнец, такой же самоуверенный, как и первый, прыщавый, с туповатым лицом, украшенным тусклыми водянистыми глазами. Рыбу ловить он не умел, ягоду собирать ленился, в грибах ничего не смыслил, поголодал немного, съел курицу – испёк её на костре и горькую, пропахшую дымом, жёсткую, смолотил вместе с костями, из перьев, немного подумав, сварил суп, но суп оказался невкусным, походил на разбавленный куриный помёт и пахнул помётом и юнец вылил его в костёр.

За двумя юнцами капитулировали двое взрослых, это были довольно дюжие дядьки городского происхождения, и в этом была сокрыта их слабость: городские – не сельские, долго среди голой природы, без подпорок, не держатся, сдаются... Сдались и эти.

Потом сдались ещё четверо.

Победил лишь один: пожилой, с лицом, пропечённым солнцем и ветрами до костей помор, по повадкам и хватке – настоящий Робинзон, взгляд у него, хорошо знающего, что рыбу считают не по головам, а хвостам, был острый, светлый, мудрый, победитель очень не походил на своих соперников Робинзонов, словно бы родился на другой земле, в ином царстве. Знал цену и заваляющему сухарю, и сдобной северном рыбе сёмге, и щепотке соли в тундре, и сухой спичке – мог с одного раза разжечь любой костёр, ведал, что такое дружба и что такое ненависть...

Курица, которую ему вручили, здорово раздобрела за десять дней вольной жизни на острове, стала походить на матрону-католичку в пышной чёрной, сутане, имела большой, будто у петуха гребень и жилистые крепкие ноги, украшенные острыми шпорами. Как всякая женщина, курица была очень разговорчива – ни минуты не молчала, всё время слышалось её добродушное успокаивающее «Ко-ко-ко-ко»... Наверное, она разговаривала даже во сне.

Победителю вручили целый куль с деньгами. Впрочем, то, что денег было много, ещё ничего не значило: рубль катился вниз со скоростью телеги, сорвавшейся с горы, угнаться было невозможно – за десять дней, которые Робинзоны провели на островах, рубль подешевел едва ли не на треть.

Помор-победитель сложил деньги в простой холщовый мешок из-под картошки, туда же сунул ложку с кружкой, несколько книжек, которые брал с собою на остров, нитки с иголкой, курицу подхватил на руки и, оглядевшись, протянул её Фирсычу:

– Держи, капитан! Только имей в виду: на обычное «цып-цып-цып» она даже голову не поворачивает, а вот на кошачье «кис-кис-кис» отзывается очень даже охотно. Окликнешь – бежит тут же. Ручная. Воспитанная. Интеллигентная. На корабле любому придирчивому боцману может быть хорошим помощником.

Фирсыч перетащил курицу на «Глас», и та в знак благодарности – всё-таки её оставили в живых, а могли пустить в

суп, – через полчаса снесла ему большое, цвета кофе с молоком яйцо… Фирсыч пустил яйцо в яичницу, оно ведь – свеженькое, домашнее, таким товаром в суровых северных условиях не очень-то разживёшься.

Когда Фирсыч расколотил его о край сковородки, яйцо это оказалось редким – двухжелтковым.

Ни одна из онежских куриц не несла таких яиц – не могли, не умели просто. Впрочем, кур в Онеге было немного, в хозяйствах их особо не заводили: во-первых, холодно, а хохлатки от морозов здорово страдали, во-вторых, к курам с ненавистью относились местные кобели – ну будто эсесовцы к заключённым в Аушвице, давили нещадно, только перья в кусты да в канавы летели. В общем, выходило так, что кур в Онеге заводить было невыгодно.

Вечером к Фирсычу пришёл Феля, выставил бутылку самогонки странного розового цвета – очень походила самогоночка на денатурат.

– Что это? – непонимающе спросил Фирсыч.

– Первач с добавлением сока брусники. Очень недурная штука.

– Ну! – неопределённо отреагировал на разъяснение Фирсыч.

– Говорят, морошка уже пошла…

– Ну!

– Есть предложение: завтра утром совершить путешествие на какой-нибудь остров, где поспела морошка. Есть такие острова?

– Ну!

– Отметим завершение экспедиции, наберём морошки, а во второй половине дня из Архангельска за нами придёт автобус, и мы расстанемся.

– Ну! – В Фирсыче словно бы что-то заколодило, он нахмурился, брови на переносице у него сошлись, образовав длинную золотистую линию, в уголках рта обозначились озабоченные скобки: он пытался сообразить, на каком же из островов уже начала созревать морошка?

По его прикидкам выходило, что таких островов нет. А с другой стороны, раз говорят, что начала поспевать морошка, значит, она действительно начала поспевать. Народ врать не будет.

Солнце наутро вскочило ранёхонько, а если быть точным, оно вообще не ложилось спать, – Фирсыч поднялся раньше солнца, на лодке сплавал к сети, снял её.

Улов был неплохой – видно было невооружённым глазом, сколько съедал рыбы нахлебник-тюлень: примерно столько же, сколько и Фелина обжорная команда. Набралось два ведра отменной свежей рыбы. И ведро ухи можно было сварить, и на листе железа запечь – от такого жарева никто не откажется.

Пока телевизионщики дрыхли, Фирсыч сварил уху, испёк навагу, стараясь, чтобы она получилась сочной, разложил всё это на берегу на самодельном столе, сам поднялся на катер и ударил железкой в лемех, привязанный к верёвке – звук у лемеха был посильнее, чем у любой корабельной рынды, даже если она была отлита из чистой бронзы.

– На подъём флага с ложками становись! – скомандовал Фирсыч телевизионщикам.

Хохлатка Кис-Кис тоже проквохтала что-то бодрое – надо полагать, присоединилась к команде хозяина.

Хоть и болела у телевизионщиков голова – перебрали «розовой воды», – а на

уху поднялись все: Фирсыч умел готовить её не хуже, чем главный повар московского ресторана «Прага», а может, даже и лучше, мастерство его телевизионщики уже оценили, потому и не стали взбрыкивать ногами, лягаться, отгоняя от себя тех, кто покушался на их сон, после ухи, протрезвевшие, поплыли на дальний остров, где, как узнал Фирсыч, действительно начала поспевать янтарная морошка.

На острове Феля предложил выпить ещё «розовой воды», чтобы «глаза не замыливались и получше видели ягоду», Фирсыч на газетке разложил закуску – беломорскую селёдку из собственных за-

пасов, гости выпили один раз, другой, третий, сочли, что зрение поправлено основательно, больше не надо, и дружно завопили:

– Если сейчас сюда кто-нибудь приплывёт, нам не то, чтобы ягоды не достанется – не достанется даже листьев. Вперё-ёд»!

Курица с удовольствием наблюдала за картиной – людское оживление ей нравилось. Когда уходили, остатки выпивки и еды убирать не стали, «розовую воду» оставили прямо в стаканах, прикрыли только куском рубероида, который Фирсыч сбросил с катера на остров.

Когда народ, ахая, охая, азартно вскрикивая, уже скрылся в глубине острова, за камнями, Фирсыч предупредил курицу строгим тоном:

– Сиди тут, никуда не уходи, стереги имущество и жди нас. Поняла?

Курица в ответ наклонила голову:

– Ко-ко-ко-ко!

– Правильно: ко-ко-ко, – пробормотал Фирсыч добродушно, поправил рубероид на стаканах, бутылку с «розовой водой» заткнул газетной пробкой и, подхватив ведёрко, проворно поскакал за телевизионщиками.

Вернулся он часа через полтора. Ягода на острове была, уже спелая, наводку ему дали правильную, – хотя и мало её было, светилась она дорого среди косм мха-волосца и мелкого ползучего покрова брусники, – Фирсыч, человек до ягоды ловкий, знающий, где её можно рвать, а где нет, своё ведёрко наполнил быстро, а вот у телевизионщиков дело обстояло хуже: они в основном ягоду ели, а не собирали.

Курицы на месте не оказалось.

– Кис-Кис! Кис-Кис! – позвал Фирсыч.

В ответ – молчание. Нет курицы. Фирсыч огляделся. Рубероид был сдвинут с места – похоже, сдуло ветром – бутылка с «розовой водой» опрокинута, пробка из горлышка выпала (наверное, сидела слабо), стаканы, в которых оставался напиток, были пусты. Только муравьи в них лежали, скрючив лапки: отравились насекомые алкоголем.

– Не фига себе, рояль в кустах, – Фирсыч удивлённо почесал пальцами затылок, – и обществу, и природе был нанесён невосполнимый урон.

Но где же хохлатка? Он заглянул под один куст, под другой, под третий – нет хохлатки! Неужели тоже пошла собирать морошку?

Это оказалось не так: хохлатку он нашёл под пятым кустом – курица лежала под ним, задрав вверх лытки, сонно пощёлкивала клювом и звучно сопела, более того – она, кажется, даже храпела.

Всё было понятно: курица оскоромилась и надулась «розовой воды». Как будто какой-нибудь мужик с местного гидролизного завода, знающий в этом толк.

Фирсыч попробовал привести курицу в чувство, но куда там – хохлатка находилась в стадии глубокого опьянения, она, сонно сопя, перевернулась набок и вновь защёлкала клювом.

Пришлось перенести её на катер и уложить в ящик с ветошью.

Очнулась хохлатка лишь на следующий день, когда телевизионщиков уже не было – с песнями укатили в Архангельск, посылая Фирсычу воздушные поцелуи, – а «Галс» стоял на причале в Онеге.

Проснувшись, хохлатка громко заквохтала и через несколько минут снесла очередное двухжелтковое яйцо.

– Ну, ты, подруга, и даёшь! – восхищённо пробормотал Фирсыч. – Ты всегда так поступаешь?

– Ко-ко-ко-ко!

– Понятно.

Началась обычная жизнь. Вернее, не жизнь, а борьба за неё. Жители Онеги добывали себе пропитание с трудом, особенно они не любили столичные города, где всё можно было достать, Москву и Питер, все грехи валили на них и с ненавистью относились к тем, кто называл себя питерцем или москвичом.

Когда я приехал в командировку в Онегу, меня предупредили:

– В Онеге тебя никто не тронет, даже если ты скажешь, что приехал из Парижа, а вот где-нибудь в глубинке, в селе – скажем, в той же Тамице, если ты признаешься, что приехал из Москвы, могут убить. Имей это в виду, дядя. Особенно если будешь совершать променад в сосняке за белыми грибами.

Пришлось предупреждение это зарубить на носу – мало ли что? – вдруг какой-нибудь отставной помор вздумает погнаться с лопатой наперевес?

Фирсыч относился к москвичам лояльно, знал, что не в них дело, иначе я вряд ли когда услышал бы эту историю. В ту пору он ковырялся с «галсом», ремонтировал двигатель, вместе с ним машину ремонтировала и хохлатка. Иногда Фирсыч просил её:

– Кис-Кис, подай-ка мне ключ десять на двенадцать, – и хохлатка, подцепив клювом нужный ключ, напыжившись, волокла его к Фирсычу.

Ключ потяжелее осилить уже не могла, скребла впустую когтистыми лапами по палубе, квохтала, трясла гребнем, который стал у неё походить на тяжёлый хохлацкий чуб-оседлец, упиралась, но ключ всё равно выскользал у неё из клюва.

Яйца она по-прежнему исправно откладывала в ящик с ветошью – неслась без всякого петуха, да и подобрать в Онеге петуха для такой матроны было трудно, – и все яички, как на подбор, были двухжелтковые.

Уставал Фирсыч сильно – помощников-то не было, – обед устраивал прямо на палубе, раскладывал на фанерке картошку, огурцы, хлеб, пару головок лука, распечатывал обязательную в таких случаях чекушку. Наливал себе стопку, выпивал со вкусом – хар-рашо! Как-то он заметил, что вид у хохлатки расстроенный, грустная она отчего-то, и встревожился:

– Ты чего, Кис-Кис?

Хохлатка обиженно отвернулась от него в сторону. Фирсыч всё понял и, ругая себя, налил хохлатке немного водки в стопку, сунул ей прямо под клюв.

Хохлатка взбодрилась и немедленно приложилась к стопке. Водку она пила, как обычную воду. В общем, ловкое оказалось животное, ничего не скажешь. Правда, напиваться, как на острове, в дупель, уже не напивалась – берегла здоровье.

Пообедав, Фирсыч с удвоенной силой наваливался на работу, хохлатка, хлебнувшая алкоголя, взбодрившаяся, старалась не отставать от него. Вылезали оба из трюма, куда уже опустили двигатель, чумазые донельзя, у хохлатки даже гребень был чёрным, как у негра, блестящим от мазута, скрученным в рогульку; сам Фирсыч тоже был, как африканец,

также блестел от мазута, распространял вокруг себя чёрное, в синеву сияние, отряхивался и шёл в баню.

Курицу на улице Фирсыч не оставлял, тоже брал с собою, отмывал ей лапы, гребень, крылья, хвост, выносил в предбанник отдышаться. Хохлатка запрыгивала на скамейку, поставленную для отдыха, и тянулась открытым клювом к форточке – подышать.

Поначалу баня хохлатке не нравилась, и она протестовала против «мокрых процедур», потом привыкла – не ходить же ей чумазой. Народ северный старается жить в чистоте, раз в неделю в баню ходит обязательно, а если человек пребывает на грязной работе, то ходит каждый день. Бани в Онеге стоят в каждом дворе. К баням тут приучают даже коров и коз и, случается, их моют.

Утром снова шли на «Галс», Фирсыч и хохлатка Кис-Кис: Фирсыч впереди, хохлатка позади, отступя от хозяина на пару шагов. И вновь следовали отрывистые команды, схожие с охлёстами северного ветра:

– Кис-Кис, ключ десять на двенадцать! – и хохлатка поспешно волокла Фирсычу ключ десять на двенадцать, вкладывала его в протянутую руку.

– Ключ восемнадцать на двадцать четыре! – забывшись, кричал Фирсыч, в ответ звучало возмущённое «Ко-ко-ко-ко!» и Фирсыч, ругая самого себя, давал отмашку: – Тьфу, совсем забыл, что этот ключ тебе не по зубам.

Хохлатка возмущалась ещё громче:

– Ко-ко-ко-ко!

Двигатель «Галса» был благополучно отремонтирован, с отрегулированной машиной катер стал давать скорость на два с половиной узла больше, что было соответственно отмечено начальством. Правда, премии, которую получил Фирсыч, хватило лишь на две буханки хлеба, но и на том спасибо.

Фирсыч хлеба и купил, одну буханку скормил хохлатке, и та премией осталась очень довольна. А Фирсыч тем временем озадаченно почесал себе затылок: ему перестало нравиться имя, которое носил катер – «Галс». Нерусское имя, хотя и морское. А Фирсыч был русским человеком. Он пошёл к начальству.

– Господа хорошие, – вкрадчиво произнёс он в высоком кабинете, – сейчас в России всё и вся переименовывают, в Москве от старых названий, наверное, только Шаболовка и осталась. Вона, и Ленинград переименовали – теперь это город Санкт-Петербург…

– Фирсыч, чего ты хочешь? Говори короче.

– Разрешите переименовать «Галс».

– И на что же ты хочешь переименовать катер? Дать ему имя нашего прославленного земляка дважды Героя Советского Союза Шебалина? Так на это нужно разрешение Москвы.

– Корабль, носящий имя Шебалина, уже есть. – Фирсыч поскрёб пальцем затылок, помял шею и пробормотал полувопросительно-полуутверждающе: – Сейчас ведь всё можно, да?

В ответ прозвучало знакомое северное:

– Ну?

– Назовём катер как-нибудь ласково, по-домашнему…

– Например?

– Например, «Кис-Кис».

– А «Муркой» назвать не хочешь? В память о блатных бабёнках сорок шестого года?

– Не хочу. Но есть же у нас «Лунный кот». Чем «Кис-Кис» хуже?

– Не хуже, но и не лучше.

В общем, не удалось Фирсычу дать новое имя катеру, о чём он очень жалел, ибо таких домашних животных, как хохлатка, бегающая по судну вместо собаки, знающая каждый угол в машинном отделении, в рубке, в трюме и носовом отсеке, на севере больше не было, хохлатка была единственным таким экземпляром на огромных просторах здешних морей.

Вскоре жизнь начала налаживаться, двинулась в гору, Фирсыч получил повышение и стал одним из начальников в порту, «Галс» сдал другому капитану, а хохлатку перевёл на берег, поселил её у себя дома, во дворе.

Жила хохлатка в собачьей будке, стерегла имущество и по-прежнему несла крупные двухжелтковые яйца, Как и раньше – без всяких петухов, петухи ей не были нужны – обходилась без их помощи.

Двор хохлатка стерегла не хуже всякой собаки – если появлялся соседский кот или какой-нибудь бродячий кабысдох со свалявшейся шерстью на пузе, гоняла незваных гостей до посинения, пока у тех от усталости не начинали подгибаться лапы, – если, конечно, раньше они не находили дырку в заборе. На прощание хохлатка обязательно успевала пару раз клюнуть нарушителя территориальной целостности в задницы – на будущее. Чтобы знало зверьё, куда можно ходить, а куда нельзя.

Ещё себе в обязанность хохлатка вменила походы вместе с матерью Фирсыча к колонке за водой, охраняла старую женщину, отгоняла котов и ворон, когда те оказывались рядом, квохтала степенно, по-хозяйски, случалось, пила из ведра колодезную вкусную водичку, и вообще любила эти променады.

После променада получала на обед что-нибудь вкусное: мякиш, отщипнутый от буханки свежего хлеба, горсть пшеницы или разрезанную на несколько частей беломорскую селёдку... Селёдочку Кис-Кис уважала даже более, чем свежий пшеничный хлеб.

К старости хохлатка, как настоящая русская баба, набрала вес, раздобрела и сделалась такой тяжёлой, что самостоятельно не могла вскарабкаться даже на крыльцо, просила Фирсыча, чтобы тот подсадил её. И Фирсыч покорно выполнял хохлаткину просьбу.

Хохлатка довольно устраивалась на половичке, закрывала глаза и часа полтора загорала на солнышке, справедливо полагая, что воздушные, солнечные и прочие ванны будут ей полезны очень. После ванн устраивала себе полдник. Хорошо было. И жизнь была хороша и жить было хорошо.

Прошло десять с лишним лет. Многое изменилось с тех пор, многое забылось, но архангелогородскую «Робинзонаду», «Галс», хохлатку, прочие моменты суетной онежской жизни Фирсыч помнит до сих пор, и лицо его при воспоминаниях делается светлым и печальным одновременно. Таким, собственно, делается лицо каждого из нас, когда мы вспоминаем своё прошлое, пусть даже недавнее, это естественно.

А без прошлого, которое сидит в душе, часто встаёт в памяти, иногда даже возникает во сне, нет ни настоящего, ни будущего. И вообще жизни нет. Это закон.

Владимир
СОРОКАЖЕРДЬЕВ

ОБЕРЕГАТЕЛЬ ТУЛОМСКОГО МИРА

Оберегателем Севера назвал как-то писатель Владимир Лидин сказочника и художника из Архангельска Степана Писахова. Какое ёмкое слово – оберегатель! В нём заложен великий смысл: и защитник, и хозяин, и хранитель традиций, и исследователь... Таких людей – единицы, и с сожалением о них приходиться говорить: были.

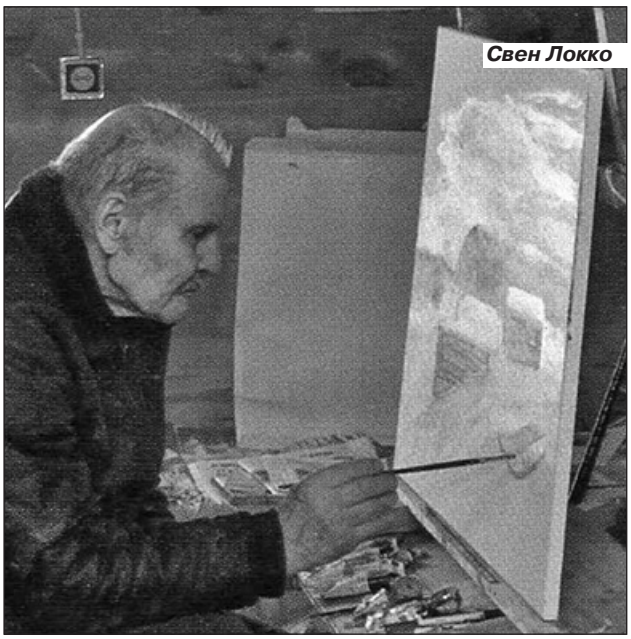
Слово оберегатель вполне приемлемо и к нашему земляку Свену Локко, в творчестве и характере его есть общие черты со знаменитым архангелогородцем – тоже талантливый художник и мастер слова.

Правда, Свен Локко писал не сказки, а романы и рассказы. Но присмотритесь к его живописи: поймы реки Туломы, заснеженные леса, сюжеты из довоенной жизни финнов-переселенцев увидены словно через волшебную призму. В его картинах ощущаются лубочный элемент, те же зимние работы художника похожи на рождественские или пасхальные цветные открытки.

Мэтры-художники порой снисходительно, как бы похлопывая по плечу, относятся к такому искусству: мол, самодеятельность, наивный реализм, примитивизм. Надо бы ещё учится и расти... Однако это художественное направление имеет глубокие корни и видных представителей. Вспомним «наивного» ненца Тыко Вылку, который в минувшем веке привнёс в картины, рассказывающие о суровой Новой Земле, засыпанной снегами, его второй родине, сказочность, лубочность, некую игру. Их мы находим и в живописных работах Свена Локко. Кажется, такой манере письма легко научиться, но это не так. Это приходит к человеку в раннем детстве, от общения с окружающей природой, сельчанами, религией. Их учить нечему, они уже закончили академию жизни.

Когда возникло увлечение кистями и красками? Локко однажды сказал: «Рисовать любил, сколько помню, с детства... Ощутил вдруг острую потребность изобразить красками то, что вижу вокруг». Изображал Свен Петрович не только то, что видел, но и что помнил: родную Тулому, Нотозеро, водопад Падун, которого давно нет, или, к примеру, Колу тридцатых годов – по улице дети помогают матери катить саночки с водой. Эта бесхитростная картина-воспоминание у обыкновенного зрителя вызовет умиление, а коренной колянин, переживший войну и прочие жизненные передряги, не удивлюсь, если смахнёт слезу.

Для Локко-художника характерны подробности быта, труда, детализация. Его герои живут в ладу с природой, постоянно трудятся – строят дом, ладят лодку, косят траву, рубят лес, ловят рыбу, возят воду и дрова... Эти картины автобиографичны, и многие из них имеют


Свен Локко

даже этнографическую ценность: тех селений уже нет, тех одежд уже не носят, а старым инструментом не пользуются. Сам Свен Петрович всю жизнь тоже строил, строгал, пилил, клал печи, ремонтировал, что-то изобретал – это помимо писания картин и романов.

Старая вырубка

Прошло немало лет, до сих помню хмельной свежесосновый запах ещё необустроенного дома, где мне постелили ночевать, – «дома, который построил Свен». Построил на своём участке в Верхнетуломском посёлке, не тронув окружающего леса. Шум деревьев был для гостя словно колыбельная.

А наутро нас разбудил грузовик, въехавший во двор, он издалека привёз тираж романа «Финны на Мурмане», первую его часть, под одной обложкой на финском и русском языках. Это была приятная работа и для меня, и тем более для автора – выгружать, распаковывать, любовно рассматривать своё детище, писать первый автограф... Книга одолела дальнюю дорогу из Нижнего Новгорода, где печаталась. Но творческий путь писателя неизмерим и непредсказуем.

В одном из интервью Свен Петрович поведал:

– Это было, когда я работал дежурным в машинном зале Верхнетуломской ГЭС. Захотелось вдруг описать один забавный случай, свидетелем которого был на рыбалке: двое рыбаков пытались вытащить в разные лунки одну и ту же щуку, которая села сразу на два крючка... Взял – и написал. Этот небольшой рассказ предложил журналу «Пуналиппу», он был там вскоре опубликован.

Журнал «Пуналиппу» («Красное знамя»), издающийся на финском языке в Петрозаводске, напечатав в 1970 году рассказ о щуке, уже не отпускал от себя даровитого финноязычного автора. После ряда рассказов о природе он опубликовал первый роман – «Люди Ледовитого». По этим произведениям в 1990 году Локко приняли в Союз писателей СССР. Я помню этот приём. Естественно, никто из наших мурманских письменников, не зная языка, романа не читал, но проголосовали единогласно. Были хорошие рекомендации финских писателей, проживающих в Карелии. Кроме того, мы знали Локко как публициста и краеведа.

А вот творческие отношения с русским журналом «Север» не складывались. Туда Свен Петрович предлагал остропублицистические материалы об охране природы, о разграблении леса, о произволе чиновников. И рад бы журнал напечатать, да над ним надзирала своя партийная номенклатура. В начале 80-х годов мой карельский знакомец писатель Виктор Пулькин, в то время сотрудник «Севера», писал в частном письме: «Свен – яростный защитник природы. Я пытался помочь ему напечатать очерк в «Севере» – нельзя, очень горяч и в фактах черт». За горячность, остроту суждений, правдивость фактов к Локко настороженно относились на всех местных уровнях, газеты печатали его с оглядкой на начальство, с сокращениями и исправлениями. К слову, Свен Петрович не рвался ни в Союз писателей, ни в Союз художников. Однако с членским билетом в кармане ему было проще разговаривать с руководящими людьми.

«Финны на Мурмане» – книга автобиографическая. Единственный домысел, по словам автора, то, что он изобразил переход отца из Финляндии, где победили «белые», в Советскую Россию летом, а не зимой, как было на самом деле. Сделал так, чтобы живописать летнюю природу Лапландии. Действие романа происходит в бассейне реки Туломы – в Куклино, где Суло (под этим именем вывел себя автор) родился, в Нотозеро, Пяйвеярви, Юркино. Здесь прошли детство и юность героя.

Жизнь на отшибе, вдали от городов, среди леса располагала, казалось бы, к покою и

гармонии с окружающим миром, но административная система не дремала: сначала переселили в ходе строительства Туломской ГЭС из затопляемых мест, а потом совсем изгнали. Отца, обыкновенного крестьянина, обвинили в шпионаже и расстреляли. Финны стали лишними людьми, чужими, а в сороковом году, с началом Советско-финляндской войны, даже вредными. Депортация, затем несколько лет за колючей проволокой под Челябинском – не скоро Суло-Свен смог вернуться в

Засолка сельди

родную туломскую долину... В романе немало лирических страниц о природе Кольского района, о взаимоотношениях человека с лесом, водой, зверьём, рыбой. Лад с окружающим туломским миром помогал выжить герою. Книгу «Финны на Мурмане» можно использовать учителям и студентам как краеведческий материал, освещающий скрытые до поры страницы освоения Мурмана.

В девяностые годы прошлого века, когда границы приоткрылись, Свен Локко не уехал в Финляндию или ещё дальше. Но на родине отца бывал часто, как переводчик ездил с разными официальными группами, или по личным делам. На той стороне у него знакомых немало. Когда в 93-м мы на пару пересекали Финляндию на своей машине, в какой бы деревне ни останавливались, везде друзья-знакомые, дружеские рукопожатья, разговоры о жизни. Не переселился Локко и в Мурманск, поближе к товарищам-писателям. Постоянно жил в родном Верхнетуломском, среди любимых лесов. Писал картины, рассказы о природе – о том, что увидел, услышал. Давал советы. Помнится, сотворил зарисовку «И всякой птахе нужен дом». О чём эта заметка?

«Около моего дома десяток дуплянок для всякой мелкой певучей птахи. Как приятно ранним утром слушать их разноголосый хор. В школьных мастерских нашего посёлка есть всё для такого полезного труда, а материала у наших пилорам тысячи километров. А вот заботы о братьях меньших не видно. Не умеете делать? Приходите. Научу с удовольствием». Поучиться у Свена Петровича можно было многому...

Я перелистываю красочный последний каталог первой посмертной выставки Свена Локко, изданный в Финлядии, смотрю эти же картины на стенах Художественного музея в Мурманске. Они здесь поселились временно, потом вернутся к хозяевам – в частные коллекции, музейные хранилища. Это удивительный мир добрых красок, воспоминаний и любви к родным местам, к прошедшему времени, к людям, жившим когда-то по соседству. Селений тех нет, и жителей нет, и Локко уже далече... 3 марта 2014 года ему исполнилось бы 90 лет.

Похоронен Свен Петрович на высоком берегу Туломы среди могучих сосен, в хорошем сухом песчанике. И в последний день, 18 ноября 2008 года, когда мы прощались со Свеном, прибежали даже белки, прилетели птахи, деревья опустили свои могучие ветви, чтобы проститься с ярким творческим талантом-оберегателем.

г. МУРМАНСК

НА НАШИ ИЗДАНИЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ ПО КАТАЛОГУ "РОСПЕЧАТИ":
"МИР СЕВЕРА"
ИНДЕКС - 47303. ПЕРИОДИЧНОСТЬ - РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ"
ИНДЕКС - 50232